

Трилогия
в одном
томе

АЛЕКСЕЙ ЦЕХОВ

Хроники Сиалы

Москва, 2012

АЛЕКСЕЙ ЦЕХОВ

Трилогия
в одном
томе

- Крадущийся в тени •
- Джанга с тенями •
- Вьюга теней •

Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 2005 году
Выпуск 3

Рисунок на переплете
И. Комарова

Иллюстрации
О. Юдина

Пехов А. Ю.

П23 Хроники Сиалы: Крадущийся в тени; Джанга с тенями; Выюга теней/Послесл. О. Жаковой.—М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.— 1151 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-0090-4

Вор и герой — понятия несовместимые? Как бы не так! Когда приходится делать нелегкий выбор между топором палача и Заказом на небольшую прогулку в мрачные могильники эльфийских лесов, трезвомыслящие люди выбирают топор палача, а герои, такие, как Гаррет, решают бросить кости и, надеясь, что выпадут шестерки, рискнуть.

Ведь всего-то надо пробраться в заброшенную башню Ордена, надуть парочку злобных демонов, избавиться от наемных убийц, подставить воровскую гильдию, выйти из десятка кровавых стычек... ну и доехать до этих тьмой проклятых могильников вместе с небольшим отрядом отчаянных королевских ружей. Стоит ли говорить, что такой Заказ просто невозможно выполнить?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0090-4

© Пехов А. Ю., 2005
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2005

● Крадущийся
В ТЕНИ ●

Глава 1

НОЧЬ

Ночь — лучшее время для таких, как я. Я выхожу на улицу, когда обычные люди уже давно спят в теплых постелях, и даже запоздавшие пьянчуги стараются переночевать в тавернах, не решаясь выбираться в непроглядную городскую темень.

Ночь. Тишина. Лишь шаги патрулей городской стражи гулким эхом разбиваются о стены старых домов, а затем разносятся по темным, умершим до утра улицам Авендума.

Солдаты идут быстро и торопливо, едва ли не вприпрыжку, в самых темных переулках срываясь на бег. Ребята боятся нарваться на неприятности, и я вполне понимаю наших нахрабрейших служителей закона. Нет, они не страшатся людей — безумцев, набравшихся достаточной наглости, чтобы броситься на блюстителей закона, ждут тяжелые алебарды. Они опасаются другого. Есть иные существа, скрывающиеся в тени каменных зданий. Те, кто выползает в это беспокойное время на ночную охоту. И Сагот помоги страже, если эти твари слишком голодны.

Ночная тень является убежищем для всех: мирных жителей, в страхе прячущихся от опасных людей; вору, желающих поскорее почистить кошельки добропорядочных горожан; грабителей, только и ждущих, как бы пустить в ход ножи; ну и демонов, разумеется, которые живут в этой самой тени и с удовольствием охотятся и на тех, и на других, и на третьих.

К счастью, с демонами, появившимися в городе после того, как Неназываемый и его многочисленные прихвостни зашевелились после веков покоя в Безлюдных землях, я ни разу не встречался. Потому и жив.

Шаги стражников, недавно прошедших мимо меня, затихли на соседней улице.

По приказу барона Фраго Лантэна, начальника городской стражи Авендума, все патрули усилены втрое. То, что сдерживало Неназываемого в Безлюдных землях, слабеет, и он скоро ворвется в наш мир из покрытой вечными снегами ледяной пустыни. Война бли-

зится, как бы Орден магов и многочисленные жрецы храмов ни пытались ее оттянуть. Это вопрос времени. Полгода, ну, может быть, год — и настанет то, чем так пугали нас в детстве. Неназываемый соберет армию, придет из-за Игл Стужи, и начнется ужас... Даже здесь, в столице, можно нарваться на осмелевших приверженцев Неназываемого. И я не уверен, что Дикие Сердца у Одинокого Великана смогут сдержать полчища огров и великанов...

Меня вновь не заметили. Спасибо ночной тени. Тень — моя подруга, моя любовница, моя напарница. Я прячусь в ней, я живу с ней, и только она всегда готова принять меня, спасти от стрел, от злобно сверкающих в лунной ночи клинков и кровожадных золотых глаз демонов.

Как говорит добрый жрец Сагота брат Фор: «Тень — родная сестра тьмы». А от тьмы недалеко и до Неназываемого.

Полная чушь! Неназываемый и тень? Абсолютно разные вещи. Это все равно что сравнивать огра и великана. Тень — это жизнь, свобода, деньги, власть и репутация. Уж Гаррет-тень знает об этом не понаслышке. Тень появляется только тогда, когда существует хотя бы крупица света, так что сравнивать ее с тьмой по меньшей мере глупо. Но моему старому учителю я, естественно, этого не говорю. Яйца курицу не учат.

Тихо. Так тихо, что слышно, как мотыльки цепляются хрупкими крылышками за ночную прохладу. Стража давно прошла, мне уже давно пора отправляться по своим делам, но я сегодня что-то слишком осторожничаю... Предчувствие заставляет меня задержаться в укрытии, возле стены здания, погруженного во мрак.

На узкой ночной улочке с каменными домами, заставшими еще Тихие времена, не раздавалось никаких подозрительных звуков. Лишь поскрипывала от слабого ветерка жестяная вывеска над лавкой булочника. Ленивый серо-желтый ночной туман, которым славится наша столица, застилал мощенную грубым камнем и избитую телегами мостовую. Говорят, туман — фокус какого-то волшебника-недоучки из далекого прошлого. Однако от его невинной шалости все архимаги королевства не могут избавиться и поныне.

Тишина тревожит меня. Так тихо бывает только в склепе богатея, после того как его навестила стая мелких городских воришек.

Скрипит вывеска, гуляет ветерок, неторопливо плывут облака по ночному небу. Но я все еще стою, слившись с тенью здания и стараясь не шевельнуться. Интуиция и мой житейский опыт заставляют меня вслушиваться в безмолвие ночного города. Ни одна, даже пустынная, улица не может быть настолько мертвой.

В ночи должны быть звуки. Шуршащие в мусоре крысы. Храпящий тут же пьяница, карманы которого уже успели почистить мел-

кие воришки, прежде чем забиться ночевать в какую-нибудь щель. Храп из окон седых домов. Крадущаяся в темноте грязная собака. Тяжелое дыхание новичка-разбойника, поджидающего жертву и сжимающего нож в потной от волнения ладони. Шум в лавках и мастерских — даже по ночам в некоторых из них продолжается кропотливая работа. Ничего этого не было на темной узкой улочке, укутанной пеленой тумана. Ничего, кроме тишины, мрака и сгущающейся опасности.

Ветерок загулял сильнее, загудел в крышах старых зданий, и тяжелые серые облака понеслись по небу, словно стадо больших пушистых овец. Беспечный гуляка-ветер ласково взъерошил мне волосы, но я не посмел накинуть капюшон. Чья-то требовательная рука удержала меня на месте, как бы говоря: стой, обожди, еще не время.

Сагот! Что же происходит на тихой темной улочке ремесленников?!

Словно отвечая на мою молитву, славный бог всех воров дал моим ушам больше чуткости.

Шаги. Торопливые шаги человека, которые не смог приглушить даже расплывающийся серо-желтой накипью туман. В соседней выемке, расположенной в стене здания напротив, я заметил мимолетное колебание тьмы.

Кто-то еще решил спрятаться?

Я всмотрелся в чернильную ночь. Нет. Показалось. Слишком волнуюсь в ожидании несуществующих неприятностей. Старею, наверное.

Между тем шаги становились все громче и громче. Их звук доносился с улицы, куда несколько минут назад свернула городская стража. Я замер и постарался слиться с тенью. Опасность кружила надо мной ленивым призраком.

Из-за поворота показался мужчина и быстрым шагом, переходящим в бег, направился в мою сторону. Дурак или храбрец, раз один шастает в темноте? Скорее всего, первое. Храбрецы долго не живут в нашем мире. Хотя дураки тоже, если только они не шуты нашего славного короля.

Какое неотложное дело заставило его выйти на ночную улицу, где даже масляные фонари не горят?

Незнакомец приближался. Высокий, хорошо, можно сказать богато, одетый, рука лежит на рукояти приличного меча.

Облака вновь напоззли на небо, закрыв собой звезды, и к полной тьме добавилась тьма кромешная. Я даже не смог разглядеть лица незнакомца, когда он поравнялся со мной. Хотя он был так близко, что если бы я захотел, то протянул руку и снял у него с пояса пуза-

тый кошелек. Но я не мелкий карманник, чтобы падать так низко — времена бурной молодости давно канули в прошлое, да и чутье подсказывало, что сейчас не стоит не то что дергаться, а даже глубоко дышать.

В нише напротив тьма вновь пришла в хаотическое движение, вскипая и клубясь черным цветком смерти, и я замер, леденея от ужаса. Из тьмы вырвалась Тьма, приняв обличье крылатого демона с рогатой головой-черепом и, словно лавина с Гор карликов, упала на жертву, придавив своим внушительным весом.

Человек издал вопль раненой кошки, попытался выхватить бесполезный меч, но тьма смяла, всосала, поглотила ночного путника, и существо, кем бы оно ни было, взмыло в небо, унося с собой свежее мясо, а может, и душу. Угольно-черный силуэт на миг промелькнул перед моими глазами и исчез.

Я медленно сполз по стене, стараясь успокоить дыхание. Сердце колотилось, точно бешеное.

Демон не заметил меня, хотя я все это время находился прямо напротив. Но если бы я шевельнулся! Если бы всего лишь задышал чуть громче... Это я стал бы его легкой добычей.

Повезло. В очередной раз мне очень повезло. Удача вора — женщина капризная, в любой миг может отвернуться, но, пока она со мной, я могу заниматься своим ремеслом.

В темном углу соседнего здания тихо пискнула крыса, за ней другая. В небе, охотясь за припозднившимися июньскими мотыльками, пролетела летучая мышь. Опасность миновала, можно продолжать путь. Я отделился от стены и, стараясь держаться наиболее темных участков улицы, двинулся дальше.

Быстрым шагом, не издавая сапогами ни единого звука, я перебежал от здания к зданию, из тени в тень. Улица Пекарей осталась позади, я свернул в переулок направо. Здесь туман был гуще, он обнял меня мягкими лапами, заглушил шаги, скрыл от глаз людей и нелюдей.

В тени по соседству раздалось шушуканье. Я замер, всматриваясь в серо-желтую мглу. Грабители. Молодые. Поджидают ночного гуляку или готовятся почистить спящих горожан? Сосунки. Слишком шумят, слишком неопытны. Опытные чистильщики переговариваются жестами.

Я проскользнул рядом с ними, но воришки не заметили меня. Тень в тени сложно увидеть неопытному глазу. Возникло дурацкое детское желание выскочить из тумана и громко сказать «Бу!» им в лицо. Но не до шуток. Нечего пугать молокососов. К тому же можно нарваться на нож.

Темный переулок кончился, и нависшие мрачные стены домов, видавших в этом мире и радость и горе, резко разошлись в стороны. Ветер разогнал тучи, и небо превратилось в скатерть, по которой богатый рассыпал монеты. Сотни и тысячи звезд замерцали мне этой холодной летней ночью.

На большой площади Грока горели одиночные фонари. Как-никак она была одной из центральных, и фонарщикам, несмотря на страх, приходилось выполнять свою работу. Пламя, закованное в стеклянные колпаки, разбрасывало вокруг себя пятна дрожащего света, и хаотичные тени молчаливо плясали на стенах угрюмых домов.

Это плохо, надеюсь, что погонщик-ветер снова приведет серых пушистых овец на небо, а пока придется держаться тени, жмущейся к стенам высоких зданий. Она стала бледной и пугливой от вездесущего света.

Сам Грок безмолвно смотрел на меня всевидящими глазами. Кажется, он был полководцем, спасшим наше королевство от нашествия орков, или каким-то королевским советником в далекую седую старину. Но теперь высокий человек в плаще уже которую сотню лет служил лишь бронзовым памятником, стоя на тумбе посреди мелкого круглого бассейна. А сразу за постаментом находилась цель моей ночной прогулки. Большой дом, окруженный высокой зубчатой стеной, сложенной из огромных каменных блоков, добытых в Горах карликов во времена, когда эта раса еще была дружна с нашим королевством. По мне, так это строение — полная безвкусица, но кронгерцог¹ Патину, живущему здесь, вряд ли интересно мое мнение. Кузен короля, ответственный за казну, — важная шишка, поэтому на его причуды в архитектуре закрывали глаза. Правда, были у Его Светлости гораздо более серьезные грехи вроде любви к молоденьким мальчикам, но об этих маленьких слабостях умные люди старались не распространяться, чтобы в один прекрасный день не обнаружить у себя под лопаткой нож.

Король терпел причуды родственничка. Но, по слухам, недавно он недосчитался в казне кое-каких денег. Значит, в скором времени должны полететь головы, так как Его Величество не очень-то благоволит к людям, тратящим государственные деньги направо и налево.

Высокую стену дома с двух сторон подпирали две башни со срезанными вершинами. В левой располагались семиярдовые ворота с тяжелыми деревянными створками, обитыми листовым железом. В них свободно могли бы въехать в ряд четыре всадника. Но этот па-

^{*} Здесь и далее к словам, помеченным звездочкой, см. примечания в конце книги. — Автор.

радный вход — только для приглашенных гостей, и мне лучше не думать о нем.

Я быстро перебежал освещенную площадь и укрылся в тени колонн Королевской библиотеки — места паломничества магов Ордена и историков. Иногда даже дворяне приходили сюда набраться ума, хотя чаще всего господа предпочитали отправляться учиться сразу в Ранненг — город знаний.

Из моего укрытия жилище герцога было как на ладони. Казалось, что дом вымер. Стражников не видно ни у ворот, ни на стенах. Небось сидят в караулке и стучат зубами. Я их вполне понимаю, сам бы спрятался в своей берлоге, если бы не Заказ. Он свалился на меня неожиданно-негаданно. Один человечек сделал предложение, от которого я не смог отказаться. Его интересовала некая редкая вещица в коллекции герцога. Платили отлично, и всего-то было нужно войти в дом, взять безделушку и выйти. Ничего сложного, особенно если учесть, что Его Светлость уехал со свитой охотиться на оленей в пригородные леса и домашней челяди в замке будет крайне мало.

Риск растрезожить осиное гнездо, конечно, велик. Но когда осы поймут, что к чему, меня уже давно не будет.

Я внимательно ощупал снаряжение и одежду, в который раз за ночь проверяя, взял ли с собой все необходимое, чтобы осуществить задуманное. Темно-серая куртка с капюшоном, серые перчатки, черные брюки и сапоги. Большой обоюдоострый нож, хорошо зафиксированный на бедре двумя кожаными ремешками, чтобы не мешал двигаться. В свое время я отдал за него кучу золотых. Чуть меньше локтя в длину, почти короткий меч — окантовку лезвия клинка покрывала серебряная полоска, и при желании можно было рискнуть и затеять драку даже с восставшим после смерти. Мне вполне могло повезти в такой схватке, и я ушел бы пусть с оторванной рукой, но живой. Этим же ножом, а точнее его тяжелой рукоятью, можно с легкостью лишить сознания любого попавшего под ноги идиота, которому не спится по ночам. Не тот мастер-вор, кто режет горло страже, поднятой по тревоге, а тот, кто бесшумно пришел, взял вещь и так же тихо ушел, оставив после себя как можно меньше следов, а следовательно, и трупов.

За спиной у меня висел миниатюрный легкий арбалет, свободно помещающийся в одной руке и несколько не стесняющий движений. Он стрелял короткими толстыми болтами с четырехзубыми стальными наконечниками, и при должном умении из этого малыша можно попасть в глаз человеку с семидесяти шагов.

В висящей на поясе маленькой мягкой сумке из телячьей кожи лежало несколько пузырьков на самый крайний случай. Знакомый торговец-карлик содрал за них все деньги, добытые мной при грабе-

же на приеме в доме у одного городского повесы. Однако эффективность магических штук вполне оправдывала ту цену, которую я заплатил.

Все. Больше тянуть нельзя. Стараясь все время держаться стены здания библиотеки, я устремился к дому герцога. Если бы кому-то вздумалось посмотреть со стены, то он бы увидел только серые камни и туман, разорванный ветром, играющим в пятнашки с тенями на площади. Зубчатая серая стена мелькала перед глазами размытым пятном. А вот и маленькая, почти неприметная для уличных прохожих, серая железная калитка для слуг, ведущая в святая святых Его Светлости.

Как назло, напротив горел фонарь и я был словно на ладони Сагота. Свет падал на стену, и тени здесь не было абсолютно. По счастью, улочка оказалась пуста, а патруль должен пройти здесь только через пару минут. Так что успею.

Я извлек из-за пояса набор отмычек, сделанных карликами по моему персональному заказу. Это только рядовые обыватели думают, что мастером-вором быть легко и дешево. Вранье. Чтобы что-нибудь серьезное украсть, самое главное — снаряжение (об опыте и таланте я скромно умолчу, так как без него много не наворуешь).

Самозабвенно копаясь отмычкой в дверном замке, я постарался нащупать пружину. Ага! Тихо щелкнуло. Первый рубеж обороны преодолен.

Тут как назло в начале улочки раздалось цоканье лошадиных копыт, и я заработал быстрее.

Щелчок. Второй секрет. Я отчаянно вращал отмычкой, стараясь нащупать последнюю пружину. Проклятый замок карликов! Умеют, недомерки, делать!

Все! Время вышло!

Выдернув отмычку из щелкнувшего замка — все пружины встали на свои места — я бросился на противоположную сторону извилистой улицы. В спасительную тень.

И вовремя.

Из-за поворота появились всадники. Двое, трое, пятеро, семеро. Ого! Тринадцать! Счастливое число! Наездники на высоких конях доралисской породы. Темные силуэты на сером фоне ночи. Я присел, натянул капюшон на лицо и прищурился, надеясь, что глаза не блеснули в свете звезд.

Десять воинов были облачены в серо-синие мундиры королевской гвардии. Одиннадцатый... оказался женщиной, лицо которой скрывала плотная вуаль. Двое мужчин, ехавших по обе стороны от нее, прятали лица под капюшонами плащей.

Когда они проезжали мимо меня, одна из лошадей всхрапнула и потянулась в мою сторону, но стражник дернул поводья, и путники двинулась дальше. (Интересно, что делают гвардейцы короля и неизвестная дама на ночной улице? Не мое дело. Долше проживу, а то найдут Гаррета-тень с перерезанным горлом в Холодном море.)

Сразу за странной кавалькадой, с интервалом в три минуты, проскакал еще один отряд. Одежда на них была обычная, а не серо-синяя, зато у замыкающего я заметил на рукаве пурпурную нашивку.

Ого! Дикие Сердца. Эти-то каким образом оказались так далеко от Одинокого Великана?

Я подождал, пока всадники скроются на другой улице, выждал несколько минут и снова направился к калитке.

Двор был тих, темен и пустынен. В гнездышке герцога горели только два окна: на кухне и под крышей. Съездившаяся от ночной прохлады трава полностью глушила мои шаги. Эта июньская ночь оказалась слишком холодна для сверчков, так что во внутреннем дворе повисла тяжелая длань тишины.

Вот и дверь на кухню. Дрожащее, робкое пламя факела коптит стену возле входа. Я мягко повернул бронзовую дверную ручку и оказался внутри.

Однако! Они тут с ума посходили, если не запираются на ночь?! Совсем герцог слуг распустил. Надеюсь, что после сегодняшней ночи и последующего за ней нагоняя они будут более прилежны.

Печи и камины кухни давно остыли. На столах было полно грязной посуды, а прямо на полу спал маленький поваренок. Я остановился в уголке и стал сверяться с планом, который находился у меня в самом надежном месте — в голове. Вон та дверь приведет меня в обеденный зал с высокой мраморной лестницей, ведущей на второй этаж. Но не стоит рисковать, есть обходной путь. Дубовая дверь справа ведет в крыло слуг, из которого я могу попасть на второй этаж, минуя охрану. Правда, стражники, насколько я знаю эту породу, давно спят, час поздний, но все же нарываться не стоит.

Я аккуратно (под ногами скрипел разошедшийся пол) двинулся вперед. Факелы в полутемном коридоре горели через один. За дверью слева раздавался храп здорового и довольного жизнью человека. Этот точно стражник — только они могут быть столь беззаботны. Посмеиваясь, я двинулся дальше.

Вперед! И тихо! Главное не спешить.

Коридор повернул, я проскользнул за угол и столкнулся нос к носу с бородатым увальнем.

— Привет! — сказал я прежде, чем он успел опомниться, и что есть сил вмазал ему кулаком в живот, а когда парень согнулся, добавил ребром ладони по шее.

Слава Саготу! Этот дуралей не успел заорать. На всякий случай я добавил ему еще немного, затем подхватил бесчувственное тело и потащил вперед. Нечего ему здесь валяться, а то найдет еще какой-нибудь лунатик, поднимет тревогу, и мне будет ничуть не лучше, чем гоблину, попавшему в лапы орков.

Держа парня под мышки, я осторожно толкнул ближайшую дверь. Пусто. Чудесно! Сунув бесчувственного незнакомца в шкаф, я аккуратно вышел. К утру оклемается, а если умен, то еще и будет молчать, иначе на него посыпятся все шишки.

Отлично! Я добрался до лестницы, ведущей из крыла слуг к герцогским апартаментам. Подняться по ней было делом одной минуты, и вот уже передо мной тяжелые дубовые створки двери в крыло герцога. Естественно, заперто, но это уже дело техники.

Коридор, как и все здание, был мрачен и пуст. Но я увидел, что здесь начинается коварный пол из мраморных исилийских плит, на которых шаги становились неестественно громкими и звонкими. Даже глухой на другом конце города услышит. А мне нужно было пройти весь коридор — до спальни в самом конце.

Проклятье! Если бы я умел летать!

Но я не умел. Поэтому пришлось применить все отпущенное мне Саготом мастерство, чтобы не шуметь.

За спиной раздалось угрожающее рычание. Я вздрогнул. Замер, не донеся ногу до черно-белой мраморной плитки, и осторожно повернул голову, ожидая увидеть тридцать три тысячи демонов тьмы... К счастью, их там не было. Всего лишь один гарринч, сверлящий меня безумными белесыми глазами.

Внутренне я похолодел. Жулик Гозмо, вручая мне Заказ, ничегошеньки не сказал про то, что в доме герцога живет такая тварь. Вот я вляпался!

Гарринчи обитали далеко на юге, в степях Унгавы, почти на границе с жарким Султанатом. Эти существа великолепные сторожа, особенно от таких парней, как я. Добыть живого детеныша гарринча непомерно трудно, почти невозможно, поэтому их цена просто невероятна. Говорят, сокровищницу короля охраняют две такие твари.

Гарринч больше всего походил на огромную, размером с отъезжегося теленка, крысу, покрытую змеиной чешуей вместо шерсти, с великолепным набором зубов, способных распилить рыцаря в броне, и двумя белыми глазами-буркалами. Убить его, если, конечно, вы не маг, крайне сложно. Фыркнув, он вопросительно-насторожен-

но устался во мрак, где я изволил спрятаться. И мне оставалось лишь молиться Саготу, чтобы тот защитил своего скромного слугу.

Я потихоньку обливался потом. Гарринч продолжал соображать. Подумав с минуту, зверь еще раз зарычал. Он чувствовал подвох, но не понимал, куда я мог деться, поэтому пытался меня вспугнуть.

Как же! Нашел дурака!

Наконец, не дождавшись ужина, тварь медленной косолапой походкой направилась в сторону открытой двери, ведущей в крыло слуг. Как я понимаю, обычно вход в их помещение заперт еще и для того, чтобы тварь, которую выпускают для охраны этажа, никого не съела. Но я беспечно оставил дверь распахнутой. Вот будет утром потеха, когда кто-то недосчитается парочки стражников!

Я еще раз перевел дух и убрал палец со спускового крючка арбалета. Пронесло. Но надо быть настороже, тварь в любой момент может вернуться.

Из-под двери спальни герцога выбивался тоненький лучик света. Странно. Неужели там кто-то есть?

Я поднес ухо к замочной скважине.

— Чушь! Я верен Хозяину! — раздался резкий визгливый голос.

Герцог? Какой тьмы он дома, а не на охоте?!

— Верен? — От этого голоса по моему телу пробежали мурашки. В нем не было ни капли жизни. Могильный холод вперемешку со злой насмешкой. — Странно. Если это так, то почему же король до сих пор не бросил дурацкую затею с Рогом?

— Это все его проклятая гвардия и Алистан Маркауз! Король под присмотром круглые сутки! Капитан что-то подозревает! Я не могу поговорить с Его Величеством наедине!

— Мой Хозяин не привык, когда его приказы не выполняются.

— А я не привык к тому, что мне не дают то, что уже давно обещали! — Человек сорвался на крик. — Вы подлые лживые ублюдки! Я больше не желаю иметь с вами никаких дел.

— Хорошо. Сейчас ты получишь свою плату, — чуть помедлив, словно вслушиваясь в только ему понятный приказ, произнес мертвый голос.

— Постой, постой, я пошут... А-а-а-а!!!

За дверью раздалось мерзкое хлюпанье, затем что-то упало, и хлопнули распахнувшиеся ставни.

Я тихо выругался и осторожно заглянул в спальню герцога.

Огонь в камине тускло трепетал. Дрожащее пламя не могло осветить гигантское помещение спальни и выхватывало лишь отдельные участки, но я прекрасно видел застывшего в высоком красном кресле герцога Патину с искаженным от ужаса лицом и разорван-

ным горлом. Из рваной раны веселыми толчками ритмично вырывалась кровь.

На открытом окне я заметил темный крылатый силуэт ночного гостя. На миг я встретился с желтыми глазами, смотрящими на меня с холодной насмешкой и превосходством самой смерти, а затем мой палец сам нажал на спусковой крючок. Тетива сухо щелкнула, и тяжелый арбалетный болт ударил в спину прыгнувшей с окна и уже расправившей крылья твари. Раздался тупой удар, как будто сталь карликов попала не в живое тело, а в мокрый ствол дерева. Существо беззвучно растворилось в ночи. По-моему, его ни сколько не расстроил болт в спине.

Пора делать ноги. Герцогу уже ничем не поможешь, а если заступают рядом с телом, то на меня повесят убийство. За подобным преступлением против короны следуют долгие разговоры в пыточных подвалах Серых камней. Я подлетел к полкам, схватил нужную мне золотую статуэтку собаки и бегом устремился к двери.

В начале коридора вновь появился гарринч. Мы увидели друг друга одновременно.

Тварь радостно взревела и огромными скачками ринулась к новоявленному ужину. Я, не останавливаясь, закинул арбалет за спину и, сунув руку в сумку, выудил флакон с синей фосфоресцирующей жидкостью. В нашем деле главное — хладнокровие. Когда гарринчу оставалась до меня пара прыжков, я выплеснул флакон прямо в его оскаленную морду.

Физиономию твари окутало синее облачко. Гарринч резко остановился, удивленно чихнул, а затем, напрочь забыв обо мне, стал усиленно и ожесточенно тереть морду передними лапами. Я со всей возможной скоростью пробежал мимо него, в душе пожелав мерзкой твари избавиться от волшебной чесотки лет эдак через двести — триста.

Завтра весь город будет бурлить, и мне не нужно лишнее внимание.

Миниатюрный дом-дворец ныне покойного герцога маячил за моей спиной. Как только получу деньги, на пару месяцев лягу на дно. Я выполнил Заказ и теперь направлялся к себе в берлогу, молясь Саготу, чтобы никого не встретить на обратной дороге...

Глава 2

НЕОЖИДАННЫЕ ВСТРЕЧИ

Вечерние сумерки упали на оживленный Авендум, заставляя горожан пошевеливаться. Люди и нелюди спешили, стараясь закон-

чить все дела до наступления ночи. Поэтому в узеньких тесных кварталах и извилистых улочках Портового города горожане торопились провести с пользой каждую минуту, перед тем как темнота разгонит их по домам.

Вот суетливо пробежали женщины, крепко прижимая к себе корзинки с нераспроданной снедью. Вот с гиканьем и свистом, взметая грязь, пронеслась пара молодых, в стельку пьяных дворян на горячих конях, заставляя прохожих вжиматься в стены и гневно грозить всадникам кулаком в спину. Вот толстый лавочник отвесил подзатыльник мальчишке-подмастерью, чтобы тот порасторопнее закрывал ставни лавки, а не глазел на городских стражников, печатающих шаг по грубой каменной мостовой.

Один из солдат бросил на меня хмурый взгляд из-под своего шлема. Я радостно ему улыбнулся, стараясь показать: смотри, мол, какой я вежливый и мирный человек. Стражник буркнул себе под нос что-то неллицеприятное на мой счет, покрепче сжал в руке алебарду и направился прочь. Я ухмыльнулся.

Стража Портового города на все закрывает глаза, даже на человека, из-под плаща которого выпирают очертания арбалета — оружия, если честно, обычным гражданам в черте города запрещенного. Обрати на меня внимание охрана города Внутреннего, и я бы обычной улыбочкой не отделался. Минимум две золотые монеты, чтобы служители порядка и справедливости забыли мое лицо до следующей встречи.

Я тут все говорю — Внутренний город, Портовый город. Все эти названия сможет понять только житель Авендума, протянувшего щупальца улиц и кварталов на огромную территорию.

Так уж исторически сложилось, что столица возникла на берегу Холодного моря, на севере королевства Валиостр. С высоты полета дракона город похож на огромный треугольник. Своим основанием он опирается в свинцово-серое и суровое Холодное море, две другие стороны обнесены высокой угрюмой стеной, в которой через равные промежутки стоят мощные сторожевые башни.

Имеется восемь городских ворот — на двух сторонах треугольника по четыре, а с моря город закрыт от врага мощным фортом, в котором поставлены пушки извечных врагов карликов — гномов. Гномам не очень-то нравится море, но любовь к золоту у них оказалась сильнее, чем нелюбовь к соленой воде. И теперь форт надежно защищает Авендум с моря, и мирануэхцы уже не решаются напасть на своих корытах на вооруженную пушками серую громадину.

Говорят, в трех штурмах столицы, которые случались за последние триста лет, ни одни ворота еще ни разу не пали.

Вот только неизвестно, что будет, если армия Неназываемого, расправляющая плечи и выходящая из многовекового самозаточения в Безлюдных землях, попробует сейчас нашу столицу на свой огрский и великанский зуб? Да и ребятки из Рачьего герцогства сидеть тихо не станут и помогут в этом нашим врагам обязательно. Ну что же, поживем — увидим. Я никуда не спешу, хотя некоторые особо азартные и ненормальные уже делают ставки, сколько створок и как долго устоит перед силой великанов тундры и холодной яростью снежных огов.

Возле внешней стены раскинулся Пригород. Сотни маленьких домиков из дерева и камня, в которых ютятся те, кому не хватило места в столице или у кого просто нет денег и возможностей в ней поселиться. Сразу за воротами начинаются дома горожан со средним достатком, или Внешний город. А уже за ним расположен Внутренний город. Он обнесен дополнительной стеной (мне пару раз приходилось перелезать через нее, когда особенно ретивый патруль решал устроить старине Гаррету проверку в беге).

Внутренний город — это сплошь дома аристократов, больших шипек и магов. В нем есть чем поживиться, но вероятность влипнуть в историю тоже велика. Именно здесь находится дворец короля.

Со стороны моря во Внутренний город врезаются город Ремесленников и кварталы Магов. Лавки, кузницы, дубильни, пекарни, магические магазинчики, библиотеки, храмы божеств и так далее. Возле самой кромки моря находится Портовый город. Здесь расположен порт, куда приходят корабли со всего света. Также в этой части столицы есть улицы, куда не рекомендуется ходить без кольчуги и надежной охраны. Особенно по ночам.

То, что я рассказываю — это лишь малая часть, капля вина в море грязи, потому как в нашей столице еще сотня кварталов и мест. В одних живут только чародеи, в других — карлики, которые не рассорились с людьми после того, как мы заключили пакт с гномами. Есть также Закрытая территория (или Запретная, или Пятно, как ее еще называют) — район, обнесенный высокой стеной, пронизанной защитной магией. Никто не знает, что в нем происходит.

Примыкающая к Портовому городу Запретная территория появилась около трехсот лет назад в результате проклятия. Маги королевства не смогли с ним справиться и, поняв, что все их хваленые огненные шары и прочая балаганная мишура никак не действуют на черное шаманство, волшебники взяли и отгородили проклятую часть города от других районов стеной. Ходили слухи о страшных существах, обитающих в Запретной части, но смельчаков, решившихся проверить эти рассказы, не находилось. По крайней мере я о таких я не слышал.

Ладно, хватит! Если я начну перечислять все достопримечательности любимого города, то времени мне и до ночи не хватит.

...Из боковой улочки вынырнули, направляясь в мою сторону, две тени. У одной в руке блеснул металл. Совсем мелкое ворье обнаглело — уже грабят в сумерках. Я остановился и повернулся к ним лицом. Тени замешкались, и одна, та, что была без ножа, выйдя на свет виновато развела руками.

— Прости, Гаррет, — произнес едва знакомый мне по «Ножу и Топору» тощий субъект. — Не узнали.

— Богатым, значит, мне быть, — как можно более хмуро произнес я и театральным жестом потянулся под плащ, к арбалету.

Несостоявшийся грабитель нервно сглотнул, еще раз извинился и скрылся в подворотне вместе со своим напарником — искать более слабую жертву.

Я продолжил путь по Портовому городу, пряча улыбку. Репутация — все же хорошая штука. Все не дружащие с законом граждане Авендума знают Гаррета-тень и даже если не видели, то хотя бы слышали о нем. После того как я прострелил ноги парочке уж очень ретивых любителей дармовых деньжат, грабить меня опасаются, хотя не исключено, что смельчак, решивший заработать себе имя на моем ограблении, рано или поздно найдется. Поэтому надо всегда быть начеку.

Я остановился возле старого и ничем не примечательного здания. Таких в Портовом городе полно. Единственное, чем оно отличалось от многих подобных — это вывеской.

«Нож и Топор».

Огромных размеров жестяной нож и топор висели тут же. И, полагаю, даже тупому доралиссцу было понятно, кто собирается в этом заведении. Я толкнул деревянную дверь и погрузился в людской шум и гам.

Трактир, в котором нашли приют мошенники и воры столицы, в отличие от других заведений будет работать всю ночь. Старый Гозмо, владелец этого клоповника, знает, как зарабатывать денежки.

Я кивнул двум вышибалам, стоящим возле входа с дубинками наперевес, и пошел к стойке, лавируя между столами и стараясь проскользнуть как можно незаметнее, не привлекая внимания посетителей.

Некоторые личности бросали мне вслед злые взгляды. За моей спиной раздавались шепотки. Мир несовершенен. В нем полно завистников и тех, кому мне довелось перебежать дорогу. Пускай бормочут. Дальше шепота за спиной все равно не отважатся пойти.

Наконец я пробрался между столами и кивнул Гозмо, который сегодня самолично стоял за стойкой. Сутулый старый прохиндей,

любивший раньше прогуляться по ночам в дома богатеньких жителей Авендума, теперь остепенился и открыл такое вот заведение, где относительно спокойно могли себя чувствовать не самые порядочные и чистые на руку личности. Тут ребята моей профессии отдыхали, искали новую работенку, покупателей и заказчиков. Хитрюга Гозмо не только создал отличное место для сбора всех работников ночи, но и нашел великолепный способ заработать денег.

— А-а-а... Гаррет,— сердечно поприветствовал он меня. Гозмо всегда был рад клиентам. Издержки новой профессии.— Давненько тебя не видел. Сто лет не навещал старика.

— Дела, дела,— произнес я, толкая через стойку в руку сутулого трактирщика сверток со статуэткой.

Гозмо был хорошим наводчиком, и именно он подкинул мне Заказ на путешествие в усадьбу ныне покойного герцога Патины. Трактирщик ловко поймал сверток и так же незаметно, как и я, отправил мне в руку кошелек с обещанными двадцатью золотыми. Товар тут же схватил один из разносчиков трактира и, сунув его в грязную холщовую сумку, понес заказчику.

Я отсчитал из полученного пять монет.

— За что я тебя люблю, мой мальчик, это за то, что ты всегда расплачиваешься с долгами,— весело произнес старый прохиндей, и я поморщился.

Ворую я, конечно, чужие вещи, но вот расплачиваться с наводчиками приходится своим золотом, полученным за продажу этих вещей. Не то чтобы я был скрягой... Но остаться вместо двадцати золотых с пятнадцатью все же обидно. Однако я задолжал старому мошеннику за прошлое дело, так что он вполне справедливо снял с меня причитающуюся сумму.

— Ты слышал, что милорд Патина неожиданно-негаданно помер два дня назад? — как бы невзначай спросил Гозмо, протирая пивные кружки. Мое хмурое лицо он словно бы и не замечал.

— Да? — Я выразил свое искреннее удивление столь неожиданной кончиной вполне здорового герцога, на котором могли бы пахать все крестьяне Валиостра и Загорья вместе взятые.

Гозмо это удивление ни капли не обмануло, но он все так же продолжал протирать кружки, будто ничего не понял.

— Да, да. Его нашли с разорванным горлом. А гарринч, охранявший его богатства, чесался и не обращал внимания на людей.

— Правда? — изумился я.— Кто бы мог подумать, что там был гарринч. Мне вот лично о нем никто не говорил.

Трактирщик пропустил мой упрек мимо ушей. Он умел прикидываться абсолютно глухим, и, надо сказать, временами это у него великолепно получалось.

— Тебе как всегда? — спросил он.

— Да. Мой стол свободен?

Гозмо кивнул, и я направился мимо оживленно вопящих что-то пьяных аферистов, мимо поющей на сцене полуголой девицы в дальний угол зала. Сел спиной к стене и лицом ко входу в заведение. Что поделать, привычка, выработанная годами.

Сразу, как по волшебству, передо мной появилась кружка портера и тарелка с мясом. Что уж говорить, у повара Гозмо иногда случались просветления, и тогда он готовил, ничуть не уступая ребятам с кухню аристократии. Все это принесла очаровательная служаночка, которая весело мне подмигнула, но, увидев мою вечно хмурю физиономию, фыркнула и удалилась на кухню, сердито виляя пятой точкой и срывая восхищенные взгляды сидящих за соседними столами жуликов.

Однако мне было не до ее неоспоримых прелестей. Город бурлит. Пора нырять на дно.

На пятнадцать золотых крестьянин мог безбедно существовать чуть ли не целый год, но для меня эта сумма была не очень большой, а с работой в ближайшие месяцы следовало завязать. Не ровен час, все же кто-нибудь свяжет смерть герцога и пропажу статуэтки, и вот тогда начнется охота по всему Авендому за всеми ворами. И меня могут для довеска загрести. Если поймают, конечно.

В способностях подчиненных Фраго Лантэна я сомневался. Я вообще был не самого хорошего мнения о страже.

Не успел я отхлебнуть из кружки густого пива, как передо мной вырос тощий бледный субъект и, не церемонясь, сел на свободный стул напротив. Лично я этого парня видел впервые.

Тип мне не понравился сразу. Его бледность и худоба наводили на мысль о том, что он вампир, но я конечно же ошибался. Вампиров не существует. Незванный гость был человеком. И, судя по всему, очень опасным. Ни одного ненужного или лишнего движения, холодный оценивающий взгляд. Я не первый год на улице. Насмотрелся на таких.

Я даже хотел потянуться за арбалетом, но раздумал. Мало ли что. Может, он просто решил поговорить о погоде?

— Я разве кого-то приглашал? — спросил я как можно безразличнее.

Но от незваного гостя не укрылось мое мимолетное напряжение, и он криво ухмыльнулся:

— Ты Гаррет?

— Все может быть. — Я пожал плечами и глотнул пива.

— Меня просили тебе кое-что передать...

— Неужели деньги? — как можно искреннее удивился я.

— Да нет.— Бледный не собирался вступать в словесную перепалку.— Я должен передать тебе, что Маркун недоволен.

— С каких это пор наемные убийцы передают сообщения главы гильдии воров? — резко спросил я, ставя на стол кружку.— Или гильдия убийц успела снюхаться с гильдией ночного братства?

— Это не твое дело, Гаррет.— Бледного ничуть не покорило, что я догадался, кто он такой.— Маркун последний раз предлагает тебе вступить в гильдию и платить взносы.

Эх, гильдии, гильдии! Король закрывает глаза на гильдию воров и на гильдию убийц. До поры до времени. Официальные власти не трогают эти сомнительные организации, пока те не зарываются и платят налоги. И, надо сказать, в казну отчисляются огромные деньги. Чуть ли не половина от заработанных ночным братством денег. Потому я и не в гильдии. Зачем кому-то дарить золотые, заработанные почти что честным трудом?

— Мне жаль его огорчать.— Я как можно гадливее ухмыльнулся.

Гаррет-тень, мастер-вор, о котором в Авендуме ходят легенды и который ни разу не попался страже, не хочет вступать в гильдию.

— Я свободный охотник. И Маркуну ничего не должен. Он и так захапал под себя всех жуликов Авендума. Не собираюсь подчиняться разжиревшему карманнику.

— Хорошо.— Бледный нисколько не расстроился от моего отказа и все так же безразлично смотрел мне в глаза.— Это твое последнее слово?

Я кивнул, показывая, что разговор исчерпан, и тут же расслышал сквозь шум и гомон заведения тихий щелчок взводимой пружины. Убийца опустил руки под стол. Это произошло столь быстро, что я даже не успел заметить этого движения. Бледный и вправду оказался настоящим профи.

— М-да. Скряга Маркун в этот раз не на шутку расщедрился, если нанял такого, как ты.

Я расслабился и постарался не делать резких движений. Рыпаться не стоило, тем более не зная, что там у него под столом. Такой же арбалет, как у меня, или еще что похуже?

— Ты прости, Гаррет,— произнес Бледный, хотя я не верил, что этого парня мучает совесть.— Ничего личного, это всего лишь работа. Ты понимаешь.

— Ты, видно, глупец, если собираешься отправить меня к Саготу в заведении Гозмо.

— Ну что ты. Ты просто вдруг окажешься пьян, и я, как твой лучший друг, помогу тебе выйти. Прогуляться на свежем воздухе.

Значит, яд. Я сжался, ожидая удара. Тьма! Как нелепо я попался!

Но, как всегда, милая удача кинула кости, и мне выпали шестерки. Во всем «Ноже и Топоре» наступила оглушающая тишина. Замолокла певичка, стих пьяный хохот и оживленные разговоры. Настоящее кладбище, и Гозмо на нем главный покойник. Я посмотрел на входную дверь, и, наверное, мои глаза стали квадратными от удивления, раз даже такой профессионал, как Бледный, сделал то, чего никак нельзя делать опытному убийце. Забыв обо мне, он обернулся, решив посмотреть: что же там произошло?

У входа в трактир стояла городская стража, крепко сжимая в руках алебарды и арбалеты. И ни у кого не вызывало сомнений — ребята готовы пустить их в ход, если где-нибудь сверкнет нож. Было видно, что это не портовые дармоеды, а воины Внутреннего города. Слишком откормленные и холеные. Таким палец в рот не клади. И даже вышибалы, маму которых можно было уличить в связи с троллями, отошли в сторону, пропуская незваных гостей в святая святых воровского мира.

Должно было случиться нечто очень важное, если стражники, которым Гозмо регулярно отстегивал, чтобы они не замечали его маленького заведения и публички, которая в нем обитает, пришли сюда.

Впереди оранжево-черной оравы стоял не кто иной, как начальник городской стражи — барон Фраго Лантэн. Его взгляд близоруко ощупывал замолчавший зал и наконец вцепился в меня. Барон кивнул самому себе и направился прямо ко мне.

— Вина, — бухнул он, проходя мимо побледневшего Гозмо, который наконец-то оставил и так чистые кружки в покое.

— Сию секунду, ваша милость. Все самое лучшее, — заюлил трактирщик, немного отойдя от потрясения. Не каждый день такой человек посещает скромные воровские крысятники.

Тут же засуетились служанки. Гомон возобновился, но чувствовалось, что в зале повисла тяжелая длань напряжения и внимания. Девица снова запела что-то дрожащим голосом, косясь на барона. Десятки глаз следили за идущим к моему столику низеньким человеком, который мог в любое время засунуть каждого, кто не хочет жить по закону, в Серые камни — самую суровую и страшную тюрьму северных королевств.

Несколько человек не выдержали и потянулись к выходу. Стража им не препятствовала.

— Не радуйся раньше времени, — прошипел Бледный, незаметно убирая что-то себе под плащ. — У меня еще будет возможность для долгого разговора с тобой, Гаррет.

— Смотри не уколись, — съехидничал я, но Бледный уже исчез, растворившись в полумраке, как будто его и не было.

Я тихо выдохнул и вытер вспотевшие ладони.

— Гаррет? — спросил барон, останавливаясь передо мной.

Я внимательно посмотрел на низенького жилистого человека в форме стражи Авендума. Его камзол был намного богаче, чем у рядового воина. На мой вкус — излишне много бархата. А вот тонкий и изящный клинок из Филанда мне пришелся по душе. За него вполне можно было купить три заведения, ничем не уступающих «Ножу и Топору».

Отпираться не было смысла, и я указал Фраго Лантэну на стул, где только что сидел Бледный.

— Присаживайтесь, ваша милость.

Подскочивший Гозмо самолично принес бутылку лучшего вина, фужеры и закуску. Милорд молча дождался, когда все это окажется на столе, и тихо бросил:

— А теперь пшел вон. Будешь крутиться под ногами, сгною.

Гозмо с поклонами и глубочайшими заверениями в своей честности удалился, чуть было не споткнувшись о стул.

Фраго молча налил полный фужер красного вина, сделанного далеко на юге, там, где Хребет мира встречается со степями Унгавы, и залпом осушил его. Затем довольно крикнул и принялся изучать мое лицо. Я в долгу не остался и стал рассматривать своего неожиданного спасителя.

Я пару раз сталкивался с Лантэном. Не лично, слава Саготу. Только интересами. Я однажды позаимствовал у него из дома одно колечко. После этого барон пытался меня поймать и упечь в Серые камни, но у него ничего не вышло. Он даже объявил награду за мою голову, и мне, чтобы избавиться от этой сомнительной славы, в одну из особенно темных ночей пришлось украсть приз из его особняка. Как говорится, нет денег, нет награды, и мне забот несравнимо меньше.

Хоть мы и были на ножах и перебежали друг другу дорогу, но я уважал этого человека. Накажи меня Сагот, если это не так.

Барон был честен. Разумеется, в меру своих сил и возможностей. Конечно же он брал взятки — кто этого не делает в нашем продажном мире? Но, отстегивая барону, человек был уверен, что все будет путем. Его не подставят и не арестуют.

Лантэн был человеком чести. Он никогда не бил исподтишка, не унижал своих подчиненных, хотя и держал их в кулаке. Барон был предан королю и место свое получил не благодаря деньгам и родственным связям, а заслужил.

Авендум много выиграл, когда этого человека назначили начальником стражи. Хотя нам, вора́м, после этого назначения приходилось не сладко. Количество преступлений, конечно, не уменьши-

лось, но душегубы, прежде чем пойти на дело, теперь оглядывались по сторонам: нет ли поблизости его милости? Небольшая, но все же победа в вечной борьбе закона и преступности.

— Не могу сказать, что счастлив знакомству,— буркнул барон, глядя на меня из-под густых кустистых бровей.— Я бы с радостью отправил тебя в Серые камни.

Я промолчал. У меня вертелась на языке одна подходящая фраза, но я решил попридержать ее на потом. По крайней мере, этим вечером в тюрьму мне не хотелось.

— Собирайся, Гаррет.

— Куда, ваша милость? — Кажется, этот человек смог меня ошеломить.— Уж не в ваши ли любимые Камни?

— Нет. Пока.— Он взглянул на меня.— Один... человек хочет поговорить с тобой. Я должен тебя к нему доставить.

— Правда? К палачу, что ли? — съехидничал я.

— Собирайся. Нечего ёрничать,— еще сильнее нахмурился милорд Фраго.— Лучше идем добровольно.

Я, сам того не желая, бросил быстрый взгляд на скучающих возле двери стражников. Не справиться. Много. И небось еще столько же у черного хода.

— Все выходы перекрыты.— Он как будто услышал, о чем я думаю.— Деться тебе некуда. Разве что, как вампиру, превратиться в туман и смыться сквозь щелочку.

— Вампиры не могут превращаться в туман, их вообще нет. Бабкины сказки,— машинально ответил я.

И прикусил язык.

— Так ты идешь? — Фраго терял терпение.— Ночь скоро кончится, а я привык в это время спать, а не развозить ворье.

Я молча отодвинул стул и поднялся, кутаясь в плащ.

— Вот и хорошо,— тихо сказал начальник стражи и, взяв бутылку дармового и дорогого вина в левую руку, направился к выходу. Я шел за ним, чувствуя, как любопытные взгляды всего заведения буравят мне спину...

Глава 3

ЗАКАЗ

Возле трактира, купаясь в густых, как сливки, сумерках, стояла большая карета, запряженная четверкой пепельно-серых лошадей доралисской масти. Лошади косились на стражников и нервно фыркали. Не только люди хотели провести ночь под защитой надежных стен.

Только сейчас я увидел, что окна экипажа забиты толстыми досками.

— Это чтобы я не сбежал? — буркнул я, забираясь в экипаж и садясь на мягкую скамейку, обитую красным бархатом.

Дорогой экипаж. Не каждому по карману. А четверка доралисских лошадок и вовсе стоит баснословных денег.

— Это чтобы тебя в темноте кто-нибудь не выдернул из окна. Кто-нибудь очень голодный, — ответил севший напротив меня Фраго.

Мы поехали по ночным улицам, и я только успевал подпрыгивать, когда колесо наезжало на особенно выступающий из мостовой булыжник. Барон молчал, иногда бросал на меня хмурые взгляды, и мне оставалось только вслушиваться в цокот копыт лошадей сопровождающих нас стражников, и строить догадки: куда же меня везут?

К чему весь этот маскарад? Чтобы доставить меня в Серые камни, барон с тем же успехом мог повязать мою скромную персону прилюдно. Впрочем, я сам виноват в своих бедах. Слишком расслабился в последние два дня. Высказывал плохое мнение о страже, и надо же такому случиться, что буквально через несколько минут эта стража оказалась прямо передо мной. Быстро меня нашли... Или кто-то по доброте душевной рассказал, где я?

Еще один интересный вопрос: кто желает со мной встретиться? Сразу видно, парень наделен большим влиянием — раз за мной послали самого Фраго Лантэна. Интересно, что этому незнакомцу от меня понадобилось? Отплата за причиненные когда-нибудь неудобства? Надеюсь, что он не из магов. Не хотелось бы провести остаток своей жизни в шкуре жабы или доралисца.

Я тихонько хихикнул себе под нос, привлекая хмурый взгляд барона. Еще неизвестно, что хуже: тело жабы или козлочеловека. Я бы, наверное, выбрал первое, потому как доралисцев в Авендуме любили меньше жаб. Лучше быть маленькой и зеленой квакушкой, чем большим и тупым козлом. Ой, что-то ты развеселился, Гаррет! Не к добру. Хотя почему не к добру? Арбалет и нож у меня не отняли, так что, если представится случай, я еще повоюю. Жаль только, что магические артефакты оставил дома, в тайнике. Но и так неплохо.

Внезапно возница остановил карету, и парочка ретивых стражников распахнула дверь экипажа. Ночь дохнула мне в лицо прохладой. Даже летом в Авендуме довольно холодно — сказывается близость к Безлюдным землям, — и лишь к августу на город падает благословенная жара, да и то на пару недель, а затем ветра с Холодного моря принесут дожди. Валиостр — самое северное королевство Сиалы, поэтому с погодой тут не очень.

— Вылазь, вор.— От одного из стражников несло крепким чесночным духом, и я невольно поморщился.

— Это что? Такая увеселительная прогулка? — стараясь не терять присутствия духа, спросил я у барона.

— Хватит пререкаться, Гаррет. Делай, что тебе сказано, и будет у нас мир и любовь.

Я многозначительно пожал плечами, показывая, что любовь барона во всех ее проявлениях нужна мне как доралиссцу зубочистка, хмыкнул и прыгнул на каменную мостовую, оглядывая окрестности. Улочка была пустой, темные дома нависли над нами как Зам-да-Морт. По другой стороне улицы тянулась высокая стена. Так. Значит, мы где-то возле Внутреннего города.

Из городской канализации уже появились тоненькие и робкие язычки серо-желтого тумана. Он еще стелился, низко прижимаясь к мостовой, и не решался подняться выше. Но пройдет несколько часов, и туман вновь, как каждую июньскую ночь, накроет город густым покрывалом, которое продержится до самого утра.

В этот раз на улице стояла непроглядная темень, облака закрыли небо густыми тушами, и свет лился только с факелов стражи и масляных фонарей, висящих на карете. Стражники внимательно вглядывались во мрак, держа арбалеты под рукой.

— Не двигайся, вор,— со скрытой угрозой в голосе произнес чесночный приятель, а затем стал тщательно обыскивать меня.

Вот в подставленную другим стражником суму лег арбалет, затем чехол с болтами. Чесночник, было, завладел кошельком с монетами, но барон грозно цыкнул из кареты, и стражник торопливо отдернул руку.

— Кошелек оставь, морда,— произнес Фраго.— Чист? Оружия нет?

Стражник еще раз торопливо ощупал меня, достал из потайного кармана на поясе отмычки, из-за голенища сапога тонкую бритву и кивнул.

— Чист, ваша милость. Как доралиссец, возвращающийся после сделки с карликом.

Стражники на лошадях заржали. Барон опять на них цыкнул. Где-то возле стены дома промелькнула тень одинокой крысы, выбравшейся искать пропитание для своих крысят, и один из стражников запустил в нее факелом, шепча проклятия слугам Неназываемого. Факел, естественно, пролетел мимо, ударился о стену и выплеснул сноп кружащихся в ночи искр, устремившихся в облачное небо. Крыса пискнула и исчезла во тьме.

— Хватит там! — рывкнул раздраженный Лантэн.— Повязку — и в путь.

Чесночник достал из кармана темную плотную полоску ткани и завязал мне глаза. Стражники взяли меня за руки, запихнули внутрь экипажа, захлопнули дверь, и карета снова тронулась. Я поднял руки, чтобы немного ослабить давящую на глаза ткань.

— Я бы на твоём месте этого не делал, Гаррет, — крайне вежливо произнес барон у меня над ухом.

— Куда вы везете меня, ваша милость? Или это тайна?

— Можешь считать, что государственная. А теперь помолчи и наберись терпения. Не зли меня.

— Прошу прощения, ваша милость, а что будет, если я разозлю?

Темнота сделала меня разговорчивым и ехидным.

— Если ты не договоришься с тем человеком, к которому мы едем, то попадешь ко мне... злomu.

Я счел, что лучше набраться терпения и немного помолчать. Для меня не было проблемой выскочить из несущегося по ночным улицам экипажа и попытаться скрыться. У меня будет несколько драгоценных мгновений, прежде чем стража сообразит, что случилось. Но, пожалуй, я не хочу рисковать, играя в догонялки с арбалетами. Так что лучше сидеть и не дергаться. К тому же меня разбирало любопытство, хоть мне и не нравилось все происходящее.

Тем временем экипаж быстро катил по городу. Скорость была приличной, видно, возница был умелым и не жалел ни кареты, ни лошадей, ни пассажиров. Я отбил всю задницу на колдобинах. Но барон не жаловался. Значит, такая спешка была необходима, и я стиснул зубы, стараясь сидеть ровно, когда нас заносило на поворотах. Правда, я не отказал себе в удовольствии один раз все же не удержаться и по инерции упасть на Фраго и стянуть у него с пояса кошелек. Надо сказать, что было там не густо.

В конце концов мы все же приехали. Меня выгрузили, передали на руки каким-то людям, крепко взявшим под локти. Затем куда-то повели. Мне оставалось лишь переставлять ноги и спотыкаться, когда попадались очередные ступеньки.

За спиной неотрывно сопел барон. Коридоры, лестницы, комнаты, залы. Звуки. Мои ноги шли по глухому каменному полу, выбивая гулкое и звонкое эхо из мраморных исилийских плит, топали по скрипящему деревянному полу. Я давно сбился со счета количества ступенек у лестниц и поворотов многочисленных коридоров огромного здания, по которому меня вели, как слепого гоблина в лесном лабиринте орков. Трещали факелы над ухом, иногда нам кто-то встречался на пути, но, как я слышал, поспешно отходил в сторону, уступая дорогу.

Наконец открылась какая-то дверь, и я почувствовал под ногами густой ворс ковра. Не видя его, не могу сказать, сколько он стоит,

но, скорее всего, сделан он в Султанате, а значит — приличных денег.

— Избавьте его от повязки.

Стоящий позади меня Фраго снял с моих глаз проклятую тряпку. Я на миг зажмурился от яркого света, исходящего от камина, десятка свечей и факелов, горящих в небольшой комнатке.

Затем придирчиво изучил помещение, мельком оценив султанатские ковры, подсвечники, дорогую мебель из дерева, которое встречается в лесах И'альяла, возле самого Хребта мира, полный рыцарский доспех работы мастеров-карликов, стоящий в дальнем углу комнаты. И это не говоря о кубках и посуде, которая, кажется, вся была из золота. М-да. Вот бы где мне развернуться и похозяйничать хоть несколько минут. Ну что же. Теперь надобно познакомиться с хозяином всего этого великолепия, который так вежливо и настойчиво пригласил меня на огонек.

Но вместо одного человека я увидел нескольких.

В кресле рядом с очагом сидел, кутаясь в толстое шерстяное одеяло и сжимая в правой руке серебристый посох, инкрустированный слоновой костью, древний старик. Маг, насколько я мог судить. Даже архимаг, если учесть то, что на посохе было четыре серебристые полоски ранга. А еще точнее — магистр, так как на посохе у него вместо пресловутого камня «сидела» черная птичка.

Старичок казался маленьким и дохленьким. Он был похож на старый хрупкий лесной орех.

Дед недовольно ежился, как будто жар очага у него под боком не мог согреть древние кости. Казалось, ткни мага пальцем или подуей на него сильный ветер, и он просто развалится.

Обманчивое впечатление. Осмелившегося ткнуть главу Ордена магов, архимага и магистра Арцивуса пальцем ждал не очень приятный конец. Этот человек был одной из самых влиятельных фигур королевства и первым советником короля, хоть у многих, впервые увидевших тщедушного старичка, могли возникнуть сомнения насчет трезвости его рассудка.

В кресле напротив Арцивуса, изящно держа бокал белого вина, сидела женщина в очень дорогом, великолепном голубом платье жительниц Миранграда. Довольно рискованный выбор одежды в нашем королевстве, особенно когда война с Мирануэхом не закончилась, а всего лишь уснула на время, пока стороны приходят в себя после кровопролитных боев, прекратившихся около пяти лет назад. Мирануэхцев у нас любят не больше чем Неназываемого, но леди, как я видел, это не беспокоило.

На лицо незнакомки была наброшена вуаль, полностью скрывающая его от моего пытливого взгляда. С этой неизвестной миледи я

уже встречался два дня назад, в ту памятную ночь, когда имел небольшое дело в усадьбе герцога. Судя по драгоценностям, именно она проезжала по переулку в окружении личной гвардии короля.

У стены стоял человек, вооруженный мечом-бастардом канийской ковки. Этот господин с брезгливым любопытством изучал мою скромную персону, словно перед ним была в лучшем случае крыса.

Хотя Крысой был он сам. Так называли его недоброжелатели. Граф Алистан Маркауз, капитан личной гвардии Его Величества Сталкона Девятого, избрал своим гербом серую крысу. Его всегда можно было узнать по тяжелому рыцарскому доспеху с выгравированной головой грызуна на грудных пластинах и шлему, которому придали форму крысиной головы. Как говаривали злые языки, Крыса даже спал и мылся в доспехах, но не думаю, что это утверждение было правдивым.

Алистан был первым мечником королевства и опорой нашего дражайшего короля. Он руководил службой безопасности, был человеком своей, только ему понятной чести, уничтожал и ненавидел всех, кто злоумышлял против его славного господина. Военная рутина, стычки с ограми и гигантами возле Одинокого Великана, война с орками Заграбы, пара пограничных войн с Мирануэхом, когда тамошнему королю после схваток с западными кланами заграбских орков захотелось размять кости.

Выйдя живым из всех этих стычек, милорд Алистан Маркауз стал тем, кем и был в данный момент, — правой рукой короля и опорой трона. Воин смотрел на меня стальными серыми глазами, покусьвал пышные, висячие, по моде жителей Низины, усы. Я ответил на его прищур кислым взглядом и перевел взгляд на четвертого человека, находящегося в комнате.

Ну, с человеком я, конечно, загнул. Арктически-голубыми глазами на меня смотрел зеленокожий гоблин. Самый настоящий. Один из тех, что обитают где-то в лесах Заграбы, по соседству с орками и эльфами.

Гоблины — несчастный и забитый народец. Ростом они не выше самого маленького гнома. То есть мне где-то по пупок, не больше. С самой зари времен люди, как всегда все перепутав и посчитав, что гоблины являются союзниками орков, принялись из века в век уничтожать это несчастное и забитое всеми расами Сиалы племя.

Каких только страшных сказок не ходило в те времена о зеленокожих! Что это ужасные и хитрые людоеды, которые, дай им волю, уничтожат все человечество. Что они поклоняются тьме и проводят в полнолуние кровавые обряды, где мучают девственниц, обмазывая их кровавыми мозгами летучих мышей и зажаривая на медлен-

ном огне. И тому подобные страшные и безумные байки. Мне ли вам рассказывать, какие истории способны сочинить испуганные и невежественные люди?

Планомерное уничтожение расы гоблинов шло несколько веков. В лесах Заграбы, презрев опасность нарваться на орков, на них устраивали настоящие облавы. И доловились до того, что некогда многочисленный мирный народец, который страдал не только от ятаганов орков, но и от мечей и пик людей, был почти полностью истреблен. А когда наконец разобрались (то есть проглотили гордость и спросили у эльфов), то осталось всего лишь несколько небольших племен, спрятавшихся в самой глухой чаще Заграбы с помощью магии своих шаманов.

Итак, благодаря тому, что кто-то все-таки решил понять, почему ужасные зеленые карлики не бросаются, оскалив зубы, на людские мечи, а в ужасе убегают в лесную чащобу, — недоразумение в конце концов было исправлено и коротышек-гоблинов оставили в покое. А лет сто назад даже начали нанимать на службу. Как оказалось, они были очень умны, находчивы, остры на свой бордовый язычок, проворны, а потому как нельзя лучше подходили для службы посыльными и шпионами. К тому же Орден магов очень интересовался гоблинским шаманством, берущим начало от обрядов шаманов орков и темных эльфов.

Шаманство, если кто не знает, является самым древним колдовством в этом мире. Оно появилось на Сиале первым — вместе с ограми, самой древней расой. А потому маги людей питают к этому колдовству огромный интерес, как к изначальному первоисточнику, которое у огров переняли орки, затем эльфы, а потом и гоблины.

Кстати говоря, зеленокожий парень, который расположился прямо на ковре, оказался шутом. Об этом говорил его колпак с колокольчиками, шутовское трико, раскрашенное красно-синими квадратами, и шутовской жезл, который он сжимал зеленой рукой. Гоблин сидел, скрестив коротенькие смешные ножки и иногда вращая головой, из-за чего его бубенчики издавали веселый и мелодичный тренькающий звук.

Заметив, что я изучаю его с изумлением, он усмехнулся, сверкнув острыми как иглы зубами. Шмыгнул длинным крючковатым носом, подмигнул голубым глазом и показал мне бордовый язык. Великолепно! Только этого мне и не хватало для полного счастья!

Я перевел взгляд на последнего незнакомца в комнате, перед креслом которого и уселся гоблин. Внешне этот человек был очень похож на преуспевающего трактирщика. Такой же толстенький, маленький, с плешивой головой и аккуратными руками. И одежда его была более чем скромной. Коричневые просторные брюки, которые

носят обычные стражники. Простой толстый свитер из овечьей шерсти, отлично подходящий для январских морозов. Такие вяжут крестьяне, живущие под боком у Одинокого Великана. Интересно, ему в нем не жарко?

В общем, передо мной был абсолютно серенький и незаметный человечек. Особенно если не обращать внимания на толстое золотое кольцо с огромным рубином на его правой руке и глаза. В этих карих глазах жил ум, сталь и власть. Власть короля.

Я низко поклонился и замер.

— Так, так,— пробасил Сталкон Девятый.

Именно его голос я слышал, когда меня ввели в комнату.

— Это и есть знаменитый на весь Авендум вор? Гаррет-тень?

— Именно так, ваше величество,— подобострастно произнес стоявший рядом со мной барон Лантэн.

— Ну что ж.— Король погладил сидящего шута по голове, и тот замурлыкал от удовольствия, копируя кошку.— Ты быстро нашел его, Фраго. Намного быстрее, чем я рассчитывал. Благодарю тебя.

Барон сдержанно склонил голову, прижав руку к сердцу, хотя и дураку было видно, что он несказанно рад похвале.

— Подождите за дверью, барон, будьте так любезны,— прокашлял из своего кресла архимаг Арцивус.

Начальник стражи еще раз поклонился и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

— Я много слышал о тебе, Гаррет. — Король внимательно посмотрел мне в глаза.

— Не думал, что у меня такая громкая слава, Ваше Величество.— Я чувствовал себя неловко в окружении первых лиц государства.

— А он смел,— пискляво провозгласил шут и состроил мне очередную рожу, сведя глаза к переносице.

— И скромн,— с усмешкой произнесла таинственная женщина, вода пальчиком в перчатке по краю хрустального бокала.

Я был словно корова на рынке, которую обсуждает парочка крестьян-покупателей.

— Присаживайся, Гаррет,— милостиво махнул в мою сторону король, и я сел в кресло с высокой резной спинкой, изображающей какой-то эпизод из битвы, произошедшей на поле Сорна.

— Ты позволишь? — небрежно спросил король, беря со столика, стоявшего рядом с креслом, мой арбалет.

Клинок, отмычки и бритва лежали там же.

— Карлики делали?

Не давая мне времени даже кивнуть, Его Величество направил оружие на стоящий в дальнем углу комнаты стародавний доспех и

нажал на спусковой крючок. Щелкнула тетива, арбалетный болт взвизгнул и вошел в смотровую щель рыцарского шлема.

Шут карикатурно захлопал в ладоши.

Стрелять Сталкон умел. Вообще-то он многое умел делать. Особенно держать королевство в кулаке. Простой народ обожал его, хотя он жестоко подавлял бунты, которые пару раз случались во время весеннего голода. И еще все знали, что Его Величество кроме короны получил в наследство знания от отца, деда и прадеда. Великий ум всей династии Сталконов, о котором в стране ходили легенды.

Он не завывшал налоги, но и не делал их мизерными. Он ослабил поводок торговцам и купцам, но сделал так, чтобы они платили подать, если хотели торговать в Валиостре. А также брал деньги с гильдии воров и убийц. Не ссорился с магами, прислушиваясь к их советам, но в итоге делая то, что считал нужным. Он не притеснял другие дружественные людям расы, и те платили королю если не дружбой, то терпимостью к людям и подчинялись законам королевства.

Единственной ошибкой короля, о которой шептались его враги, была идея союза с гномами, после заключения которого карлики рассорились с Валиостром и заперлись в своих горах. Конечно, небольшая община карликов в Авендуме осталась. В основном самые жадные, мечтавшие загрести еще немного золотишка с продажи дорогих поделок, хотя и они не одобряли того, что люди сговорились с врагами всех карликов — гномами. Правда, тут я был на стороне короля. Если выбирать между мечами, которые делают карлики самым богатым жителям королевства, и пушками, которые делают гномы, естественно, нужно брать пушки — то, что более эффективно в бою и дешевле стоит.

— Интересная игрушка. Но речь сейчас пойдет не о твоём арбалете, — произнес король, положив разряженное оружие обратно на столик. — Не мог бы ты мне сказать, вор, как к тебе попала эта вещь?

Довольный шут достал откуда-то из-за кресла золотую статуэтку собаки и показал ее мне. В один миг моя спина покрылась липким холодным потом. Хоть мне и удалось сохранить на лице маску вежливого почтения, в голове звенела паника. Кажется, кто-то кричал: «Караул!»

В руках гоблина была та самая безделушка из дома герцога. Так вот кому понес ее человек Гозмо! Ай да Гозмо! Если нам доведется встретиться, его ждет очень неприятный разговор!

Выходит, что все улики показывают на меня. Допрыгался до преступления против короны! Четвертование, которое ко мне применят, будет считаться благодатью богов и милостью королевского

суда. Как бы чего хуже не сделали! Я решил, что лучше помолчать и послушать.

— Умен и осторожен. Редкие качества,— произнесла женщина, разглядывая меня из-под плотной вуали.

Шут тихонько хихикнул только ему понятной шутке и прошелся по комнате колесом. Потом, все так же сжимая в руках статуэтку, встал рядом с Алистаном, скопировав его позу, серьезное лицо, и замер, положив руку на голову золотого пса и превратив его в импровизированный меч. Я чуть не расхохотался. Действительно похоже на Крысу и очень смешно. Гоблин не зря получал деньги.

— Это по нашему заданию ты, Гаррет, попал в дом к моему дражайшему покойному кузену. Прежде чем решить, подходишь ли ты для дела, тебя надо было испытать. А идеальнее усадьбы двоюродного брата со свободно гуляющим по ночам гарринчем просто не придумать. Согласись?

— Еще идеальнее — это королевская сокровищница,— ляпнул я.

Терять Гаррету было уже нечего. Понятно, что утром мне предстоит путешествие в Серые камни. На всякий случай я еще раз напомнил себе при возможности поговорить с Гозмо, подсунувшим мне этот Заказ.

— Ого! А у Гаррета-тени губа не дура! — пискнул гоблин.

Я ожег его взглядом, но он только ехидно ухмыльнулся и вновь показал язык.

— Сам знаю, Кли-кли,— ответил Сталкон шуту, затем взял в руки мой клинок, вынул его из ножен и, изучая, небрежно спросил: — Что случилось ночью в доме? Как он умер?

Я проглотил ставшую вязкой слюну и под присмотром пяти пар внимательных глаз начал свой рассказ. Никто меня не перебивал, архимаг Арцивус, казалось, дремал в кресле, а физиономия гоблина, на удивление, была задумчивой и встревоженной. Когда я закончил историю, в комнате повисла гнетущая тишина, лишь огонь тихонько потрескивал в камине.

— Говорил же я вам, Ваше Величество, не доверять герцогу,— зло бросил Алистан. Он почему-то сразу поверил моему рассказу, и теперь его глаза гневно сверкали.— Я усилю охрану вдвое.

Король задумчиво поглаживал подбородок, внимательно изучая меня. Он помолчал. Затем резко кивнул головой, решившись.

— О моей безопасности поговорим позже, дружище Алистан. А пока у меня дело к нашему гостю. Гаррет, ты знаешь, кто такой Неназываемый? — неожиданно спросил у меня Сталкон.

— Он зло и тьма.— Вопрос поставил меня в тупик.

Неназываемый и Неназываемый. Тот, чьим именем пугают вас в далеком детстве, когда вы не желаете вовремя ложиться спать.

Алистан фыркнул, как бы говоря, что от вора он ничего большего и не ожидал.

— Смотри как это понимать, — произнес монарх. — Зло. Хм... А знаешь ли ты, что Неназываемый известен кроме Валиостра только в Пограничном королевстве, да и то потому только, что орки атакуют эти земли с его именем на устах? Ну, может быть, еще в Исилии, частью в Мирануэхе, но там Неназываемый не больше чем страшная сказка. Он ведь не черное зло и отнюдь не тьма, просто очень сильный волшебник, который засел в Безлюдных землях и вот уже сколько времени мечтает увидеть Валиостр разрушенным.

— Позвольте... — вклинился в разговор архимаг, доселе молчавший. — Я расскажу вам, молодой человек, легенду. Правда, никакая это не легенда, а истинная правда... Лет пятьсот назад, когда наше королевство еще не было таким великим и могучим, в Авендуме жили два брата. Один из них был великолепным полководцем, другой — талантливый магом, изучавшим проблематику шаманства. Тогда магия была для людей еще загадочным искусством, она постоянно совершенствовалась, мы набирались ума, перенимая опыт у темных эльфов, орков и гоблинов. Далее мы добавляли немного своего и получали то, что теперь имеем. К сожалению, магия камня гномов и карликов нам не дана. Гм... Но я отвлекся... Дело было в последний год Тихих времен, как называют эти годы сейчас. Грок, полководец... надеюсь, тебе известно это имя?

Я кивнул. Все знали площадь Грока и памятник ему. Старик удовлетворенно покряхтел, ерзая и поудобнее устраиваясь в кресле, а затем продолжил рассказ:

— В последний год Тихих времен армия орков напала на наш город и попыталась взять его приступом. Тогда еще не было знаменитых стен Авендума, и Грок, командуя всего лишь несколькими тысячами уставших солдат, оставшихся в живых после ряда сражений, сдерживал натиск врага, вышедшего из лесов Заграбы. М-да... Брат не пришел ему на помощь. Не знаю почему, об этом, к сожалению, история умалчивает. Ссора, зависть, болезнь, нелепая случайность — но в итоге самый сильный маг того времени не пришел на подмогу оборонявшимся воинам. Однако Грок и его люди все же выстояли. Они держались до прихода темных эльфов. До времени, когда от армии Валиостра осталась тысяча, а затем всего неполных четыре сотни человек. После победы маг был схвачен и казнен за предательство.

Старик замолчал и уставился на огонь своими слезящимися глазами.

— Как звали того мага? — не удержался я.

— Его звали так же, как и брата-близнеца, — Гроком. Это был позор для Ордена магов. Страшный позор. Мы стерли имя отступника из всех анналов. С тех пор он стал называться Неназываемым. Но ему удалось выжить. Точнее, выжил его дух. Колдун еще при жизни изучал Кронк-а-Мор, запретное колдовство огров. С помощью этого вида шаманства дух умершего может жить некоторое время без телесной оболочки, а затем вселиться в другое тело. Так и случилось. Он ушел на север, в тундру, далеко-далеко в Безлюдные земли, вынашивая планы мести. Сила Кронк-а-Мора была такой, что огры, великаны и часть орков признали Неназываемого своим господином и повелителем. Хотя, по правде говоря, насчет орков я очень сомневаюсь. Эта раса слишком хитра и независима, скорее всего, им просто удобно изображать из себя жестоких варваров и нападать на врагов, прикрываясь именем Неназываемого. Как говорят эльфийские дома — большая политика! Что же до огров, великанов и отдельных людешек, то они преданы Неназываемому и душой и телом. Эти враги Валиостра уже давно бы покинули свои земли и пошли войной, если бы их не сдерживала крепость — Одинокий Великан. А Неназываемый, хоть и получил вечную жизнь, до сегодняшнего дня не решался вторгнуться в Валиостр, потому что мы гасили его силу, пока равновесие не пошатнулось.

— Ну хорошо. — Что-то у меня не складывалось в голове. — Огры, орки, великаны. А те твари, которые ночами охотятся на улицах столицы? Они тоже подчиняются Неназываемому? А этот таинственный Хозяин, о котором говорил герцог?

— Не знаю, — надулся маг. — Может, это слуги Неназываемого, может, еще чьи-то вырвались из глубин, когда равновесие в магическом источнике нарушилось.

— Кстати, — перебил старика король, — долго мои подданные будут страдать от этих тварей?

— Совет делает все возможное и невозможное, Ваше Величество. Мы подготовили заклинание, и к концу недели ни одно дитя ночи не сможет проникнуть в наш город. По крайней мере, я надеюсь на это.

— Почему же Совет магов не уничтожит Неназываемого? — спросил я, возвращая разговор к первоначальной теме.

— Кронк-а-Мор надежно защищает отступника. Мы, к сожалению, ничего не понимаем в шаманстве огров. Да и вряд ли теперь когда-нибудь научимся. Неназываемый ждал века, набираясь сил и собирая армию. Лишь Рог Радуги, великий артефакт прошлого, который эльфы подарили Гроку, отняв его у огров в давние времена, сдерживал Неназываемого и его армию за горами Отчаяния. Как говорят эльфы, огры сами создали этот артефакт в противовес своей

магии, чтобы нейтрализовать ее, если Кронк-а-Мор вдруг вырвется из-под их контроля. Только благодаря Рогу Неназываемый никогда не решался выступить против нас войной. Рог каким-то образом полностью нейтрализует его магию... — Арцивус закашлялся.— Лишь пока Рог имеет силу, Неназываемый не осмеливается пройти Одинокого Великана. Что он может без своей магии?

— Не надо причислять этого волшебника к тьме,— продолжил король.— Просто он хороший и талантливый маг, который удачно использовал свои знания и теперь хочет отомстить за то, что его наказали. Считай его немного свихнувшимся на почве ненависти. И теперь, когда сила Рога ослабла за века, Неназываемый поднимает голову. Я уверен, что враг скоро нанесет удар по нашему королевству.

— Он почти нанес удар,— тихо сказал Алистан.— Эльфы-разведчики докладывают, что Неназываемый готовит армию к походу. По всем Безлюдным землям собираются тысячи великанов, огров и других тварей. В Рачьем герцогстве без остановки куется оружие. К весне следующего года, может быть раньше, Неназываемый и его войска будут под стенами города. Одинокий Великан не выстоит, а я даже не могу послать им подкрепления.

Сталкон кивнул:

— Об этом сразу прознают орки. Они нападут с тыла, да и Мирануэх сейчас не очень-то спокоен. А нашему королевству помощи ждать неоткуда. Разве что могли бы помочь темные эльфы и Пограничное королевство, но если орки решатся напасть — они нападут и на Пограничье. В другие земли Неназываемый вряд ли пойдет, поэтому ни Гаррак, ни Империя, ни Филанд нам не помощники. Исилия, как всегда, соблюдает нейтралитет и отсидится в сторонке. Мирануэх только злорадно потрет руки. Придется обходиться своими силами.

— Да и не только Неназываемый оживился,— сказал волшебник.— Орки поднимают головы в лесах Заграбы, тролли в горах стали нападать на поселения карликов, на южных границах видели дракона. Дракона! Больше двухсот лет ни один не подлетал к границам нашего королевства. Мир завис на грани войны. Страшной войны.

— Я начал собирать армию,— нахмурился король.— Надеюсь успеть к концу года выставить против Неназываемого хотя бы пятьдесят тысяч. Какую-то часть придется оставить на границах с Заграбой и Мирануэхом. Плюс ополчение. Но это так, жест отчаяния. Нужно объявить набор, хотя я и боюсь, что начнется паника, цены на товары подскочат до небес и появятся беженцы. Слава богу, что

эльфы Темных домов на нашей стороне, плюс еще и гномы с пушками.

— Прощу прощения, Ваше Величество,— осмелился я.— Насчет гномов я не сомневаюсь, им мешок золотых отсыпать — так они на родную бабку войной пойдут, а вот эльфы... Вы в них уверены?

— Нам нет нужды врать,— произнесла женщина, откидывая вуаль.— Я сама видела готовящуюся к войне армию Неназываемого за Иглами Стужи.

Я открыл рот. На меня смотрела эльфийка. Настоящая темная эльфийка.

Очарование эльфов... Его придумал тот же самый сказочник, который сочинил кровожадность гоблинов. Только в сказках эльфы прекрасны, только в сказках они бессмертны, только в сказках у них золотистые волосы, зеленые глаза, мелодичные голоса и легкая поступь. Только в сказках эльфы мудры, правильны, справедливы и великодушны. А в жизни...

В жизни неподготовленный человек может принять эльфа из лесов Заграбы и И'альялы за орка. Потому как на самом деле сказочной красоты эльфов, раздутой до небес пьяными рассказчиками в тавернах, просто нет.

Ну да... Есть привлекательные лица и у этой расы, но то, что они — не эталон красоты, это уж точно. Эльфы похожи на людей, если не считать их смуглой кожи, желтых глаз, черных губ и пепельно-серых волос. А уж торчащие из-под нижней губы клыки совсем пугают сиволапого обывателя и знатока бабушкиных сказок.

Не верьте в доброту эльфов, просто, если вам не повезет, поприступайте на эльфийской пытке, когда они устраивают Зеленый лист своим ближайшим родственникам — оркам.

Да-да. Орки и эльфы появились на Сиале в один и тот же год. Хотя орки оказались здесь немного раньше эльфов, и пепельноволосые никак не могут им простить этого. И эльфы и орки были первыми, кого боги привели на Сиалу, если не считать огров. Раса орков получила гордость и ярость, а эльфы — хитрость и коварство. Но те и другие получили еще один дар — ненависть.

Они до сегодняшнего дня воюют, истребляя друг друга в кровавых схватках, которые тысячами происходят в бескрайних лесах Заграбы. Это потом появились гномы и карлики, доралиссцы и люди, кентавры и великаны, а также множество других рас, населяющих Сиалу. А первыми были неудачные дети — орки и эльфы. Это уже потом эльфы разделились на темных и светлых, хотя разница между ними только в том, что темные обращаются к шаманству, а светлые — к волшебству.

Темные и светлые не враждуют между собой, они просто относятся друг к другу с изрядной долей пренебрежения. До сих пор темные эльфы не могут понять сородичей, пользующихся чужой, не исконной для этой расы магией. Около двух тысяч лет назад они не смогли жить вместе и разделились. Темные остались в лесах Загравы, а светлые ушли в леса И'альяла, что находятся возле самого Хребта мира.

— Познакомься, Гаррет,— сказал король, указывая на эльфийку.— Это леди Миралисса из дома Черной луны.

Я сдержанно поклонился. Окончание имени «сса» означало, что эльфийка из Верховной семьи Дома. Попросту говоря, особа королевской крови.

— Очень приятно, миледи.

— И мне.

— Любезности потом! — произнес король.— У нас мало времени, и тебе, Гаррет, придется нам помочь.

— Остановить Неназываемого? — скептически сказал я.

Если это так, то король или его советники точно выжили из ума.

— Да,— произнес архимаг.

Ну точно, в этой комнате все ненормальные! Алистан внимательно смотрел на меня, стараясь обнаружить след насмешки над его королем. Я сдержался. С трудом, но сдержался. Но не Кли-кли. Гоблин захохотал и, упав на ковер, схватился за живот.

— Жизнь королевства в руках вора! Как бы он его не спер!

Я лично не находил в этом ничего смешного, как и все остальные.

— Помолчи, Кли-кли,— сурово произнес Алистан, не сводя с меня внимательных глаз.

— Все, замолкаю, каюсь, умираю.— Гоблин трагически развел зелененькими ручками.— Если Крыса осталась серьезной после моей шутки, то пора увольнять меня с должности придворного шута. Придется снова мне, бедному и несчастному, уходить в родные леса и ждать, пока особо ретивый орк не позавтракает моими бедными косточками или не запустит в лабиринт.

Шут трагически, как актер на подмостках рыночной площади, вздохнул, а затем взглянул по сторонам и, заметив, что на него никто не обращает внимания, весело мне подмигнул.

— Я, конечно, польщен такой честью,— осторожно произнес я, стараясь не тревожить психов.— Но не кажется ли вам, что сил и опыта у меня поменьше, чем у Ордена и Диких Сердец, и остановить волшебника в одиночку будет сложновато?

Гоблин прыснул и вновь шлепнулся на ковер. Видно, моя личность его уж очень сильно забавляла. А вот меня этот маленький зеленый негодяй начинал раздражать.

— Ох, Гаррет! — Шут вытирал с глаз неподдельные слезы. — Ты не только умен и смел, но еще и самоуверен.

— Так в чем моя задача, Ваше Величество? — Я продолжал ломать комедию, дожидаясь момента, когда меня, может быть, отпустят.

Вот тогда я сделаю ноги. И плевать куда, хоть в сам Султанат, но так далеко, как только можно. В те земли, где нет безумных королей, ненормальных шутов и впавших в старческий маразм волшебников.

— Нам нужен Рог Радуги, — произнесла эльфийка. — Только он сможет остановить Неназываемого, потому что, боюсь, даже армия не устоит против всей рати Безлюдных земель.

— Рог Радуги? — тупо переспросил я. — А при чем здесь он?

— Я же уже объяснил, — раздраженно нахмурился Арцивус. — Ты что, стал плохо слышать от страха?

— И думать, — вставил свое веское слово Кли-кли.

Я ожег шута очередным взглядом, чем еще больше его развеселил.

— Пойми, Гаррет. Магия огров неидеальна и во многом топорна, как говорят люди, хотя и очень мощная, но закон равновесия... — Эльфийка кисло поджала черные губы, еще сильнее обнажив клыки. — Рог со временем теряет свои магические свойства. Его нужно...

— Активировать, — подсказал архимаг, глядя в огонь, который весело поедал дрова в очаге.

— Да. Магически подзаряжать через определенное время. Иначе все его свойства сойдут на нет. Сейчас Рог как раз слабеет, потому Неназываемый и зашевелился за Иглами Стужи. Нам нужно, чтобы ты достал артефакт для Ордена.

— А он что, не у вас? — опешил я.

В голове у меня крутилась сказка о том, как один солдат по своей глупости отдал самое ценное — свой меч — в руки врагу. Конечно же мне моя голова дороже, и я про эту сказку промолчал, хотя думаю, что гоблина она бы позабавила.

— В том-то и дело, что нет, — зло произнес Крыса. — А все по глупости Ордена.

— Орден сделал это из лучших побуждений! — резко вскинулся архимаг.

— То-то мы их и расхлебываем!

— Ваше дело, милорд Алистан, защищать жизнь короля и махать железякой, а не лезть в дела Ордена! — Старик просто кипел от возмущения. Его трясущаяся борода напомнила мне бороду доралисса, у которого украли его самую любимую лошадь.

— Хватит! — расвирепел король. Теперь он несколько не походил на добродушного трактирщика. — Объясните вору его задачу.

— Около трехсот лет назад, — глухо начал Арцивус, бросив недобрый взгляд из-под седых бровей в сторону капитана гвардии, — Совет Ордена решил воспользоваться Рогом Радуги и уничтожить Кронк-а-Мор, который связывает Неназываемого с этим миром. У нас... У нас немного не получилось...

Алистан громко фыркнул.

— Вас, ваше магичество, только дипломатом в Мирануэх отправлять! Может, и Спорные земли получим! Немного... — хихикнул шут, смакуя это слово, но, встретив свирепый взгляд волшебника, заткнулся.

— Да... Ничего из нашей попытки не вышло. Мы пытались управлять магией огров, которой совершенно не знали. Где-то не там замкнули силовой поток или переместили опейрон на несколько градусов относительно пятой астральной позиции... М-да... — Арцивус понял, что стал заходить в никому, кроме него, не понятные дебри. — Все вышло из-под контроля, и магический всплеск ударил по Авендуму. Точнее, по его части. Той, которую теперь называют Закрытой территорией.

— Так вот каким образом она появилась... — протянул я.

— Понимаешь, как были бы благодарны жители славной столицы Валиостра, если бы они узнали, благодаря кому получили Пятнышко на карте? — Гоблин сделал большие глаза, превратив их в два голубых озерца.

Архимаг тяжело вздохнул — видно, шут успел достать не только меня — и продолжил:

— Орден решил от греха подальше спрятать Рог. Его зарядили, а потом отнесли к усыпальнице Грока да там и оставили. Вот, собственно, и вся история.

— И вы хотите, чтобы я добыл Рог из могилы? — удивленно спросил я. — Но зачем вам именно я? С этой работенкой справится любой могильщик, у которого есть лопата! И кстати, где похоронен Грок?

В маленькой комнате повисла напряженная и гнетущая тишина. Эльфийка и Арцивус изумленно переглянулись между собой. Граф Крыса криво улыбался, глядя на меня с презрением. Про шута и его отвисшую челюсть я вежливо промолчу. Лишь король все так же задумчиво крутил в руках мой нож, иногда бросая на меня взгляды и прикидывая, не ломаю ли я комедию.

— Гм-гм. Молодой человек, а вы вообще историю знаете? — осторожно спросил маг.

● Джанга
с тенями ●

Глава 1 РАННЕНГ

Жители Южного Валиоистра, ни разу не бывавшие на севере страны и не видевшие Авендума, склонны считать Ранненг очень большим городом. Он действительно не маленький, но все же размерами сильно уступает Авендуму.

Кто не знает, Ранненг — бывшая столица королевства, утратившая это почетное звание в период Войны Весны, когда произошло вторжение орочьей армады из Заграбских лесов. За полторы тысячи лет своего существования город пережил сотню властителей, шесть больших пожаров, начисто стиравших его с лица земли, несколько переворотов, бунтов, эпидемий и, разумеется, войн.

Почти уничтоженный орками и заново отстроенный после победы, Ранненг воистину считается самым красивым городом королевства. Старинная архитектура, многочисленные храмы богов, множество парков, широкие улицы, фонтаны, высокие острые шпили дозорных башен, раздвижные мосты по берегам рек — все это привлекает в город многочисленных путешественников, зевак и торговцев.

В самом начале правления династии Сталконов по высочайшему указу тогдашнего короля в Ранненге был основан Университет наук, в который приезжают учиться чуть ли не со всех северных королевств. Напротив достопочтенного Университета находится огромный парк, и если пройти через этот маленький лес, разросшийся в городской черте, в Верхний район города, то упруешься в огромные бронзовые ворота школы Ордена магов.

Именно здесь будущим волшебникам закладывают основы основ, и только после пяти лет сурового обучения они отправляются в школу Авендума для дальнейшего совершенствования магического искусства. Благодаря школе магов и Университету старую столицу называют Городом Знаний.

Лучшего места для закладки города было просто не найти — Ранненг удобно расположился на пяти холмах, находящихся точно в центре пересечения главных южных торговых путей королевства.

За красоту его очень любят воспевать поэты, но у Ранненга есть один существенный недостаток: он намного ближе к лесам Заграбы, чем Авендум, а следовательно, оркам, появившись у них вновь нездоровое желание повоевать, намного проще добраться сюда, а не к Холодному морю. Поэтому пятьсот лет назад у нас появилась новая столица. Орки научили людей осторожности.

Что ни говори, а династия Сталконов не собиралась дважды наступать на одни и те же грабли, поэтому король со всем двором перебрался на север, в Авендум, подальше от страны лесов и возможных опасностей.

На этом позвольте свой краткий историко-географический экскурс завершить, благо мы наконец-то добрались до городских ворот.

Стояло позднее утро, и народ из окрестных деревень и городков направлялся к воротам, чтобы купить, продать, украсть, получить работу, пойти учиться, посетить родственников, услышать сплетни или попросту от нечего делать поглазеть на какую-нибудь ерунду. Поэтому давка была такая, что попасть в бывшую столицу раньше чем к вечеру я не надеялся.

Гвалт в толпе стоял неопиcуемый. Сотни людей говорили, орали, кричали и спорили, с пеной у рта доказывая свое право первыми пробиться ко входу. Возле телеги, груженной репой, вспыхнула драка за спорное место в очереди. Стража Ранненга попыталась навести порядок, но только сделала еще хуже — безнадежная попытка успокоить мутузивших друг друга деревенщин к успеху не привела, а все нездоровое внимание толпы оказалось сосредоточено на нерасторопных стражниках.

Назревала серьезная потасовка, и в воздухе ощутимо запахло жгучим гарракским перцем. Немногочисленные солдаты сами были не рады, что вмешались в свару.

— Что за ерунда? — раздраженно бросил тип с унылым лицом, отзывающийся на имечко Горлопан. — Сколько себя помню, у Северных ворот никогда не было такой давки! Все всегда прут через ворота Триумфа.

— И чего мы здесь поперлись? — зло прошипел Халлас, держась рукой за щеку.

Что может быть хуже хмурого, сварливого и злого на весь белый свет гнома? Только хмурый, сварливый, злой на весь белый свет гном, да к тому же еще и с большим зубом. Он начал болеть у Халласа прошлым вечером и, судя по всему, причинял ему массу страданий. Но занудный гном упрямылся и не давал выдрать злосчастный зуб, намереваясь сделать это у приличного цирюльника, а не у коно-

валов, к коим зачислил Делера и Кли-кли, предложивших свои услуги врачевателей.

— Да они ближе всех к тракту! — попытался оправдаться Горлопан.

— Ближе они, — хмуро сказал Халлас, теребя косички в своей бороде. — А то, что сейчас кто-то загнется от боли, об этом дурья твоя башка не подумала?!

— Хватит ныть, — пробурчал Делер. — Потерпи немного.

Гном нехорошо посмотрел на широкоплечего карлика с явным намерением дать ему в нос, но вместо этого пробурчал:

— Чего так медленно-то?

Он наблюдал, как стража пропускает в ворота телегу, доверху заставленную деревянными клетками с курами.

— Так каждого же осмотреть надо, пошлину взять, узнать, зачем приехал, — пискнул Кли-кли.

— Небывалое для стражи рвение, — хмыкнул я. — С чего бы это?

— А кто их знает, — пожал плечами маленький зеленый гоблин.

— Может, попробуем через другие ворота, милорд Алистан? — нерешительно спросил Медок, покосившись на командира нашего отряда.

Рыцарь несколько секунд обдумывал предложение и отрицательно покачал головой:

— До них больше часа.

Лицо у Халласа стало бордовым, и я начал опасаться, что его хватит удар.

— Час?! — зарычал он. — Я столько не вытерплю!

И гном решительно направил лошадь к воротам.

— Куда это он? — ошалело спросил Горлопан, но Алистан лишь усмехнулся и направил коня следом. Нам не оставалось ничего другого, как держаться рядом.

Публика вначале с интересом гладела на нас, а затем, сообразив, что мы лезем без очереди, начала угрожающе роптать.

— Побьют! Клянусь Сагрой, побьют, — пробурчал Сурок.

Но гном бесцеремонно пер через возмущающуюся толпу и орал как заправский сапожник, требуя, чтобы ему освободили дорогу.

— Сто-ой, гном! Сто-о-ой! — Перед Халласом возник стражник с алебардой. — Куда прешь?! Не видишь очередь?!

Бородатый открыл было рот, чтобы высказать солдату все, что он думает о нем и его родственниках вплоть до седьмого колена, но Миралисса, каким-то чудом оказавшаяся рядом, оттеснила его в сторону.

— Доброе утро, почтенный! Что произошло? Почему задержка? — улыбнулась пепельноволосая эльфийка.

Стражник сразу же сбавил тон и даже попытался поправить мундир. Как учат нас мамочки с самого раннего детства, с эльфами, будь они хоть темными, хоть светлыми, надо вести себя как можно вежливее. Если, конечно, не хочешь получить кинжалом под ребра в тот момент, когда лесным жителям покажется, что их ненароком оскорбили.

— Какое же оно доброе, миледи?! Видите, что у нас творится? Каждого приходится проверять и перепроверять. А все из-за происков Неназываемого! Говорят, несколько недель назад он напал на дворец короля!

— Так уж и Неназываемый? — недоверчиво хмыкнул Дядька и усмехнулся в густую седую бороду.

— Как есть Неназываемый! А еще пять тысяч его прислужников! Если бы не гвардия и Алистан Маркауз — убили бы Его Величество!

— Так уж пять тысяч? — опять недоверчиво хмыкнул Дядька и почесал плешивую голову.

— Народец говорит, что пять, — немного смутился разговорчивый солдат, похоже только сейчас поняв, что пять тысяч — число довольно большое.

— Ну-ну, — хохотнул Дядька, присутствовавший, как и все мы, во дворце той памятной ночью, когда сторонники Неназываемого решились попробовать на зуб королевскую гвардию.

— А очередь-то у ворот тут при чем?! Нападение ведь было в Авендуме, а ворота-то в Ранненге?! — не выдержал Халлас.

— Король, да просидит он на троне еще сотню лет, отдал приказ об усилении бдительности! Вот мы и стараемся.

— Да если мимо них протопает армия орков, они ее и не заметят, — тихонько прошептал мне на ухо Кли-кли.

Гоблин был прав, потому как весьма сомнительно, что обычный стражник сможет распознать в проходящем мимо него человеке сторонника Неназываемого. Сочувствующие главному врагу Валиостра изменники до поры до времени ничем не отличаются от других мирных жителей.

Толпа за нашими спинами зашумела еще сильнее:

— Что такое?!

От ворот к нам шел хмурый воин с нашивками капрала. К милой беседе сегодня он был явно не расположен.

— Да погоди ты, Мис, — невзирая на звание отмахнулся от капрала говорливый страж. — Видишь, леди эльфийка новостями интересуется!

Капрал споткнулся, разглядев наш пестрый отряд. Зеленый голубоглазый гоблин, три темных эльфа, хмурый рыцарь, девять воинов, один из которых вроде бы гном злобного вида, а другой — вроде

бы карлик в нелепой шляпе-котелке. Плюс худой тип с явно воровской рожей. Не каждый день встретишь в городе такую компанию.

— А-а...— протянул капрал, подбирая слова.— Ну раз так...

— Не будем вас задерживать.— Еще одна улыбка Миралиссы.— Так мы можем проехать?

Улыбка эльфа способна ввести неподготовленного человека в долгий ступор, особенно если он раньше не видел эльфийских клыков, двумя белесыми клинками торчащих из-под нижней губы.

— К-конечно, можете проезжать.— Капрал махнул рукой в сторону ворот, чтобы стражники нас пропустили.— Но помните, оружие в черте города имеет право носить только городская стража и эльфы!

— А дворяне и солдаты? — молчавший все это время Угорь изумленно вскинул бровь.

— Кинжалы и ножи допустимого размера — это единственное исключение.

— Но мы на службе у короля! Мы не наемный отряд!

— Простите, закон один для всех,— безжалостно отрезал капрал.

Слышал я об этом законе. Он появился лет триста тому назад. Потасовки в Ранненге в то время вспыхивали со скоростью лесных пожаров. Времечко было беспокойное, три дворянских дома грызлись за власть, и когда в бучу, оторвавшись от важных государственных дел, все же вмешался король, трупов на улице было поболее, чем на поле Сорна после битвы гномов и карликов.

Половина графов, баронов, маркизов и прочей мелочи, в жилах которой текла дворянская кровь, полегло на улицах города. Но другая половина — вот жалость — осталась, и до сегодняшнего времени Кабаны, Обуры, Соловьи и их сторонники точили зуб друг на друга.

Так что те, кто теперь таскает с собой по городу железки с руку величиной или, не дай Сагот, арбалет, рискуют нарваться на очень большой штраф и пару деньков отдыха в неудобной тюремной камере. Последнее обстоятельство являлось великолепным отрезвляющим средством для господ дворян. Побывав в местах сырых и унылых до невозможности, милорды на какое-то время становились тихими и кроткими, как ягнята.

— Но как же так...— начал было протестовать Фонарщик, который сразу всей душой воспротивился такому закону.

Мумр нигде не расставался со своим огромным биденхандером, а тут выходило, что в Ранненге Мастеру длинного меча придется запрячь страшную железку куда подальше и обходиться коротким ножиком.

— А я ведь даже не спрашиваю вас, по какому делу вы приехали в наш город и какому дому будете здесь служить.— Стражник многозначительно посмотрел на нас.

— Мы не собираемся поступать на службу к дворянским домам,— отрезал милорд Алистан.

— Мне все равно, милорд рыцарь.— Капрал примиряюще поднял обе руки.— Не служите так не служите. Ваше право. Вот только первая мысль, которая приходит в голову, когда видишь вооруженный отряд в городе, что кто-то из домов нанял себе на службу еще нескольких рубак.

— В Ранненге опять беспокойно? — спросила Миралисса, перекидывая толстую пепельную косу через плечо.

— Есть немного,— кивнул солдат.— Соловьи с Кабанами недавно устроили потасовку в Верхнем городе. Двух баронов распорол от шеи до пупка. М-м-м... Прошу прощения, если смутил, леди эльфийка.

— Ничего страшного и спасибо за ответы, любезный. Так мы можем проехать?

— Да, миледи. Вот вам бумага, она поможет избежать вопросов патрулей.— Капрал достал из деревянного футляра, висевшего у него на бедре, свернутую грамоту и протянул эльфийке.— Здесь говорится, что вы только что прибыли в наш славный город. Добро пожаловать!

— Вот вам. За службу.— Эграсса, свесившись с лошади, сунул капралу в ладонь монету.

— Благодарс-с...— Стражник не договорил. Он увидел, какую монету вручил ему эльф, и застыл, как статуя в королевском парке.

Не каждый день капралу выпадает подержать в руке полновесный золотой. Чую, что сегодня в караулке будет праздник, и ни один стражник к полуночи не сможет устоять на ногах.

Оставив позади себя изумленную и несказанно обрадованную щедростью темного эльфа стражу, отряд наконец-то проехал ворота.

Из переулка, начинающегося у городских ворот, мы свернули на широкую улицу, ведущую в самое сердце города. Трактир, в который вела нас Миралисса, находился на одном из холмов и, пока мы до него добирались, я всю голову, изучая окрестности.

На улочке, начинающейся у памятника защитникам Ранненга, погибшим в Войну Весны, нас остановила стража, но, увидев бумагу, выданную капралом, разочарованно отстала.

— Ладно,— неожиданно крикнул Горлопан.— Мне родственников надо проведать, встретимся в трактире!

— А у нее подружки, случаем, нет? — хитро ухмыльнулся Арнх.

Горлопан бросил удивленный взгляд на высокого лысого воина и переспросил:

— У кого нет подружки?

— Кто о чем,— обреченно вздохнул Сурок.— Вы бы лучше не о бабах думали, а о том, что нам делать дальше!

— Мышку корми! — в один голос ответили на реплику Сурка Горлопан и Арнх.

— Да кормлю, кормлю,— вяло отбился от обоих Сурок и пересадил линга с одного плеча на другое.— Только Дядьке скажи, чтобы он потом тебе шею не намылил.

— Уже давно сказал. Свидимся!

— Подружке привет! — крикнул Арнх, но Горлопан уже смешался с толпой, оставив свою лошадь на попечение недовольного таким неожиданным подарком Фонарщика.

Народу вокруг было, как гголов на заброшенном кладбище.

— Праздник у них, что ли, какой-то? — пробурчал Фонарщик, обозревая толпу не самым дружелюбным взглядом.

— А то! — ответил всезнайка Кли-кли.— Неделя экзаменов в Университете. Весь город гуляет.

— Угораздило же нас,— тоскливо сказал я.— Терпеть не могу толпу!

— Я думал, что ты вор,— протянул гоблин.

— Ну вор,— отозвался я, немного не понимая, куда клонит королевский шут.

— Я думал, воры любят толпу.

— Это еще почему я должен любить давку?

— Я думал, что в давке кошельки воровать сподручнее,— пожал плечами Кли-кли.

— Не мой уровень! — фыркнул я.— Я кошельками, дражайший дурак, не промышляю.

— Угу, ты промышляешь Заказами,— хихикнул мерзкий гаденыш.— Ты знаешь, Гаррет-баррет, по мне уж лучше таскать кошельки с медяками из карманов простофиль, чем получить твой теперешний Заказ.

— Иди Халласа доставай,— зарычал я на гоблина.

Кли-кли ткнул меня в больное место. Ладно, поздно плакать. Я принял Заказ — видно, в то время немного тронулся умом со страху, и теперь обратного пути у меня нет.

— Гаррет! — оторвал меня от раздумий Фонарщик.— Что это ты загрузил?

— А это его обычное состояние духа,— бесцеремонно влез в разговор королевский шут.— Наш Танцующий в тених в последнее время слишком мрачен и угрюм.

— Зато кто-то другой у нас слишком весел и счастлив,— буркнул я.— Как бы ты не накаркал чего не надо.

— Каркает у нас Горлопан,— не согласился со мной Кли-кли.— Я же говорю только то, что есть на самом деле.

— А еще цитируешь предсказания объевшихся мухоморами шаманов гоблинов,— подколот я шута.— Все их пророчества про Танцующего в тенях не стоят тухлого яйца воробья!

— Поздно отбрыкиваться! Ты сам принял имя «Танцующий в тенях», прямо как в пророчестве! Книга Брук-грук ни разу не врал! — запальчиво начал Кли-кли, но, поняв, что я всего лишь дразню его, обиженно умолк.

Слабое место Кли-кли — обожаемая им Книга Пророчеств гоблинов, которую он знает от корки до корки. Теперь, видите ли, я не вор Гаррет, а ходячее пророчество, которому суждено спасти королевство и весь мир. Ага. Как же! Будь моя воля, я бы его не спасал, а грабил.

— Ты лучше скажи, Кли-кли,— встрял в разговор Арнх,— есть в твоей книжонке, написанной шаманом Трю-трю...

— Тре-тре, а не Трю-трю, неуч! — возмущенно перебил лысого воина гоблин.

— Написанной шаманом Тре-тре,— как ни в чем не бывало продолжил Арнх, но гоблин его снова перебил:

— Великим шаманом Тре-тре!

— Хорошо. Написанной великим шаманом Тре-тре. Так есть там хоть что-нибудь, кроме твоих обожаемых пророчеств?

— Например? — Кажется, уроженцу Пограничного королевства удалось сбить гоблина с толку.

— Ну, например, как лечить больные зубы гномов?

Халлас, вновь поравнявшийся с нашей группкой, услышав разговор, наострил уши, хотя постарался сделать вид, что ему это совсем неинтересно.

Кли-кли это заметил и улыбнулся улыбочкой «сейчас что-то будет» — явное предзнаменование, что он собирается учинить какую-нибудь пакость.

Шут выдержал такую театральную паузу, что Халлас от нетерпения стал ерзать в седле, а затем, когда гном уже был готов вскипеть от злости, гоблин изрек:

— Есть.

— И что же это такое? — спросил я, отчаянно дергая уздечку и пытаюсь направить Пчелку так, чтобы она больше не шла между Кли-кли и Халласом.

Гоблин как пить дать затевал какую-то гадость, и я не собирался находиться на пути полета тяжелых предметов, когда бородатый решит пустить кровь королевскому дураку.

— О! — загадочным голосом изрек Кли-кли, довольно ухмыляясь. — Это очень действенная штука. Ее в принципе можно было использовать в самом начале болезни Халласа, и зуб сразу бы прошел! Клянусь шляпой великого шамана Тре-тре, если это не так, Гаррет!

— Так чего же ты молчишь, душегуб?! — Гном взревел так, что переполошил половину улицы.

Дядька обернулся и грозно показал нам кулак, затем ткнул пальцем в сторону Алистана и провел ребром ладони себе по горлу.

— Заканчивай балаган, Кли-кли, — беззлобно сказал Сурок гоблину. — Люди смотрят.

— Все, больше ни словечка, — клятвенно пообещал тот, жестами показывая, будто закрывает рот на замок.

— Как ни словечка? — возмутился гном. — Делер, скажи этому зеленому, что, если он не даст мне лекарство, я за себя не ручаюсь!

— Он правду говорит, Кли-кли, — хмыкнул карлик. — Гномы — это такое шелудивое племя, они маму родную из-за ерунды прибивают, не то что какого-то королевского шута.

— Я не какой-то! Я единственный королевский шут! — с нескрываемой гордостью произнес гoblin, как будто эта должность могла спасти его от рук скорого на расправу гнома.

— Это гномы — шелудивое племя? — Халлас враз забыл о гоблине и переключил все свое внимание на Делера. — Да вы, карлики, только и делаете, что жируете в горах, которые по праву принадлежат нам!

— Заканчивай балаган, Делер, — опять повторил Сурок.

— А я что? — Делер пожал плечами. — Я ничего. Я вообще молчу! Это Халлас чего-то взъелся!

— Вот и замолчи! Я сейчас не с тобой разговариваю, морда в шляпе! — отрезал гном. — Ну, Кли-кли, какое средство?

Кли-кли перевел голубые глазищи на гнома и с крайне сомневающимся видом произнес:

— Не уверен, что гоблинский способ лечения зубов тебе понравится, Халлас.

— Ты можешь просто сказать, Кли-кли?! Без всякого там «не уверен»?

— Ты все равно им не воспользуешься, — продолжал ломаться Кли-кли. — А мне зря придется раскрыть страшную гоблинскую тайну.

— Я обещаю, что воспользуюсь твоим способом прямо сейчас! — Гном из последних сил сдерживался, чтобы не открутить собеседнику голову.

По зеленой физиономии Кли-кли от уха до уха растянулась улыбка, и он сразу же стал походить на жутко довольную лягушку.

Я еще отчаяннее заработал уздечкой, придерживая Пчелку, пока не очутился рядом с Фонарщиком, оставив гоблина и гнома впереди себя. Мой гениальный маневр не остался незамеченным, и Сурук, Делер и Арнх в точности его повторили. Халлас и Кли-кли остались наедине, потому как желающих очутиться между молотом и наковальной среди нас не оказалось.

— Учти, ты обещал воспользоваться способом гоблинов! — напомнил пакостник больному. — Так вот, чтобы вылечить больной зуб, надо взять стакан ослиной мочи и часок подержать ее во рту, а затем выплюнуть через левое плечо, желателно в правый глаз лучшему другу. Зубную боль как рукой снимет!

Ожидаемого взрыва не последовало. Халлас лишь зло посмотрел на гоблина, смачно харкнул под копыта его коня и послал лошадь вперед. По-моему, Кли-кли немного расстроился. Он, как и все, ожидал грома и молний.

— Скажи мне, друг Кли-кли, — спросил я у приунывшего гоблина, — а сам-то ты этот способ пробовал?

Шут посмотрел на меня как на умалишенного:

— Я похож на идиота, вор?

Я так и знал, что услышу от него что-то в этом роде.

— Трепещи, Гаррет, — сказал Медок.

— Трепещу, — ответил я, не спуская глаз с фонтана Королей.

А на него стоило посмотреть! Раньше я много слышал об этом фонтане, но увидеть чудо своими глазами довелось впервые.

Огромный водяной столб пятидесяти ярдов в высоту считался одной из достопримечательностей Ранненга. Фонтан занимал целую площадь, и его ревущие струи устремлялись высоко в небо, а затем падали вниз, разбиваясь водяной дымкой и тонкой пеленой окутывая всю площадь. Водяная пыль и солнечные лучи, сливаясь в жарких объятиях, создавали радугу, гибким мостом пересекающую небо над площадью на две половинки, а затем ныряющую в фонтан.

Как говорили знающие люди, при создании мастерами-карлика-ми этого чуда не обошлось без помощи Ордена. Только магия способна создать радугу, каждый день, в любую погоду появляющуюся из брызг. Казалось, протяни руку, дотронься до семицветного чуда — и ощутишь всю хрупкость и воздушность небесного моста.

— Благодать, — довольно вздохнул Арнх, лицом ловя свежесть воды.

— Угу, — ответил я.

Конец июня и половина июля выдались настолько жаркими, что даже выдержанный воин пару раз за время нашего путешествия снимал с себя любимую кольчугу. А для жителя Пограничного ко-

ролевства, привыкшего носить броню чуть ли не с рождения, снять кольчугу — очень серьезная жертва.

К счастью, в последние несколько дней небывалая удушающая жара несколько спала, но все равно было достаточно оснований, чтобы опасаться за вскипание мозгов в черепашке. Поэтому возле фонтана, где властвовала прохлада, а воздух был свеж и чист, отряд испытывал наслаждение.

— Не задерживаемся! — Алистан даже не взглянул на достопримечательность.

Вот и весь отдых. Как подумаю, что после Ранненга нас вновь ждет путешествие под летним солнцем, так мне сразу становится очень нехорошо. Х'сан'кор знает что творится с погодой в этом году...

— Да что с тобой сегодня такое? — раздался у меня над ухом возмущенный голос Кли-кли.— Я тут, понимаешь, распинаюсь перед тобой, как жаворонок перед петухом, а ты и ухом не ведешь!

— А ты что-то интересное балаболит? — спросил я.

— Балаболит! — фыркнул шут.— Я не балаболит, а описывал красоты этого славного города.

— Красот поблизости не замечаю,— буркнул я, осмотрев улицу, по которой мы сейчас ехали.

Улица как улица. Старенькие двухэтажные дома с обшарпанными стенами, правда, надо отдать должное жителям, не все здания казались такими уж дряхлыми. Но красоты я все равно упорно не замечал. Не знай я, что нахожусь в Ранненге, предположил бы, что это Внешний город Авендума.

— Погоди, сейчас до парка доедем, там такие деревья, прямо как в Заграбском лесу!

— Ты тут бывал, Кли-кли? — спросил Фонарщик, подъехав к нам на своей чалой лошаденке по прозвищу Упрямица.

Лошадь Горлопана трусила за Упрямицей и недовольно прятала уши, протестуя, что ее так бесцеремонно ташат за собой.

— Да, был я тут разок,— сказал Кли-кли, мечтательно причмокивая губами.— Выполнял задание короля.

Халлас от неожиданности поперхнулся и, позабыв о зубной боли, уставился на Кли-кли:

— Только не рассказывай мне сказок, гоблин! Я в жизни не поверю, что король мог доверить тебе важное дело!

— Бе! — Кли-кли показал гному язык.

— И все же Расскажи свою байку, скучно ведь! Когда мы еще до трактира доедем,— попросил Сурок.

— Да тут ехать всего ничего! Сейчас через парк попадем в Верхний город, это где Университет, магическая школа и прочая и прочая. В общем, райончик еще тот. Ехать совсем чуть-чуть осталось.

Гоблин попросту ломался и ждал, чтобы его еще немного попросили.

— Давай уж, не томи,— сказал Фонарщик.

— Угу, сейчас только придумую, с чего начать,— милостиво согласился Кли-кли и нахохлился, делая вид, что мучительно соображает.

— Гаррет, поддержи Непобедимого, я куртку сниму,— попросил меня Сурок.

— Давай,— согласился я, и Сурок перекинул линга мне на плечо.

Ручная лохматая крыса Сурка по кличке Непобедимый принялась хрюкнута и, посопев, затихла на моем плече. Удивительно, но кроме Сурка линг из всего отряда не кусал только меня и даже позволял себя гладить, когда находился в благодушном состоянии духа.

Не знаю, отчего у лохматого грызуна Безлюдных земель вспыхнула ко мне такая любовь. По крайней мере, видя, как крыса воет и пытается укунить Кли-кли за палец, когда он протягивает к ней руки, я весело ухмыляюсь, чем очень раздражаю гоблина. Вот и сейчас он не смог смолчать:

— Ты поаккуратней с этим зверем, Гаррет. Он враз тебе ухо оттяпает!

— Ты историю обещал, Кли-кли,— напомнил я гоблину.

— А, ну да! В общем, год назад Обуры и Кабаны решили заключить союз и устроить Соловьям кровавую ночь. В Ранненге должна была начаться буча, а Сталкону это невыгодно. Начнут с Соловьев, а закончат Его Величеством. Поэтому меня сюда и прислали.

— И наш воистину бесстрашный друг всех победил! — хохотнул Делер.

— У вас, карликов, фантазии на медный грош! — фыркнул Кли-кли.— Меня сюда прислали сделать так, чтобы Кабаны рассорились с Обурами, а Обуры — с Кабанами. И чтобы эти дворянские шайки больше никогда и не подумывали о союзе... Что я и сделал! — Последние слова гоблин произнес не без гордости.

— И как же ты это провернул? — хмыкнул я, возвращая линга Сурку.

— А точно так же, как ты в истории с Конем Теней. По плану «Натрави всех на всех»!

— Натрави всех на всех? Это он о чем, Гаррет? — не понял Фонарщик.

— Не бери в голову, Мумр, — отмахнулся я, не желая сейчас распространяться насчет того дела. — И насколько твоя задумка понравилась Обурам и Кабанам, Кли-кли?

— Ты знаешь, в чем странность, Гаррет? Моя задумка им абсолютно не понравилась! — весело хихикнул шут. — Особенно Обурам. Господа дворяне так расстроились, узнав, что один из графов Кабанов отдает свою дочурку за Соловья, и Обуры недолго думая устроили Кабанам горячую помолвку! Те в долгу не остались и прирезали парочку Обуров. Такой кавардак в городе начался, что ни о каком союзе и речи больше быть не могло! Дворяне юга снова потихоньку грызутся, вспоминая давние обиды, а мой король не беспокоится за целостность трона. Бунт и гражданская война откладываются на неопределенный срок, а все королевство идет благодарить шута за мир и спокойствие в Валиостре!

— А наш шут парень хоть куда! — хмыкнул, звеня кольчугой, Арнх.

Нашему королю дворяне юга были словно рыба в горле. Проглотить больно, а выплюнуть нельзя — может стать еще хуже. Потому как если милордов дворян оставить без присмотра, то они того и гляди снюхаются с западными провинциями, и тогда пропал трон. Как только спорам и интригам придет конец, дворянам, а тем более дворянам, объединившимся в союз, делать станет абсолютно нечего, и они начнут искать, куда бы направить лишнюю силушку.

Во времена отца нынешнего короля уже был неприятный случай, когда западные дворяне решили свергнуть династию. Не нравилось им, видите ли, что король не хочет отдать Спорные земли Мирануэ-ху. К счастью, тогда у мятежников ничего не получилось. Королевские гвардейцы устроили бунтовщикам сюрприз, появившись в самый неожиданный для них момент. Дворяне юга не поддержали мятеж западных соседей. Кабаны, Соловьи и Обуры были слишком заняты друг другом, чтобы обращать внимание на призывы поучаствовать в заговоре. У ранненгских ребят своих заговоров не перечесть, так зачем же связываться с королем?

Мы миновали парк, заросший исполинами-дубами. Мне даже не верилось, что такие деревья могут расти в городской черте, а не в лесу. В Авендуме даже на территории королевского дворца больших деревьев не было, не говоря уж о других районах города. С теми холодами, что приходят к нам вместе с ветрами из-за Холодного моря и Безлюдных земель, все деревья зимой в один миг отправятся на дрова. Народец из Портового города и Пригорода быстро бы остался от них одни пеньки.

Дорога стала взбираться на холм, и, выехав из парка, мы очутились в районе Ранненга, который напрямую примыкал к Универси-

тету и школе Ордена. Тут дома были поновее и покрасивее, чем те, мимо которых мы проезжали раньше. Но народу на улице было все равно тьма-тьмушая. Больше, чем блох на невытой собаке, это уж точно.

Прежде чем мы достигли трактира, облюбованного Миралиссой еще во время ее прошлых путешествий по Валиостру, гном пару раз успел поругаться с пешеходами, крутившимися возле лошадей, и один раз привлечь к отряду ненужное внимание очередного отряда стражи, за что Дядька получил нагоняй от Маркауза. Отдуться за всех десятник Диких Сердец не захотел и устроил разнос гному.

Халлас надулся, встопорщил бороду и замолчал, лишь его черные глазки злобно сверкали из-под насупленных бровей.

Отгороженный от улицы забором трехэтажный трактир был очень большим и солидным заведением.

— Чтоб я лопнул! — присвистнул Делер, оглядывая наше временное место жительства. — Раз тут такой домище, то и кухня должна быть огромной! А огромная кухня — это верный признак хорошей еды! Как думаешь, Халлас?

Гном бросил тоскливый взгляд на напарника — и вновь смолчал.

— Твоя правда, Делер, — прогудел гигант Медок. — Хватит нам есть Дядькину и Халласову снедь. Эх, сейчас бы молочного поросеночка с хреном!

— Будет, господин хороший! Всенепременно будет вам молочный поросеночек! И даже два! Думаю, такой богатырь, как вы, одним не насытится! — ответил воину невесть откуда взявшийся пузатый краснолицый человек. — Доброго дня, леди Миралисса! Счастливив вас снова лицезреть в моем наискромнейшем заведении!

— И я рада видеть тебя живым и здоровым, мастер Пито, — вежливо улыбнулась эльфийка. — Как идут дела в трактире?

Халлас весьма громко застонал, намекая, что любезности и вопросы нужно отложить до того срока, как он разберется с большим зубом. Мастер Пито недоуменно покосился на хмурого гнома, но намека, увы, не понял:

— Да живем потихоньку, кое-как сводим концы с концами.

— Ну не прибедайся! — улыбнулся Элл и спрыгнул с лошади. — Ты за полгода, пока мы отсутствовали, даже потолстел!

— Куда там, — протестующе отмахнулся от слов телохранителя Миралиссы трактирщик. — Это все от бед! О! Треш Миралисса привела в мое заведение новых спутников? А где же те, что были у меня в прошлом году? Я вижу только господ Эграссу и Элла.

— Их больше нет, — неохотно произнесла Миралисса.

Я не знаю этой части истории, но из тех отрывочных фраз, что роняла темная эльфийка в разговоре со мной, понял, что все ее спут-

ники, кроме Эграссы и Эллы, выехавшие с ней из лесов Заграбы, остались в снегах Игл Стужи. Живыми из Безлюдных земель выбрались только трое эльфов да десяток Дядьки, с которыми Миралисса и прибыла в Авендум.

— Беда-то какая! — заломил руки трактирщик. — Как же это?!

— Лучше покажите нам наши комнаты, мастер Пито, — сказал Эграсса.

— О! — Трактирщик понял, что затронул болезную тему. — Покорнейше прошу простить мое любопытство! Следуйте за мной, господа хорошие! Одного вашего спутника я уже поселил. И пива налил!

— Кого это вы поселили, любезный мастер? — подозрительно сощурился Маркауз, и его рука упала на меч.

— Я что-то не так сделал? — испуганно зачистил трактирщик, остановившись как вкопанный. — Он пришел, сказал, что с вами и...

— Кто пришел? — перебил граф Алистан.

— Да я пришел, милорд Маркауз, я! — Горлопан вышел с кружкой пива из двери трактира.

— Ого! — Архх втянул в себя воздух. — Ну ты прямо как молния! Я тебя к вечеру ожидал, а ты так быстро обернулся!

— Как подружка? — Фонарщик прошел мимо Горлопана и, не услышав его ответа, скрылся в трактире.

— Да не к подружке я ездил! — вяло попытался отбиться Горлопан.

— Угу! Ты ездил по грибы! — Сурок последовал за Мумром.

— Проходите, господа, проходите! — Пито вновь обрел почву под ногами. — Все комнаты уже приготовлены!

Кли-кли обвел отряд взором голубых глаз и изрек:

— Никто не возражает, что я размещусь в комнате Гаррета и Фонарщика?

Возражающих конечно же не нашлось. Уже все в отряде знают народную мудрость: чем дальше спишь от гоблина, тем крепче твой сон. Когда по соседству нет Кли-кли, то не надо ожидать ведра холодной воды в самый неподходящий момент.

— Ты идешь? — Кли-кли остановился у входа в трактир и взглянул на меня.

— Угу, — бросил я и переступил порог заведения.

Размерами зал трактира не уступал маленькой площади. Люстры со свечами под потолком, ажурные, но крепкие стулья, длинные скамьи и кражистые столы. На одной из стен висела огромная фигура совы, вырезанная из цельного ствола дерева. Лестница, ведущая на второй этаж, стойка, крепкая дубовая дверь на кухню.

— Много у вас постояльцев, мастер Пито? — спросил граф Маркауз, снимая кожаные перчатки и бросая их на ближайший стол.

— Никого, кроме вас, — не моргнув глазом сказал трактирщик.

— Вот как? — изумленно вскинул бровь капитан королевской гвардии. — Дела действительно идут так плохо?

— Не волнуйтесь, милорд! — Трактирщик хитро улыбнулся. — Треш Миралисса оплатила содержание трактира на два года вперед.

— Мы решили сделать из «Ученой совы» то, что вы, люди, называете штабом, — поясняя слова Пито, сказал Эграсса. — Кузина заплатила мастеру Пито, чтобы он пока никого здесь не селил, а без других постояльцев мы можем чувствовать себя более комфортно.

— Мастер Пито, — Мумр оперся на свой огромный биденхандер, — нам бы пивка.

— Всенепременно! — засуетился трактирщик. — Только железяку, которую вы, господин хороший, в пол воткнули, вытащите, а то вы мне все заведение попортите.

— А к пиву баньку, — поддакнул Дядька.

— И поросенка, — вставил Медок.

— Все будет буквально через пять минут! — Трактирщик бросил раздавать поручения прислуге.

Я прошел к дальнему столу, блаженно откинулся на спинку стула и, поколебавшись, достал из дорожной сумки планы Храд Спайна. Я до сих пор не смог нормально изучить карты глубоких подземных лабиринтов могильников. Сейчас у меня выпала минутка наконец-то заняться изучением свитков, которые с таким трудом попали в мои руки.

— Гаррет, хватит изучать бумажки! Успеешь еще! Ты с нами идешь?

— Куда? — Я поднял взгляд на Кли-кли.

— Халласа к цирюльнику провожать.

— Мы же его не в последний путь отправляем. Я-то на кой вам понадобился?

Кли-кли приблизился ко мне и, заговорщицки оглядевшись по сторонам, прошептал:

— Делер говорит, что гном до ужаса боится! Если что, его нужно будет подержать.

— Так возьмите Медка, — отмахнулся я от шута. — Он здоровый, пятерых гномов за раз удержит. А мне мои зубы слишком дороги, чтобы я давал Халласу стучать по ним кулаками.

— Медок теперь зад не поднимет со скамьи, — разочарованно произнес гоблин. — Арнх, Фонарщик и Сурук сваливают погулять по городу, эльфов и Алистана не допросишься — они сейчас заняты

поисками припасов на следующую часть дороги. Горлопан и Дядька теперь пиво будут дуть, пока не лопнут. Кого мне звать, как не тебя?

— Угря.— Я кивнул в сторону смуглого гаррака.

— Он и так идет с нами.

— А его, значит, тебе не хватит?

После долгой дороги я не горел желанием куда-то идти.

— Ну, Гаррет, хватит ломаться! Делер очень просил!

Я зарычал на гоблина, но собрал со стола бумаги, завернул их в дрокр и убрал в сумку.

— Пошли же! — зашипел Халлас, когда я и Кли-кли подошли к нему.

— Гаррет,— промурлыкала Миралисса,— не забудь оставить арбалет в трактире.

Вот Х'сан'кор! А я и вправду забыл о своем малыше!

Расставаться с дорогой, а главное нужной вещью не хотелось. Без арбалета за спиной я чувствовал себя голым и беззащитным.

— И клинок оставь,— произнес Элл, наблюдая, как я отдаю оружие Дядьке.

— Да, Гаррет, о ноже тебе тоже придется забыть,— поддержал Элла Дядька.

— Мы тебе чего-нибудь менее заметное выдадим! Вилку, например! — хихикнул Кли-кли.

— Это почему я должен оставить клинок? — Я посмотрел на желтоглазого к'лиссанга Миралиссы, пропустив укол Кли-кли мимо ушей.

— Стража в него вцепится не хуже чем имперская собака в кусок мяса. Он больше допустимого размера.

Скрепя сердце, пришлось оставить оружие на попечение Дядьки.

— Медок,— обратился Сурок к помощнику Дядьки,— кинь-ка мне мой мешок, негоже Гаррету без железа по городу шастать.

Сурок поймал брошенный ему мешок, порылся в нем, выудил сухарь, сунул его в лапки запищавшего от восторга Непобедимого, вновь обратился к мешку и извлек оттуда кинжал в простеньких потертых ножнах.

— Держи.

Я взял оружие и наполовину вытащил клинок из ножен.

— Рубиновая кровь?

— Угу, канийская ковка. Хорошая сталь.

— Ух ты! Прямо как меч у Алистана! — восхищенно присвистнул шут, посмотрев на клинок, отливающий красноватым цветом.

— Спасибо, Сурок! — Я с сожалением вернул оружие воину.— Сталь действительно великолепная, но излишне шумная. Проще ничего нет?

— Да у нас железа сколько угодно! Возьми мой.— Фонарщик протянул мне кинжал.

— Сойдет,— благодарно кивнул я, пристегивая оружие к поясу.

Если что, в потайном кармане у меня есть бритва плюс в сумке целый арсенал магических фокусов, купленных мной в волшебной лавке накануне отъезда из Авендума.

— Кли-кли! — Алистан подошел к шуту.— А у тебя ничего лишнего с собой нет?

Шут надулся, будто его обвинили в королевской измене, и откинул в стороны полы своего темного плаща, показывая широкий пояс, на котором висело четыре тяжелых метательных ножа. Два справа и два слева. Не припомню, чтобы за время поездки он хоть раз вынимал оружие из ножен.

— Это точно? Ты ничего такого не припрятал?

— Я пуст, как бутылка вина в руках пьяницы, милорд,— искренне ответил Кли-кли.

— Ладно.— Кажется, Алистан поверил словам гоблина.— Учти, если будешь слишком остер на язык со стражей, тебя могут ждать неприятности!

— Учту,— сказал шут, всем своим видом показывая, что и без наставлений Алистана знает об отсутствии чувства юмора у солдат.

Гоблин принялся копаться в своих многочисленных карманах и выудил спутанный клубок веревочек и узелочков. Помнится, он поспорил с нами, что сотворит с помощью этой штуки страшную гоблинскую магию. Пока у него ничего, кроме безумной паутины из веревок и узелков, не получалось. Кли-кли перехватил мой взгляд и весело подмигнул:

— Если что, то о-го-го!

— Предупреди, когда будешь испытывать свое о-го-го,— попросил я его.— Я уеду в соседнее королевство.

Шут бросил на меня взгляд, ясно говоривший, что он во мне разочаровался на веки вечные, и убрал клубок веревок обратно в карман.

— Ты еще очень удивишься, Гаррет, когда я грохну свое шаманство.

— Сурок! — Немногословный Угорь протянул воину ножны с «братом» и «сестрой». — Побереги их.

— Конечно, дружище, конечно,— произнес Сурок, принимая клинки из рук гарракаца.

— Пошли, Гаррет, иначе от зубной боли я помру прямо тут на полу! — буркнул гном, выходя из трактира.

Глава 2 ГНОМИЙ ЗУБ

— А куда мы идем? — Шут вприпрыжку бежал рядом со мной.

Коротенькие ножки гоблина были не приспособлены для темпа, который задал нашей компании Халлас.

— К цирюльнику. Сам будто не знаешь!

— Я понимаю, что не к сапожнику, Гаррет! Я спрашиваю куда? Цирюльников за этот час мы повидали много!

— Тогда ты с этим вопросом обратился не по адресу, это тебе к Халласу надо.

— Спасибо, но я хочу дожить до старости! Он сегодня не в духе, и вопросы я ему задавать не намерен.

— Раз не хочешь у него спрашивать, помолчи, ладно?

— У! — обиженно протянул гоблин и бросился теревить вопроса-ми Делера, но тот ответил ему почти то же самое, что и я.

— Знаешь, Гаррет, — Угорь впервые заговорил с тех пор, как мы вышли из трактира, — мне начинает надоедать эта прогулка.

— И не только тебе одному, — вздохнул я.

Мы уже битый час бродили по Ранненгу в поисках нужного лекаря. Как гном хотел из всех выбрать именно нужного, оставалось для нас загадкой. Но те цирюльники, у которых мы уже успели побывать, под ярлык нужных никак не подходили.

Жесткие требования Халласа к человеку, который соберется драть ему зуб, оставляли разочарованных лекарей с пустыми карманами, а гнома с большим зубом. Причин в отказе тому или иному зубодральщику у Халласа набралось с целую гору.

У одного лавка была слишком грязной, у другого цены слишком высокими, у третьего глаза голубые, четвертый оказался слишком старым, пятый слишком молодым. Шестой был сонным, седьмой странным, восьмой заикался, у девятого рожа по кулаку плакала. Капризам гнома было просто невозможно угодить!

Как только Халлас подходил к лавке очередного цирюльника, его шаги самым волшебным образом замедлялись, он начинал плестись, как пьяная улитка, и мелко дрожать. Даже слепому доралис-цу было понятно, что гном попросту ужасно боится.

— На нас уже смотрят, — буркнул гарракец.

— На нас смотрят с того момента, как мы вышли из трактира, — буркнул я в ответ. — Тут уже ничего не поделаешь!

Компанией мы были любопытной, и поэтому на нас глазели без зазрения совести. Перво-наперво конечно же все смотрели на гоблина, представителей его расы не так часто можно встретить в городах королевства. Но, конечно, как только люди замечали гнома и карли-

ка, про Кли-кли забывали напрочь. Если гоблинов еще иногда можно увидеть на белом свете, то гномов и карликов, мирно идущих рядом друг с другом,— никогда.

— Гаррет, ты глян! — Кли-кли дернул меня за рукав.

— Куда? — Ничего интересного я не видел.

— Да вот прямо сюда! — Кли-кли ткнул пальцем в сторону лавки, торгующей овощами.— Погоди, я мигом!

Не успел я и рта открыть, как гoblin уже унесся за покупками.

— Чего это он? — недоумевающе спросил меня Делер.

— У каждого свои слабости,— ответил я.— Кто-то не хочет драть зубы, а кто-то обожает морковку.

Халлас пропустил намек про зубы мимо ушей и картинно застонал.

— Не стони! — безжалостно прикрикнул на гнома Делер.— Сам виноват. Трус несчастный.

— Это кто трус? — тут же вскинулся Халлас.— Гномы ничего не боятся! Это ваше безбородое племя боится! Заперлись в наших горах и дрожите как осиновый лист на осеннем ветру!

— Тогда чего ты зуб не дерешь?!

— Говорю же, глупая твоя черепушка! Это плохие цирюльники!

— Ладно, а чего ты опять со своим мешком потащился? — не отстал от Халласа Делер.— Ты можешь его хотя бы на минуту оставить?! У тебя там что, гномья книга заклинаний?!

— Ну что ты как флини расстрекотался?! — взорвался Халлас.— Мой мешок! Что хочу, то и ношу!

С этим мешком гном был попросту неразлучен. Куда бы ни направлялся Халлас, он всегда таскал его с собой. Что там лежит, не смог узнать даже проныра Кли-кли. Делер просто умирал от любопытства и терялся в догадках. Уж не знаю, какие в мешке хранились сокровища, но гном, раздобывший его у родичей, несущих вахту в форте Авендума, крутился вокруг собственности, как курица вокруг первого в своей жизни яйца.

— А вот и я,— весело хрустя морковкой, к нам подошел Кли-кли.— Ну что, зуб будем драть или станем ждать, когда он сам отвалится?

— И этот туда же! — буркнул гном.— Дался вам мой зуб! Что хочу, то с ним и делаю!

— Тут недалеко Большой Рынок! Там точно должен быть цирюльник! — предложил Кли-кли.

Большой Рынок действительно оказался большим. Нет, не так! Он был просто огромным! Как по размеру, так и по количеству то-

варов. А людей, шастающих между торговыми рядами, было вовсе не сосчитать.

— Купите лошадь! Настоящая доралисская порода! Посмотрите, какая у нее грация!

— Яблоки, яблоки!

— Лучшая сталь севера! Лучшие клинки юга!

— Заходите!

— Купите обезьянку, господин!

— Это я дура? Да ты на свой товар посмотри, стерва! Разве это репа? Это одно название!

— Вор! Держите вора!

— Лови его!

— Султанатские ковры высочайшего качества! Не бояться моли!

— Эй! Поаккуратнее! Это фарфор низинских мастеров, а не глиняный горшок твоей бабушки!

— Да хватит мне на ноги наступать! Щас как врежу!

— Испугал! Сейчас сам врежу!

— Семечки!

— Милорд, у нас в заведении лучшие девочки в этой части Вали-остра! Пройдемте! За серебряный сразу три штуки! А за два они вам такое сделают!

— Ма-а-а-ам! Хочу крендель! Ну ку-п-и-и-и-и! А-а-а-а-а!

— Не толкайся!

— Вожжи, уздечки, седла! Вожжи, уздечки, седла!

— Щенки имперской собаки! Уже кусаются!

— Имперской? Да ладно врать! Это же крысята, а не собаки!

— Пира-ажки!

Гвалт тут был почище, чем у ворот во время нашего въезда в Ран-ненг. Угорь что-то пытался мне сказать, но вопль толстой бабки, сунувшей мне под нос одуряюще воняющую рыбу никак не меньше чем месячной свежести, не дал мне расслышать слова воина. Я отмахнулся от торговки и бросился догонять своих.

Халлас, видать от боли лишившись последних мозгов, привел нас в толпу народа, наблюдающую представление балагана прямо посреди рынка. Гном, никогда не отличавшийся вежливостью по отношению к ближнему своему, распахивал народ локтями, наступал на ноги и сквернословил, как заправский житель Портового города. Буквально через несколько секунд популярность гномьего племени в Ранненге упала ниже цен на навоз.

Мы все же сумели пробраться через эту давку, а Кли-кли, не удержавшись, вылез на сцену, сделал колесо, стойку на руках, вырвал у жонглера изо рта факел, сел на него задницей, вскочил, залез

по столбу на канат, перебрался на другой столб, плюнул на лысину силача, поднимающего гирию и, сорвав гром аплодисментов, смылся.

— Все развлекаешься? Бом-тирлим и труль-ля-ля? — мрачно спросил я гоблина, когда он догнал меня.

— А ты все бурчишь и думаешь о худшем? — не остался в долгу Кли-кли.— Дурацкая у тебя жизненная позиция, Гаррет! Пошли бы стрей, а то потеряемся в этой гурьбе.

Гоблин ринулся вперед, благо его маленький рост позволял без проблем пробираться через толпу. Мне же раз двадцать успели отдавить ноги, раз десять попытались всучить абсолютно ненужные вещи, начиная с мочалки и заканчивая драной и отчаянно вопящей кошкой на последней стадии издыхания.

Какой-то неопытный воришка попробовал залезть ко мне в карман, но я, извернувшись, приставил к его животу кинжал Фонарщика, а затем прижал паренька к стене одной из лавок.

— Кто учитель?! — рявкнул я на карманника.

— А? — Холодная сталь у живота не очень способствует мыслительному процессу.

— Я спрашиваю, кто твой учитель, щенок?!

— Шлюд-филин, го-осподин!

— Он из гильдии?

— А?

— Ты плохо меня слышишь? Если да, то хорошего вора из тебя не выйдет!

— Да, мой учитель из гильдии, господин.

— Тогда передай ему, чтобы он тебе показал, кого стоит грабить, а к кому лучше не лезть, пока опыта не наберешься!

— Л-ладно.— Паренек был ошеломлен.— Вы не будете звать стражу, господин?

— Нет,— буркнул я, убирая кинжал обратно в ножны.— Но если еще раз ко мне сунешься... Понял, что я хочу сказать?

— Да.— Паренек все еще не мог поверить, что так легко отделался.

— Тогда пошел вон!

Повторять дважды не пришлось. Карманник-неудачник юркнул от меня, как испуганная мышка, и вмиг затерялся в толпе. Я проводил его долгим взглядом. В далекой молодости я сам лазил по карманам лопухов до тех пор, пока меня не подобрал учитель Фор, научивший всем тайнам высшего искусства воровства.

— Гаррет, ты долго намереваешься тут стоять? — Ко мне подскочил Кли-кли.— Мы только тебя и ждем! И кто был тот паренек, с которым ты вел такую непринужденную беседу?

— Просто прохожий, идем!

Делер, Угорь и Халлас нетерпеливо дожидались нас на пяточке, свободном от торговых рядов.

— Вот цирюльник! — Делер ткнул толстым пальцем в сторону лавки. — Вперед, Халлас!

— Вперед?! Я тебе лошадь, что ли? — Гному очень не хотелось идти.

— Давай, давай,— поддержал я карлика.— Вот увидишь, тебе сразу станет ле...

Мой взгляд вперился в толпу, и я не закончил фразу. Возле рядов, торговавших лошадьми, мелькнула до боли знакомая фигура. Я, ни секунды не раздумывая, ринулся вдогонку за увиденным мною человеком, не обращая внимания на удивленные вопли товарищей, зазвучавшие за моей спиной. Мне, если честно, было не до этого. У меня перед глазами застыло лицо, которое я видел не больше одной секунды. Следовало во что бы то ни стало догнать замеченного человека и по возможности отправить его во тьму.

По дороге я едва не сшиб какого-то торговца, перевернул корзину яблок и, не слушая поднимающуюся вокруг меня брань, выхватил кинжал из ножен. Лезвие оружия легло вдоль предплечья, чтобы клинок в моих руках был менее заметным для окружающих. Я подбежал туда, где несколько секунд назад увидел старого знакомого.

Никого. Я бросился дальше, отчаянно вертя головой в бесплодной попытке отыскать скрывшегося человека.

— Что случилось, Гаррет? — Рядом со мной тенью вырос Угорь.— Ты будто призрака увидел!

— Угу.— Я так и не оторвал взгляд от толпы.— Призрака. Только, к сожалению, живого.

— Кто это был?

— Давний враг,— хмуро сказал я, убирая оружие в ножны.

— Может, тебе показалось? Тут столько людей... мог и обознаться.

— Да,— помолчав, ответил я воину и еще раз обвел рынок взглядом.— Надеюсь, показалось...

Но я не надеялся. Не могло мне привидеться! Уж очень этот человек был похож на наемного убийцу Ролио.

— Пока мы возвращались назад, я всю дорогу ежесекундно оглядывался, но так никого похожего на Бледного не заметил.

Гном и карлик куда-то пропали, и гоблин в одиночестве переминался с ноги на ногу.

— Гаррет, что с тобой творится? Ты здоров? — Кли-кли заботливо посмотрел мне в глаза.— Кого ты там увидел, если понесся по рынку похлеще стада ополоумевших доралиссцев?

— Так... обознался. Куда делись Делер с Халласом?

— Карлик потащил гнома к цирюльнику, — ответил мне Кли-кли, а затем вновь задал вопрос: — И что это за старый знакомый такой, если он заслужил от тебя сталь под ребра?

— Бледный, — односложно ответил я.

— О! — понимающе сказал шут и замолк. Он слышал от меня об этом субъекте много ласковых и добрых слов — Он тебя видел?

— Ты знаешь, дружище, меня самого волнует тот же вопрос. Надеюсь, что нет, иначе неприятности ждут не только меня. Тот тип, на которого работает Ролио, будет рад прихлопнуть нас всех.

— Хозяин? — догадался гоблин.

— Да.

— Вы о чем? — Угорь ни о каком Хозяине ничего не слышал.

— Не забивай себе голову! — сказал я воину. — Просто считай, что можешь в любой момент получить чем-нибудь острым под лопатку. Как только Халлас вылечит зуб, мы отправимся назад, и пускай Алистан с Миралиссой ломают голову, что делать дальше. Я же говорил, что нам не следует заезжать в Ранненг!

— Остановка — необходимость. Ты это прекрасно знаешь.

— Ты сегодня разговорчив, Угорь-бугорь! Есть причина? — спросил Кли-кли.

— Скаль зубы с кем-нибудь другим, Кли-кли, — беззлобно обронил гарракец. — Пойдем. Делеру может понадобится помощь.

— Предупреждаю сразу, — поспешно сказал я, — гнома держать не нанимался!

Досадно, что и гоблин, и Дикий пропустили мое предупреждение мимо ушей. Интересно, почему в некоторых ситуациях некоторые личности страдают избирательной потерей слуха? Я огорченно вздохнул и поплелся за товарищами к лавке цирюльника.

Халлас с бордовым лицом выскочил из двери лавки нам навстречу и чуть не сшиб с ног шута. Гоблин едва успел отскочить в сторону. Вслед за Халласом вылетел Делер. Цветом лицо гнома могло поспорничать со свеклой.

— Что случилось? — спросил я.

— Этот! — на весь рынок заорал гном и ткнул пальцем в сторону двери в лавку. — Этот!

— Заткнись! — зашипел Делер и надвинул шляпу себе на глаза.

— Этот!!

— Я говорю, заткнись! Потопали отсюда!

— Да что случилось-то? — переспросил я.

— Этот переспавший с ослом кретин хочет денег! — не выдержал гном.

— Э-э-э... — Угорь тоже ничего не понимал. — Но ведь цирюльнику обычно платят деньги?

— Но не три же золотые монеты! Ты где-нибудь слышал, чтобы за гнилой зуб брали три золотые монеты?

— Не слышал.

Я тоже не слышал. Три золотых — это большие деньги. За них можно выдрать все зубы у половины армии Валиоэстра.

— Пошли, Халлас! — не отставал Делер.

— Эй, ты! Барыга проклятый! Иди сюда! Я тебе за медяк зубы выбью! А шею вообще бесплатно сверну!

— Халлас, закрой рот и пошли отсюда! — не выдержав, заорал карлик.

— Угорь, заткни их обоих, пока стража не подошла! — шепнул я гарракцу, видя, как вокруг нас начинают собираться зеваки.

На свою беду, из лавки выглянул цирюльник.

— Но позвольте, — пролепетал он. — Я удаляю зубы с помощью заклинаний, купленных в магической лавке! Это совершенно безболезненная процедура, поэтому у меня такая цена!

— Держите меня, — попросил нас Халлас и ринулся на лекаря с кулаками.

Тот тоненько взвизгнул и захлопнул перед разъяренным гномом дверь. Делер повис на плечах у товарища, а Угорь преградил прущему, точно носорог, бородатому дорогу. Я сделал вид, что вообще пришел не с ними, а просто стою и дышу свежим воздухом.

Кто-то сознательный уже вызвал стражу, и десяток воинов пробирались через толпу в нашу сторону. Быстро обернулись! Стража Ранненга работала намного добросовестнее стражи Авендума. Видно, частые стычки Кабанов, Соловьев и Обуров держали служителей гибкого и продажного закона в постоянной боевой готовности.

Смыться мы не успели.

— Проблемы? — спросил у меня десятник стражников.

— Проблемы? Ну что вы! Никаких проблем! — поспешно ответил я, мечтая лишь о том, чтобы Делер любым возможным способом заткнул гному рот.

— Не надо сказок! — сурово сказал воин. — Чего тогда этот недомерок так разорался?

— У него неудачный день.

— И поэтому он мечтает пристукнуть уважаемого цирюльника? — хмыкнул другой стражник. — Злонамеренное нарушение порядка и подстрекательство к драке. Сами с нами пойдете или... как?

Неважно, из какого города стража, достаточно побывать в одном — и узнаешь об этой породе людей всю подноготную. И дораиссу понятно, чего ребята от нас хотят.

— Мы никуда не пойдём, любезные, — пришел мне на помощь Угорь, оставив Халласа на попечение Делера и Кли-кли.

Было в глазах гарракца что-то такое, что заставило стражников отступить на шаг назад. Волк против стаи дворняг, вот что подумалось мне, когда Угорь встал у них на дороге.

За ними было количественное преимущество, и что самое главное — алебарды супротив наших кинжалов. Надо сказать, это очень веский аргумент в драке. Но было видно, что они все еще сомневаются.

— Еще как пойдете, господин хороший,— процедил сквозь зубы самый храбрый десятник и поудобнее перехватил древко.— Мы не в вашем Гарраке, у нас закон соблюдается!

Губы Угря дрогнули в едва заметной улыбке.

— Если бы в моей стране закон соблюдался так же, как у вас, то преступников в Гарраке было бы больше, чем взяточников в караулке.

— Это ты на что намекаешь? — нехорошо сощурил глаза десятник.

Угорь еще раз едва заметно улыбнулся, задумчиво покачался на пятках, и обе его руки упали на рукояти парных гарракских даг.

Этот жест не укрылся от воинов, и они как по команде сделали еще один шаг назад. Халлас наконец-то заткнулся и теперь с удивлением глазел на окружавших нас зрителей и стражу, не веря, что это благодаря его скандальной натуре собралось столько народу.

— Господа, господа! — Неожиданно из толпы вышел человек и подошел к охранникам.— Это мои друзья, они не здешние и к законам славного Ранненга еще не успели привыкнуть!

Остроносый, голубоглазый, где-то моего возраста. У него была открытая, чуть плутоватая улыбка, русые волосы и одеяние зажиточного горожанина. Наверное, последнее и заставило стражу ответить ему, а не прогнать взащей.

— Они нарушают порядок и оскорбляют хранителей порядка.— Десятник неприязненно посмотрел на гарракца.

— Конечно, конечно,— участливо зашептал человек и, осторожно взяв стражника под локоток, отвел его в сторону.— Но вы понимаете, они из деревни, места там дикие, и мои друзья совсем не обучены хорошим манерам. В городе впервые. А вон тот, худой, племянник моей тетюшки и соответственно мой родственничек! — Человек ткнул в мою сторону пальцем.

— Что делает этот хмырь? — потрясенно спросил Халлас.

— Вытаскивает нас из задницы, в которую мы попали по твоей вине,— доступно объяснил гному Делер.

Халласу хватило ума не начинать очередной спор.

— Я должен был смотреть, чтобы у них не возникло неприятностей,— между тем продолжал объяснять воину мужчина.— Войдите

в мое положение, господин десятник! Ежели что, тетушка мне голову оторвет и домой непременно не пустит!

Из руки незнакомца в руку командира перекочевала серебряная монета.

— Ну...— протянул десятник.— Мы все же должны выполнить свой прямой долг и обязанности.

Еще одна монета поменяла владельца.

— Хотя...— Стражник стал немного оттаивать.— Хотя после небольшого внушения я вполне смогу отпустить ваших... мм... почтенных родственников.

Третий серебряный исчез в загребущих лапах.

— Да! — Десятник решительно кивнул.— Думаю, у стражи Раненга найдутся более важные дела, чем наказание безвинных прохожих, которые еще просто не обвыклись в городе. Всего хорошего, почтенный!

— Всего хорошего.

— Пошли, ребята,— сказал воин своим подчиненным, и стража, потеряв к нам всякий интерес, исчезла в толпе.

Зеваки, поняв, что балаган окончен, занялись другими делами. Рынок вновь забурился, и на нас перестали обращать внимание.

Человек подошел к нам, улыбнулся и, посмотрев мне в глаза, сказал:

— Привет, Гаррет!

Мне не оставалось ничего другого, как ответить:

— Привет, Басс.

— ...Привет, Гаррет.

— Привет, Басс,— лениво ответил я, приоткрыв один глаз.

— Ты все дрыхнешь? — спросил приятель.

— Угу.

— Есть охота.— Басс скривился и похлопал себя по животу.

— А я при чем?

— Ну ты же мой друг!

— Ясен пень, что друг. Но пора научиться добывать себе жратву не только игрой в кости и карты с мелочью пузатой!

— Эй! — разочарованно вздохнул Басс и присел на краешек соломенного матраса.— Если тебе уже двенадцать, а мне всего одиннадцать, это не значит, что ты умнее!

— Если это не так, чего же ты тогда ко мне пристаешь с нытьем про еду? — хмыкнул я.

— Дело есть.

— Ну? — Я перестал изучать потолок и сел.

— Тут в кости у Сопливого Кра играл один человек...

— Ты-то как туда попал? — удивленно спросил я.

В игровое заведение нас не спешили пускать. Кра от детишек-карманников никакой выгоды не было. Такие, как мы, только под ногами крутятся да приличных клиентов чистят.

— А вот попал! — хитро сощурил голубые глаза Басс.

Басса недаром называют Проньрой. Он мог пролезть куда угодно — другое дело, что за эти вылазки моему приятелю довольно часто перепадало на орехи.

— Так что насчет этого человека?

— А! В общем, он играл с Кра в кости и выиграл три золотые монеты!

Я завистливо присвистнул. Лишь однажды я смог выудить из кармана прохожего золотой, так мы на него с Бассом целых два месяца жили припеваючи! А тут сразу три!

— Ты думаешь, что сможешь их у него позаимствовать? — осторожно спросил я у Басса.

— Я вряд ли, а вот ты сможешь, — болезненно поморщившись, признался друг.

— Угу, — хмуро сказал я. — А если что, за руки поймают меня, а не тебя.

— Да не волнуйся! — беспечно отмахнулся Басс. — Этот тип похож на простофилю. Если что, я помогу. Мы же команда!

Здесь он прав. За два года нашего знакомства и жизни в трущобах Пригорода мы многое пережили вместе. И за этот срок у нас были как плохие, так и хорошие дни.

По сравнению со мной Басс не очень хорошо копался в карманах прохожих. У него вообще не было таланта чистить кошельки, и этот груз полностью лег на мои плечи. Зато Проньра владел другими талантами: он мог заговорить зубы самому Неназываемому, облапошить и надуть ближнего своего, смухлевать в кости или карты или навести меня на человечка с оттянутым от монет карманом.

— Тебе хорошо говорить, — не согласился я.

— А вот тебе не надо быть таким угрюмым. Я хоть раз не того человека показал?

— Ладно, — вздохнул я. — Где твой золотой дядя?

— Сидит в «Грязной рыбе» и наполняется под завязку вином.

— Пойдем, покажешь, — неохотно произнес я.

У нас еще оставалась одна серебряная и пять медных монет, и рисковать шеей не было смысла, если бы не три золотых. За эти деньги стоило слезть с матраса и вылезти на холод.

Мы выскользнули из старой покосившейся лачуги, служившей домом для двадцати с лишним душ. Здесь жили такие же, как мы, бездомные бродяги.

• Вьюга теней •

Глава 1

ЗОЛОТОЙ ЛЕС

— А чего ты ожидал, Гаррет? Фанфар?! — не переставал возмущаться Кли-кли, и его писклявые вопли разносились по всей округе.

Маленький зеленый гоблин довольно болезненно реагировал, когда я начинал критиковать леса Заграбы. Стоило мне раскрыть рот и выразить недовольство даже самым дохленьким цветочком, как королевский шут тут же бросался в яростную словесную перепалку, защищая свою родину.

— Да нет, просто я думал, что Заграба немного другая, — миролюбно ответил я ему, уже жалея, что затеял этот разговор.

— А какой она, по-твоему, должна быть? — тут же спросил меня Кли-кли.

— Ну не знаю... — задумчиво протянул я, лишь бы только избавиться от надоедливого гоблина.

— Раз не знаешь, чего же ты тогда мне голову морочишь? — Голубоглазый шут в раздражении пнул кочку, так некстати подвернувшуюся ему под ногу. — То ему не так! Это ему не так! Кому ты только такой достанешься?! Что ты хотел лицезреть здесь своим прекрасным и наивным взором? Величественные деревья в девяносто ярдов высотой? Или ручьи с кровью и обуров под каждым кустом? Прости, этого здесь нет. Заграба — лес, а не собрание детских сказок!

— Я это уже понял, — примиряюще кивнул я.

— Понял он, ха! — Кли-кли жаждал крови.

— Кли-кли, веди себя потише, — не оборачиваясь, попросил идущий впереди гоблина Угорь.

Ворчливая мелочь обиженно посмотрел на высокого смуглого жителя Гаррака, надулся, замолчал, и в следующие два часа из него невозможно было вытянуть ни словечка.

Мы шли по Заграбе уже пятый день. Да, да, понимаю, как это должно выглядеть в ваших глазах: девять ненормальных, среди которых два темных эльфа, один гоблин, один широкоплечий карлик, один сварливый бородатый гном, один хмурый рыцарь, двое воинов

и парень явно воровской наружности, шествуют меж елок и вопят во всю глотку.

Почему вопят? Потому что психи.

Почему психи? Потому что ни один нормальный ни за какие деньги не сунется в Страну лесов, тем более на территорию орков, славящихся на всю Сиалу «горячим гостеприимством» к чужакам.

На самом деле мы не такие уж ненормальные (по крайней мере за себя я отвечаю). Просто сунуться в Заграбу нас заставила очень большая необходимость, имя которой — Рог Радуги.

Вы спросите, какой тьмы нам понадобилась какая-то проклятая дудка? Что ж, охотно отвечу: будь моя воля, я ни за какие деньги не полез бы за Рогом в могильники Храд Спайна. Но я человек подневольный, на мне висит Заказ, и к середине зимы я должен притащить Рог Ордену магов в славный город Авендум, иначе всему королевству настанет большой и полный привет.

Рог Радуги, по глупости запрятанный магами прошлого в самую глубину Костяных дворцов, сдерживает парня по имени Неназываемый, что уже лет пятьсот точит зуб на наше королевство. Теперь сила Рога слабеет, и уже к марту можно ожидать колдуна вместе с силищей всех Безлюдных земель к нам в гости. Естественно, Неназываемого с распростертыми объятиями здесь никто не ждет, и поэтому Ордену магов позарез нужен Рог, дабы прогнать врага обратно в ледяную пустыню.

Это так, краткая справка для тех, кто ломает голову, что мы делаем в Заграбе. Достаем Рог, спасаем мир и занимаемся другой бесполезной и совершенно дурацкой ерундой.

Глупо? Что ж, склонен с вами согласиться. Я и сам каждое утро просыпаюсь с этой мыслью, но меня отчего-то никто не желает слушать. Ни Миралисса, ни тем более Алистан Маркауз.

Но тут я сам виноват — связался с Заказом, который невозможно расторгнуть. Теперь приходится пыхтеть, бегать, кричать и постоянно вылезать из кучи... неприятностей.

Впрочем, есть и хорошие стороны Заказа — после выполнения работы я получу пятьдесят тысяч золотом и королевское помилование... Вот только я что-то не слышал, чтобы покойники нуждались в деньгах и помиловании. Обычно мертвецам требуется глубокая могила и надгробный камень.

К чему я все это говорю? А к тому, что все, что происходило с нашим отрядом во время пути от Авендума до Заграбы, — ласковые весенние цветочки. А вот в Заграбе и тем более в Храде Спайне начнутся горькие ягоды. Я не питаю иллюзий (разве что чуть-чуть) по поводу успеха нашей миссии.

— Гаррет, ты опять занимаешься ерундой? — Голосок Кли-кли отвлек меня от мрачных раздумий.

— Заниматься ерундой — твоя работа. Я вор, а не королевский дурак,—мрачно ответил я маленькому пакостнику.

— Не повезло,—ухмыльнулся тот.— Был бы шутком, не подставился и не получил бы от короля теперешний Заказ. Сидел бы дома, попивал пиво...

У меня возникло стойкое желание отвесить зеленому негодяю пинка, но он, как видно, читал мои мысли и живенько юркнул за Угря. Пришлось отложить расправу на потом.

В тот самый момент, когда мы вступили в Заграбу, Миралисса задала отряду бешеный темп, и к концу первого дня я едва не помер. На ночлег мы остановились на какой-то лесной полянке, и я начал подумывать, что на следующее утро уж точно не встану. Если всем остальным так нравится идти через лес — это их полное право, а я лучше полежу на травке и отдохну. Или пусть, коли охота, тащат меня на закорках, потому как, клянусь Саготом, сил для лесных прогулок у меня не осталось.

Утро следующего дня действительно выдалось тяжелым. Пришлось пересилить себя и, сжав зубы, топтать, топтать и топтать. Но к обеду я как-то втянулся в этот размеренный, но быстрый темп и еще через день почти перестал замечать усталость. У меня даже возникло подозрение, что эльфийка подмешивает в котелок что-то из своих магических запасов, чтобы мы легче переносили дневные переходы.

С тех пор как мы вошли в Заграбу, костер разжигал Эграсса. Удивительно, но огонь, разведенный кузеном Миралиссы, почти не давал дыма. В первую ночь я немного нервничал — пламя могло привлечь к нам ненужное внимание,— но вечно осторожный эльф не очень-то беспокоился, а раз так, то и мне не стоило волноваться.

За те пять дней, что мы путешествовали по лесу, при всем моем скептическом отношении к Заграбе я повидал множество чудес. Мы шли звериными тропами, которые то появлялись, то вновь терялись в зарослях папоротника и колючей ежевики. Мы проходили через густые рощи черного заграбского дуба, сосновые боры, лесные полянки и лужайки, залитые солнечным светом и заросшие лесными цветами. Перепрыгивали через журчащие ручьи с хрустальной водой. Лес тянулся и тянулся: лиги роц, густых непролазных буреломов, которые приходилось обходить, теряя драгоценное время, десятки полян и болотистых низин в тех местах, где разливались запруженные неизвестными существами ручьи.

И ни следа орков.

Лишь белки встречали нас гневными криками «чак-чак!» и по долгу провожали отряд, перепрыгивая с ветки на ветку и с дерева на дерево. Позавчера, часа три пролазив по поваленному весенней бурей лесу, мы вышли на прекрасную лесную поляну, заросшую цветами, от ярких красок которых рябило в глазах. Но стоило идущему впереди всех Эграссе сделать шаг, как поляна взорвалась яркой радугой, и цветы взмыли в небо, превратившись в тысячу бабочек всех цветов и размеров. Кли-кли в силу своего природного любопытства попытался поймать хотя бы одну, но по самую макушку угодил в чью-то нору. Пока мы его оттуда доставали, потеряли массу времени. Гоблину влетело и от Миралиссы, и от графа Маркауза. Теперь Кли-кли старался не показываться им на глаза и шествовал в компании вашего скромного слуги.

Возле дубовой рощи, где звенел веселый ручей, гоняя кораблики из упавших листьев, мы встретились с кабаном. Это был матерый секач, на его спине вполне могло усидеть сразу два человека. Попади такая тварь на праздничный стол, и ее бы еле-еле съели две роты вусмерть голодных воинов.

Делер, как самый умный и проворный, мигом оказался на дереве. И это несмотря на то, что возле земли у бука не было ветвей, по которым следовало взбираться всякому уважающему себя карлику. Секач посмотрел на нас черными злобными глазками, яростно хрюкнул и двинулся вперед.

Но Миралиссе было достаточно сверкнуть желтыми глазами и выставить перед собой руку, чтобы кабан встал как вкопанный, а затем, виновато похрюкивая, удалился.

Делер с высоты своего убежища глянул на эльфийку с нескрываемым уважением и спустился вниз. Халлас не преминул отметить, что все карлики трусы. Тот в свою очередь сказал, что гномы просто слишком неловкие и не умеют лазить по деревьям, поэтому им и завидно. Крепкий карлик и худенький гном едва не затеяли очередной спор, и пришлось вмешиваться Угрю и Фонарщику, чтобы оттащить вечных спорщиков друг от друга.

По лесу мы передвигались гуськом, следуя за Эграссой. Нашу маленькую колонну замыкал Алистан Маркауз. Рука графа не покидала рукоятки любимого меча, но дубовый треугольный щит был брошен за спину.

Такое передвижение, как сказал эльф, уже три раза спасало нам жизнь. Халлас с истинным гномьим упрямством возмутился, что все это ерунда и ему не очень приятно наблюдать у себя под носом задницу карлика. Эграсса на это лишь усмехнулся:

— Как только мне представится такая возможность, я с удовольствием продемонстрирую почтенному мастеру гному сюрпризы Заграбы.

Халлас встопорщил бороду, хмыкнул и в тон эльфу ответил, что с превеликим удовольствием посмотрит на эти самые дурацкие сюрпризы.

Случай представился совсем скоро. Эграсса ткнул подобранной с земли палкой перед собой, и земля обрушилась, представляя нашему взгляду глубокую волчью яму, дно которой было усажено колючими, словно спина какого-нибудь ежа.

— Вот и подумай, гном, что бы было, если бы ты шел не за мной,— весело сказал эльф, сверкнув для убедительности клыками.

Халлас озадаченно крикнул, стянул с башки шлем, почесал в затылке, но на попятный пошел, только когда эльф обезвредил при нем еще две ловушки — скрытый в кустах самострел и огромное бревно, висящее высоко в листве дуба прямо над тропинкой. Рухни такая штука на тропу, и кто-то бы оказался раздавленным.

— А кто поставил эти ловушки? — полюбопытствовал Фонарщик, перекладывая страшный двуручный меч с левого плеча на правое.

— Кто знает.— Эльф хитро улыбнулся и посмотрел на низкорослого человека.— Троп слишком много, чтобы проследить за всеми.

— Но ты-то ведь знаешь, где какая западня находится! — Мумр решил во что бы то ни стало добиться ответа на свой вопрос.

— Немного магии — вот и вся хитрость.— Смуглый эльф поправил с'каш за спиной.

Понятное дело — темный не собирается делиться секретами своего народа с чужаками.

Однажды, после того как Кли-кли по грудь провалился в болото (ему приспичило отойти в кустики), на тропу перед нами вышел лось. Это был король лосей, размах его рогов оказался больше трех ярдов. Зверь втянул носом воздух, безучастно поглядел на нас огромными бархатными глазами и, деловито переставляя длинные мощные ноги, скрылся в ельнике. Кажется, в Заграбе просто нет маленьких животных. Халлас огорченно крикнул и пожалел, что не догадался прибить зверюгу.

— Вот мяса бы наелись!

На что Делер весело расхохотался и сказал, что весь разум гномов ушел в их бороды, иначе они бы догадались, что не стоит связываться со здоровенными чудовищами.

Целый день в ветвях деревьев чирикали, стрекотали и пели птицы. Дубы шептали нам перед сном колыбельную леса, а совы умиротворяюще ухали в ночной тишине. На четвертый день нашего пу-

тешествия Миралисса сказала, что надо прибавить ходу и теперь отряд будет идти еще и ночью. Кто-то тихонько застонал (вроде это был я), но, естественно, никто не обратил на это должного внимания.

На небе появилась полная луна, света в лесу оказалось предостаточно, да и эльфы, похоже, видели в темноте не хуже кошек. Теперь мы шли большую часть ночи и ложились спать в предрассветные часы, чтобы после полудня вновь начать продвижение к Храд Спайну.

Ночью я и узнал, что такое волшебство Заграбы. В это время суток лес преобразался, превращаясь в дикий, чужой, таинственный, но на свой лад прекрасный мир.

Темные ветви-руки дубов и кленов, загадочный шепот в кронах — то ли это шепчет листва, разбуженная ветром, то ли общаются между собой неведомые существа. Шепотки, попискивания, легкие смешки раздавались с деревьев, из кустов и высокой травы. Иногда за нами следили яркие искорки крохотных глаз. Зеленые, желтые, красные. Ночные жители леса наблюдали, переговаривались, но не спешили вылезать из своих норок нам навстречу.

— Кто это? — шепотом спросил я у Кли-кли.

— Ты об этих говорунах? Мой народ называет их лесными духами. У каждого дерева, куста, лесной поляны или ручья свой лесной дух. Не обращай на них внимания, они совершенно безобидны.

— Это так, мелочь.— Делер попробовал пальцем одно из лезвий своей секиры.— Видел бы ты, какие лесные духи в Дремлющем лесу! Вот от тех неизвестно чего ждать, а эти сидят тихонько, никого не трогают...

— Только зырят,— закончил за Делера Халлас.

— Во-во,— в кои-то веки согласился с гномом карлик.

Но духи — это еще не все, что было в ночной Заграбе. Однажды мы увидели, как в лесу горел воздух. Тысячи светлячков порхали меж деревьев, вспыхивая изумрудным, бирюзовым и алым. Кли-кли поймал с десяток этих безобидных созданий и посадил себе на плечи. Несколько минут гоблин светился, как какой-нибудь святоша из рассказов жрецов, затем светлячкам наскучило кататься на королевском шуте, и они упорхнули в яркий живой калейдоскоп своих братьев.

Ночь была временем сов, бесшумно плывущих в лунном свете над лесными полянами. Птицы искали еду, вслушиваясь в звуки, раздающиеся из травы.

Ночь была временем волков — мы несколько раз слышали их отдаленный вой. Ночь была временем существ, названия которых я не знал. Крики ночных птиц, больше похожие на хохот сумасшедшего,

рев, уханье, чириканье, рычание. В ночи жили самые разнообразные существа, и не всегда они были добры к незванным гостям.

Четырежды Эграсса и Миралисса уводили нас с тропинки, и мы, затаившись, пережидали опасность. Что нам угрожало и от чего мы прятались в придорожных кустах, эльфы объяснять не удосуживались. Но в такие моменты даже непоседливый гоблин и скандальный гном затихали и выполняли все эльфийские приказы.

Ночью Заграба становилась разноцветной. Яркой и сочной. Свежей изумрудной, нежной бирюзовой, льдисто-голубой, сладкой огненной, ядовитой салатовой. Всполохи холодного огня наполняли лес чарующей жизнью и сказкой. Радужными красками переливались светлячки, мерцала голубым гигантская сеть-паутина, пурпурным отливало тельце ее хозяина-паука (размерами паучище был с добрую тыкву), зеленым полыхали трухлявые пни, сине-оранжевым пульсировали прожилки на изумрудных шляпках гигантских грибов, под которыми вполне мог переждать дождь взрослый человек. Розовый огонь, отражаясь в воде, блуждал в ветвях приозерных ив.

Холодное пламя бродячих огоньков, голубые искорки в кронах деревьев, мерцание глаз ночных духов, запах леса, трав, влажной земли, подгнившей листвы, еловых иголок, сосновой смолы, дубовых листьев, меда и свежести ручья. Что бы я там ни говорил Кли-кли днем, дикая и ни с чем не сравнимая ночная красота лесов Заграбы меня потрясла. Но чаще всего ночами Заграба была почти черной, и в такое время нам приходилось идти в бледно-серебряном свете луны.

К вечеру пятого дня по узкой тропке, петляющей меж заросших мхом лиственниц, мы вышли к Золотому лесу.

— Слава богам! — Фонарщик с облегчением бросил свой мешок на землю. — Кажись, добрались!

— Ты прав, — подтвердила Миралисса. — Отсюда до Храд Спайна полтора дневных перехода.

От ее слов у меня ни с того ни с сего неприятно кольнуло в животе. Вот оно! Почти дошли! То, что два часа назад казалось мне таким далеким и недостижимым, теперь лежит от нас всего лишь в двух днях пути.

— Лес как лес. — Халлас презрительно покосился на деревья с золотистыми листьями. — Вечно Первые строят из себя избранных! Можно подумать, что и дерьмо у них из золота!

— Надеюсь, тебе не представится возможность спросить их об этом, Халлас, — нехорошо усмехнулся Угорь. — Орки не склонны отвечать на такие вопросы.

— Идемте, надо продолжать путь.— Милорд Алистан снял сапог, вытряхнул из него попавший туда камешек и снова натянул обувку на ногу.

Золотым лес назвали оттого, что кроме других деревьев, самых обычных, здесь росли златолисты. Это были величественные гиганты с темно-оранжевыми стволами и широкими листьями, будто бы отлитыми из червонного золота. Златолисты росли только здесь, в Золотом лесу, и древесина их очень ценилась во всех Северных землях, не говоря уже о таких странах, как обе Империи и Султанат. Если орки ловили дровосека, срубившего златолист, то сначала отрубали ему руки его же топором, а затем делали и уж вовсе ужасные вещи.

— Ты бы видел, Гаррет, как красив Золотой лес осенью!—разглагольствовал Кли-кли.

— Ты здесь бывал раньше? — спросил у шута Делер.

Кли-кли с театральным презрением посмотрел на карлика:

— К сведению некоторых, Золотой лес — это моя родина. Он тянется аж до самых Гор карликов — это вся восточная Заграба, так что нечего удивляться, что я знаю, как он выглядит осенью.

— Сейчас, кстати, уже осень,— поддел я гоблина.

— Начало сентября.— Шут презрительно фыркнул.— Вот погоди, начнется октябрь...

— К началу октября мне хотелось бы оказаться как можно дальше от Заграбы.

— Темнота-а-а!—обиделся Кли-кли.

— А далеко отсюда до твоего дома? — поинтересовался Фонарщик, машинально поглаживая свежий шрам на лбу (память, оставленная орочьим ятаганом).

— В гости собрался? — Кли-кли весело хихикнул.— Тогда тебе предстоит идти еще недельки три, пока не доберешься до центра территорий орков. Оттуда еще две недели до самой глухой чащобы, а дальше уж как судьба направит, может, и сможешь отыскать гоблинов, конечно, если они захотят, чтобы их нашли. Орки приучили нас к осторожности, да и вы, люди, в прошлом любили на нас поохотиться со славными собачками.

Тут Кли-кли прав — гоблинам сильно досталось в былые времена от людей, решивших, что маленькие зеленые создания — ужасные чудовища. Пока разобрались что к чему, от некогда большого народца осталось всего лишь несколько племен.

— А все же интересна история этого леса. Правда, что именно здесь впервые появились и эльфы, и орки?

— Правда,— хихикнул Кли-кли.— И тут же вцепились друг другу в глотку. У эльфов вроде даже песенка есть об этом. «Сказка о золоте» называется.

— «Легенда о мягком золоте», Кли-кли, ты все перепутал,— поправил гоблина Эграсса, слышавший наш разговор.

— А-а, какая разница! — беспечно отмахнулся Кли-кли.— Сказка, легенда... Все равно мира в Заграбе не будет, пока жив хотя бы один орк.

— Эграсса,— попросил эльфа Мумр.— Не расскажешь нам эту легенду?

— Ее надо не рассказывать, а петь. Спою. На привале.

— Запрещенные песни решил петь, кузен,— хмыкнула Миралисса, срывая с ближайшего дерева золотисто-красный лист и разминая его пальцами.

— А почему она запрещенная? — тут же пристал к Миралиссе Кли-кли.

— Не то чтобы запрещенная, просто петь ее в приличном эльфийском обществе считается верхом неуважения к окружающим. А так поют — в основном бунтующая молодежь, правда, по углам, чтобы не позорить честь предков.

— Что же там такого плохого? — вопросительно приподнял бровь Угорь.

— Эльфы там выставлены не в самом лучшем свете, Угорь,— ни с того ни с сего отозвался ранее молчавший милорд Алистан Маркауз,— а орки представлены благородными белыми овечками. Спорю на половину своих земель, что эту сказку придумали люди.

— Милорд ошибается, песню сочинил эльф. Очень давно. Вы ее слышали? — удивился Эграсса.

— Да, еще в молодости. Ее спел один из ваших светлых собратьев.

— Эти могут.— Темный эльф поправил серебристый обруч на голове.— Наши сородичи отказались от магии предков, так что не стоит удивляться тому, что они поют такое чужакам.

— Но и ты обещал нам спеть! — поддел Эграссу Кли-кли.

— Я — другое дело! — гордо отрезал эльф.

Что бы ни говорили темные другим, но отношения между ними и светлыми родичами были не такими уж и безоблачными.

Мы шли еще часа три, прежде чем эльф скомандовал привал. Отряд остановился на поляне, заросшей мелкими лесными ромашками. Из-за белизны цветов казалось, что выпал снег. Осень была не властна над Страной Лесов. По крайней мере пока. Оттого здесь можно было встретить и бабочек, и летние цветы.

На краю полянки меж корней кряжистого граба журчал ручеек, так что в воде у нас недостатка не было.

— Сегодняшней ночью останемся здесь,— решительно сказала Миралисса.

Алистан кивнул. С тех пор как мы вошли в лес, он полностью снял с себя командование и во всем подчинялся Миралиссе и Эграссе. В чем милорду Крысе не откажешь, так это в мозгах. Граф прекрасно понимал, что эльфы о лесе знают намного больше, чем он, и стоит прислушаться к их словам и предложениям. То бишь выпустить, когда это надо, бразды правления из своих рук.

— Эграсса, ты обещал нам песенку,— напомнил эльфу после ужина Кли-кли.

— Давайте лучше спать,— зевнул Халлас.— Ночь на дворе.

Гном любил лишь песни своего народа. Нечто вроде «Молота по топору» или «Песни безумных рудокопов». Все остальное ему было абсолютно неинтересно.

— Ничего подобного! — отчаянно запротестовал гоблин.

— Халлас, тебе еще на часах сегодняшней ночью стоять,— напомнил гному Угорь.— Так что не укладывайся, все равно выспаться не удастся.

— А вот и нет! Первая стража твоя и Фонарщика, а мы с Делером заступаем только во вторую половину ночи, так что успею.

Халлас завалился на бок и тут же, не обращая внимания на других, захрапел.

— Так мы услышим песню? — полюбопытствовал Мумр, которому Миралисса только что закончила снимать швы со лба.

Благодаря шаманству эльфийки вместо грубого и уродливого шрама, напоминающего о страшной ране, через лоб Фонарщика проходил едва видимый розоватый рубчик.

— Услышите, я же обещал,— ответил Эграсса.— Просто для нее требуется музыка.

— Дык какие проблемы-то? У меня ведь дудка имеется! — Фонарщик полез в мешок за дудочкой.

— Боюсь, нужна музыка понежнее,— отказался от предложения Мумра эльф.— Да и шума от дудки много. Я сейчас.

Эграсса легко встал с травы, подошел к своему мешку и выудил из него дощечку размером не больше ладони. На дощечке были натянуты тонкие, едва видимые в темноте серебристые струны.

— Что это? — с интересом спросил Делер.

— Г'дал,— ответила на вопрос карлика Миралисса.— Эграсса любит поиграть на нем на досуге.

Эграсса любит поиграть? Вот уж чего не знал, того не знал! По крайней мере не замечал за эльфам такого во время нашего путешествия.

Грубые пальцы темного неожиданно ловко пробежали по тоненьким струнам, и странный инструмент издал тихий певучий звук. Эграсса продолжал волновать струны, и уснувшую поляну наполнила мелодия.

— Учтите, что на самом деле петь легенду надо на орочьем. На человеческом она будет не такой прекрасной,— предупредил нас Эграсса и запел:

Златые стрелы у эльфов в чести,
Оркам бронза милей,
Лес Золотой и Черный лес,
Холодная песнь ветвей.

Эльфы пришли во главе с Королем,
Орков привел Аргад,
И друг против друга, глаза — в глаза,
Рука с Королем стоят.

«Это наш лес,— сказал Король,—
Идите назад, друзья,
Шкура орка не станет целей,
Если в шкуре стрела!»
«Слова не заменят тебе бойцов,—
Ответил ему Рука,—
Моих две тыщи, а твой — двухсот
Не наберет отряд!

Закалка клинков решает судьбу,
Бронза пусть правит бал!
Возьмем мы добычу, наш лес отберем,
Золото — мягкий металл!»

Элдониэсса, эльфийский Король,
Долго и странно молчал,
Потом улыбнулся Король врагу
И показал колчан.

«А где же стрелы,— спросил Аргад,—
Ужель ты сдаешься нам?»
Король рассмеялся: «Мечтай, Рука!
Горе твоим мечтам!

Ты слышишь, Аргад, трубят рога?
Пыль взбивает сапог,

То люди идут, доспехи надев,
Ваш наступает срок!

Вы любите бронзу? Она прочна —
Ты правду, Рука, сказал...
Но золото лучше. Я золото стрел
На силу людей поменял».

Стояли орки, подняв щиты,
Плотнее сомкнули строй,
Молчал Рука, потемнев лицом,
Да усмехался Король.

«Ты глупый эльф.— Аргада слова
Ударом меча разят.—
Ты, верно, решил, что, расправившись

с нами,

Люди тебя пощадят?!»

...Ревела ярость, гремел металл,
Клинок находил клинок...
Аргад, получивший двенадцать ран,
Упал. И подняться не смог.

Над ним склонился эльфийский Король:

«Рука, ты чего замолчал?»

«Спасибо, Король, хорошо лежать,
Золото — мягкий металл.

Скажу немного, а смерть добавит
Цену моим словам.

Пускай ты слаб, а враг силен —
Свой дом защищай лучше сам!» —

Закончив речь, глаза распахнул...

И замер — забыв дышать.

«Прощай, Рука орков,— сказал Король,—
Но как же тебя понимать?»

«Тяжелая битва,— сказал человек,—
Я много своих потерял,
Орки упорны, а бронзу рубит,
Увы, не всякий металл».

«Мы благодарны,— ответил Король,—
Мы не забудем услуг...»

«Для вас мы слуги? — спросил человек,—
Ответь мне, эльфийский друг!

Наемник хорош, коль надо искать
Добычу и где-то там...

Когда он рядом, собаке и то
Большой почет воздан!»
«Вам заплатили!» — «И мы дрались!»
«Так что же хотите вы?
Еще одной платы? Ну что ж, вот вам!
Мы не настолько скупы!»
Тогда улыбнулся солдат-человек,
С усмешкой он эльфу сказал:
«Не надо платы. Мы все возьмем.
Золото — мягкий металл»¹.

Эграсса умел петь, песня лилась тихо и красиво. Слова бежали, когда кипела далекая битва, струны плакали, когда умирал Рука орков, оставляя родичу-эльфу и кровному врагу последний совет.

Г'дал эльфа издал последний жалобный аккорд, и над поляной повисла гнетущая тишина.

— Красивая легенда, — наконец вздохнул Делер.

— Неудивительно, что эльфы не очень-то любят эту песню. Милорд Алистан прав: ваша раса выставлена не в самом лучшем свете, — изрек Мумр.

— Зато орки слишком уж благородны, — с презрительной миной ответила Миралисса.

— «Не в самом лучшем свете...», «слишком благородны...», — протянул Кли-кли. — Это всего лишь глупая песня, на самом деле ничего подобного не было!

— С чего это ты решил, что этого не было? — Делер растянулся на своем походном одеяле и широко зевнул.

— С того, что это всего лишь легенда. Сказка, в которой нет ни капли правды. Когда в Золотом лесу появились эльфы, никаких разговоров не было. Орки сразу полезли в драку. И уж точно никто друг другу не говорил «друзья».

— Но Элдониэсса был. Он первый и последний Единый Король нашего народа. — Миралисса немножечко остудила воинственный пыл Кли-кли. — Его дети создали Дома эльфов.

— А Аргад жил на восемьсот лет позже и, помнится, едва не дошел до Листвы, вы еле-еле отбросили его армию на самом рубеже Черного леса, — хмыкнул гоблин. — А люди на Сиале появились через тысячу семьсот лет после описываемых событий, так что Элдониэсса, Аргад и человек никак не могли встретиться друг с другом. И эльфы отнюдь не такие идиоты, чтобы делать наконечники для

¹ Стихи Вячеслава Доронина.

стрел из золота. А орки не дураки ковать ятаганы из бронзы. Это не больше чем легенда, треш Миралисса.

— Но признайся, Кли-кли, красивая,— сказал я.

— Красивая,— благосклонно кивнул маленький шут.— А еще очень поучительная.

— Поучительная? Чему же она учит, гоблин? — Алистан Маркауз поворошил палкой костер.

— Тому, что не стоит полагаться на людей и доверять им, иначе можно потерять свой дом навсегда,— ответил гоблин.

Никто не стал спорить и возражать. На этот раз королевский дурак был абсолютно прав: дай нам волю, и мы перебьем всех врагов, потом друзей, а затем и друг друга.

Ночью ко мне вновь пришли кошмары, и в какой-то момент, когда мешанина снов переполнила голову, я открыл глаза.

Уже наступило утро, но все еще спали, если не считать Фонарщика. Халлас и Делер дрыхли, переложив свои обязанности на плечи безотказного Мумра. Заметив, что я проснулся, воин молча кивнул. Я немного полежал, удивляясь тому, что Миралисса не торопится встать сама и будить других. Эльфийка решила дать отдых отряду перед последним рывком к Храд Спайну?

Вполне вероятно.

Откуда-то с края поляны доносилось тихое мурлыканье Кли-кли. Гоблин бродил возле самого леса и напевал незатейливую песенку. Выходит, не только мне одному не спится.

— Чего поешь? — спросил я, подойдя к нему.— Сейчас всех перебудить.

— Я тихонько. Землянички хочешь? — Кли-кли протянул мне шляпу Делера, доверху наполненную отборной земляникой.

— А Делер знает, что ты таким образом используешь его любимую шляпу? — скептически спросил я у гоблина, но предложенную землянику взял. От ягод шел изумительный запах, и я просто не смог устоять.

— Ты думаешь, наш карлик может расстроиться? — задумчиво пожевал губами Кли-кли, бросив быстрый взгляд в сторону спящего Делера.

— Какой ты проникательный, Кли-кли,— хмыкнул я и взял еще горсть земляники.

— Ты опять стонал во сне, Танцующий. Плохие сны?

— Наверное.— Я небрежно пожал плечами.— По счастью, последнее время я их почти не помню.

— Мне это не нравится,— поморщился гоблин.— Кто-то не хочет, чтобы ты их видел.

— И кто же этот кто-то?

— Хозяин, например. Или его служанка — Лафреса.

— Умеешь ты радовать друзей, — сказал я Кли-кли. — Пойдем, разожжем костер, пока все спят.

— Давай, иди. Я сейчас землянику доем и принесу делеровскую шляпу обратно.

— Мм... Кли-кли, ты разве не видишь, что внутри она окрашена соком? Ты же половину земляники подавил!

— М-дя? Об этом я как-то не подумал. — Гоблин задумчиво оглядел дело рук своих. — Просто давленная земляника, по-моему, капельку вкуснее, чем обычная. Может, мне шляпу в ручье постирать?

— Пожалуй, не надо, сделаешь только хуже, — порекомендовал я ему и пошел обратно.

Кли-кли как маленький, будто не знает, что Делер теперь будет орать целый день по поводу безнадежно изгаженной шляпы! Да еще шут про Хозяина с Лафресой так некстати вспомнил.

Хозяин тот еще злыдень, устраивает нам прелестную жизнь с самого начала путешествия, но кто он такой, мы так и не узнали. Сволочь это всесильная и злопамятная и силенками может помериться с кем-нибудь из богов. Но, как видно, просто прихлопнуть нас ладошкой парень не хочет, поэтому изгаляется, как может, а когда мы портим его очередной каверзный план, он нисколько не расстраивается, а в сжатые сроки придумывает новый, еще «краше» и опаснее. Хозяин, как и Неназываемый, не шибко хочет, чтобы мы добыли Рог Радуги из могильников. И если для Неназываемого это вопрос жизни и смерти, то для Хозяина (как я думаю) — очередной каприз.

Лафреса же является служанкой Хозяина, и хоть она и выглядит двадцатилетней, ей уже несколько сотен лет, по крайней мере, так было в одном моем сне (да, да, представьте себе, в последнее время я обладаю такой нехорошей особенностью, как видение пророческих снов). А еще Лафреса самая сильная на моей памяти шаманка (или шаманша?), намного сильнее Миралиссы. Служанка Хозяина владеет запретной магией — Кронк-а-Мором, с помощью которой она даже умудрилась убить двоих наших, когда мы оставили ее с носом и украли Ключ. И если честно...

— Смотри под ноги, дылда! — рывкнули басом откуда-то снизу.

Я со страху едва не научился летать. Во всяком случае, подпрыгнул знатно.

— Много всего я в жизни видел, но чтобы дылды так подскакивали — никогда! Эй! Куда смотришь, идиот? Вниз смотри! Вниз!

Вроде голос никакой опасности не представлял... Я послушно посмотрел вниз.

На земле сидело существо, больше всего похожее на странную помесь кузнечика, стрекозы и козла. Да-да. Ноги у этого маленького существа были как у кузнечика, голова и туловище козлиные, а прозрачные сетчатые крылья достались в наследство от крупной стрекозы. Все туловище раскрашено желто-черными полосами. Одним словом, возле моих ног сидел не кто иной, как самый настоящий сказочный стрекозел. Размерами существо было не больше ладони.

— Ну, долго ты еще будешь на меня глазеть? — раздался тот же самый голос.

Только тогда я заметил, что на шее стрекозла сидит человек размером с мой мизинец. Золотые кудряшки, плаксивые черты лица, бархатный лиловый костюмчик, маленький лук. На меня это существо смотрело с изрядной долей раздражения.

— Флини! — ахнул я.

— Какая пронизательность, выпей мою кровь лесные духи! Ты всегда такой умный или только по утрам? Быстро веди меня к эльфийке!

— Какой эльфийке? — опешил я от наглости мелюзги.

Стрекозел взмыл в воздух и завис передо мной, мельтеша крыльями. Флини на его шее неприязненно смотрел на меня:

— Все дылды такие тупые или ты один несчастный на мою голову выискался? Треш Миралисса из дома Черной луны. Знаешь такую?!

— Да...

— Так не спи и проводи меня к ней, идиот! — заорал малыш.

— Что за шум? — К нам незаметно подошел Кли-кли.— А, флини приперся!

— Я тебе покажу «приперся», зеленый! — возмутился тот.

— Зеленый, говоришь? — Кли-кли опасно прищурился.— А ну заткнись, мелочь золотоволосая, иначе худо будет!

— Да ладно, что ты взъелся? — сразу пошел на попятную флини.— Я же знакомлюсь!

— Вот и познакомились. Так зачем ты приперся? — Кли-кли специально выделил последнее слово, но флини сделал вид, что не услышал оскорбления, и пропел:

— Сообщение. Информация. Новости.

— Так иди и передавай, вон эльфы уже встали!

— Нужно, чтобы меня представили, сам знаешь обычаи.— Флини недовольно скривился, будто ему в рот напихали кислого крыжовника.

— Да уж знаю,— вздохнул Кли-кли.— Все вы стрекозлиным молоком мазаны! Идем, что ли?

Стрекозел загудел крыльями и полетел рядом с плечом гоблина. Я шествовал за ними в качестве почетного эскорта.

— Леди Миралисса, позвольте представить вам флини... как тебя там, мелкий?

— Аарроу г'наа Шпок из ветви Хрустальной Росы, дубина,— прошипел, растягивая губы в улыбке, флини.

— Аарроу г'наа Шпока из ветви Хрустальной Капли...

— Росы, бестолочь! — раздраженно зашипел флини.

— Да какая разница? — Кли-кли отмахнулся от гудящего над ухом стрекозла. Но все же исправился и сказал: — Из ветви Хрустальной Росы.

— Я рада приветствовать брата из маленького народа возле своего костра. Что привело тебя сюда, Аарроу г'наа Шпок из ветви Хрустальной Росы? — приветливо кивнула Миралисса.

— Сообщение. Информация. Новости,— ответил церемониальной фразой Аарроу и посадил стрекозла на землю.

— Ты специально искал меня или твои знания для любого темного?

— Специально. Глава дома Черной луны послал нескольких моих братьев, чтобы они искали вас, треш Миралисса, но посчастливилось только мне. А все оттого, что я могу думать!

— Везет достойным,— серьезно ответила маленькому хвостуну эльфийка.— Не желаешь отведать нашей пищи и выпить нашего вина?

— Охотно,— крикнул Аарроу и в предвкушении скорого пиршества потер маленькие ручки.

Эграсса уже позаботился о еде, и перед довольным флини появилась махонькая золотая тарелочка с кашей, приготовленной Халласом, и махонький кубок с душистым вином. Видать, эльф таскает эти миниатюрные вещицы специально для маленьких говорунов, путешествующих на стрекозлах.

Я тронул Кли-кли за локоть и отвел в сторону, чтобы, не дай Сагот, флини не услышал нашего разговора.

— Чего с этой мелюзгой так носятся? Не проще ли было вначале узнать, зачем он к нам пришел, а затем уже кормить?

— Ох, Гаррет,— огорченно цокнул языком гоблин.— Конечно, не проще! Это же флини! Им не надо прощать грубости, иначе эти летуны, сующие нос куда ни попадя, сядут тебе на шею, но и древние обычаи не стоит вот так просто нарушать. Было бы что-нибудь срочное или опасное, он бы нам обязательно сообщил, а раз дело терпит, то стоит придерживаться их дурацких правил. Сейчас слопают кашу и сам все расскажет. Ты лучше скажи спасибо, что его послали к нам с сообщением, иначе едой бы мы не отделались. Вольные флини

обычно берут за информацию чем-нибудь более существенным, чем набитый живот. Давай вернемся, я хочу послушать, что скажет этот пустобрех.

Флини почти закончил трапезу. Ел этот мелкий парень со скоростью оголодавшего великана. Стрекозел заглядывал в тарелку через плечо хозяина и тоненько, просяще мекал. Больше всего это меканье походило на писк несчастной тонущей мышки. Аарроо как-его-там в который раз раздраженно отпихнул морду стрекозла в сторону.

— У вас больше ничего не осталось в том здоро-о-овом котелке? А то Флолидаль не отстанет от вас, пока его не накормят,— ворчливо проговорил флини, отхлебывая вино из кубка.

Эграсса взял деревянную ложку, зачерпнул из котелка, и стрекозел, загудев крыльями, упал на ложку с едой, словно голодный коршун на курицу.

Тем временем проснулся Халлас. Гном зевнул, увидел завтракающего флини, захлопнул рот, да так, что клацнули зубы, и принялся отчаянно протирать глаза. После этой поспешной процедуры Халлас вновь посмотрел на Аарроо, но тот, как и следовало ожидать, никуда не делся и, хмуро покосившись на удивленного Халласа, продолжал жевать.

— Странно,— задумчиво изрек гном и толкнул спящего Делера локтем в бок. — Эй, шляпа! Вроде мы вчера ничего не пили. Какого ж хрена мне мерещатся маленькие человечки?

Делер проснулся, покосился на Аарроо и изрек:

— Это флини, дятел бородатый!

— Какой, к Неназываемому, флини, Делер?! Флини только в сказках живут и не поедают кашу моего собственного приготовления!

— Гномы еще хуже людей,— недовольно изрек Аарроо, по всей видимости обращаясь ко всем присутствующим на поляне.— Что до каши, милейший, то только из уважения к почтенной треш Миралиссе я не кидаю это варево вам в бороду. В жизни не пробовал такой премерзопакостной дряни!

Гном поперхнулся от такой наглости и не нашелся что ответить.

— Ну что же.— Отдуваясь, флини отодвинул от себя тарелку.— Все законы соблюдены.

Аарроо свистнул, подозвал к себе стрекозла, залез к нему на шею, сделал над нами круг и, зависнув в воздухе, нараспев произнес:

— Сообщение. Треш Эдданрасса, глава дома Черной луны, шлет своей дочери Миралиссе привет и скорбное сообщение. Треш Эдон-тасса погиб в стычке с кланом Кровавых топоров. Там же погиб треш Эпелласса. Теперь треш Миралисса становится третьей в оче-

реди за лиственной короной. Впереди только треш Меленасса и треш Эпилорсса. Треш Эдданрасса просит свою дочь как можно скорее вернуться домой, оставив все остальные дела. Сообщение завершено. Будете ли вы передавать ответ?

— Как это случилось? — резко спросила Миралисса.

— Сообщение завершено. Будете ли вы передавать ответ? — упрямо гнул свое флини.

— Ответ. Пока не завершится дело, которое доверил мне объединенный совет Домов в прошлом году, я домой не вернусь.

— Услышано,— важно кивнул флини, и стрекозел сделал над нами еще один круг.

— Прямо как стрекоза,— завистливо присвистнул Мумр, следя за полетом волшебного существа.

— Информация. Бесплатно,— между тем пропел флини и скривил рожицу. Видно, бесплатно он делать ничего не любил.— Из Красного урочища, что за городом Чу, исчезли все птицы. А также кабаны, лоси, медведи, волки и почти все лесные духи.

— Почему? — коротко спросил Эграсса.

— Кабы я знал, информация не была бы бесплатной,— раздраженно ответил Аарроо.— Мне об этом сказал дух большого пня, что живет в трех лигах пути от этого места. Он сам ничего не знал, но в последнее время маленькие жители стараются держаться подальше от тех мест. И молчат, будто воды в рот набрали.

— Глупая информация.— Халлас в раздражении дернул себя за бороду.

— Какова каша, такова и информация! — обозлился флини, и его стрекозел гневно зажужжал.— Если гном будет дразниться, узнавайте новости от кого-нибудь другого! Пусть этот бородатый вам их и рассказывает!

— Заткнись, Халлас,— тут же сказал Угорь.

— Прошу простить моего слугу, почтенный Аарроо г'наа Шпок из ветви Хрустальной Росы,— примиряюще произнесла Миралисса.

— Слугу? — беззвучно спросили губы гнома.

Делер показал Халласу кулак. Гном стал красным, как раскаленный лист металла в горне у кузнеца, но не произнес ни слова.

— Так-то лучше,— довольно ухмыльнулся флини, и стрекозел сделал над нашими головами третий круг.

— Мы будем проходить через это урочище, леди Миралисса? — между тем задал вопрос Алистан Маркауз.

— К сожалению, да. Это самый короткий путь.

— Но есть и другие? — выделяя каждое слово, уточнил граф.

— Есть, но если мы пойдем через Красное урочище, то окажемся у Костяных дворцов уже к завтрашнему вечеру. На обходном пути мы

потеряем пять-шесть дней. Да и дорога будет пролегать прямо по границе с обжитыми землями орков. Это слишком опасно.

— Не опаснее, чем место, из которого исчезли все лесные духи, — не согласился с кузиной Эграсса.

— Мы рискнем. — Эльфийка сверкнула глазами.

— Ты старше в роду, тебе и решать. — Эльф поднял руки вверх, показывая, что не собирается с ней спорить.

— Новости. — Флини дождался окончания разговора и пропел: — Целых три штуки. Цена первой новости — пляска этого упрямого гнома.

— Что? — взревел Халлас. — Гномы ни для кого не танцуют!

— Значит, мне повезло вдвойне! — злорадно заржал флини. — Хотите узнать первую новость, пусть гном танцует. Не хотите — я полетел. С порученным заданием я уже справился и общаюсь с вами только из чистой любезности.

— Ах ты, маленькая... — Гном вскочил и сжал кулаки. — Да я тебя вместе с твоим жужжащим воюющим козлом сейчас так пну!

— Он будет танцевать, — твердо сказал Алистан Маркауз.

— Что?! Да чтобы я...

— Это приказ, воин! Танцуй! — В голосе капитана гвардии звенела сталь.

— Танцуй, дружище. — Делер успокаивающе положил руку на плечо гнома. — Ну подумай — танец для флини. Представь, что ты танцуешь для меня.

Это решило дело. Гном презрительно фыркнул:

— Чтобы гном танцевал для карлика? Я быстрее для флини станцую!

И танцевал. Вроде это был какой-то военный танец гномов. Во всяком случае, Халлас плясал с боевой мотыгой в руках, да и пляска больше напоминала бой, а не праздничный танец. Пожалуй, Золотой лес еще не видывал такого представления. Фонарщик наигрывал на дудке, помогая гному. Кли-кли весело хлопал в ладоши, Делер старался не лопнуть со смеху.

— Все! — сказал запыхавшийся гном.

— Вы, гномы, танцуете еще хуже, чем готовите, — безжалостно изрек флини.

Делер вовремя успел схватить Халласа и оттащил в сторону от греха подальше.

— Как насчет новости? — Миралисса, несмотря ни на что, старалась быть вежливой.

— Новость. В Золотом лесу видели людей. Они опережают вас на два дня. Больше двух десятков. Все вооружены. Одна женщина. Гербов на одежде не видел.

— Куда они направились?

— Шли к Красному урочищу. Два дня назад оно еще было спокойно.

— Готов прозакладывать душу, что это Балистан Паргайд со своими людьми, — нахмурился милорд Алистан.

— И Лафреса. Они будут возле входа намного раньше нас, — шмыгнул носом Кли-кли.

— Они оплошали с Ключом и решили устроить нам засаду у входа?

— Может быть, Гаррет, а может, и нет... — В глазах эльфийки застыло беспокойство. — Они могли рискнуть и попытаться взять самый сладкий кусок.

— Рог?

— Да. Если ты кому-нибудь расскажешь про наш разговор, я найду тебя, — обратилась эльфийка к флини.

— Да уж понимаю, в эльфийские тайны лучше не лезть. Буду нем как могила, — недовольно буркнул флини.

— Никто из людей не был ранен? — спросил я у него.

— У одного не было левой кисти.

— Это они.

Ну, раз нет кисти, то это точно Бледный. Этот гад давно охотится за мной, а во время последней попытки отправить меня в свет Халлас отрубил ему левую кисть. Бледный работает на Влиятельного, или, как его называют слуги Хозяина, — Игрока. Игрок — какая-то большая шишка в Авендуме, и именно благодаря его «заботе» я едва не распрощался с жизнью. На данный момент Бледный состоит в свите Балистана Паргайда.

Граф Балистан Паргайд, если кто не знает, слуга Хозяина, и именно из его дома в Ранненге я спер Ключ, благодаря которому мы и надеемся проникнуть в самое сердце Храд Спайна. Этот самый Ключ Лафреса должна была самолично доставить Хозяину, а тут приключилась неприятность, имя которой Гаррет. Ключ я украл, но Балистан Паргайд вместе со своими людьми и Лафресой бросился за нами в погоню.

Пока нам как-то удавалось водить их за нос, и им даже не помог судебный поединок. Мумр почикал бойца милорда Паргайда в капусту, а потом как-то все разом стихло. Балистан Паргайд с братией исчез. Мы даже головы ломали, решая, куда он делся. Разгадка пришла вместе с флини. Во время судебного поединка куда-то пропала Лафреса, а оказалось, что она сразу направилась к Храд Спайну, а по дороге ее догнал граф. Понятное дело, Лафреса не боится войти в Заграбу (видать, надеется, что знание шаманства ее спасет). Да и выбора у нее просто нет: артефакт потерян и Посланник, поручив-

ший ей доставить Ключ, очень расстроится, не говоря уже о Хозяине.

— Какова вторая новость? — Эграсса посмотрел на флини.

— Цена второй новости — щепотка сахара.

— У нас нет сахара, — злорадно сказал Халлас. — Мы не кондитеры. Может, мне еще раз перед тобой станцевать?

Последние слова гнома прозвучали с вызовом.

— Нет уж! Второй раз мое сердце такого зрелища не выдержит! Что у вас есть на обмен?

Мы переглянулись. Тьма знает, что может заинтересовать носителя новостей.

— У меня есть конфета! — неожиданно воскликнул Кли-кли.

— Покажи, — подался вперед Аарроо.

Кли-кли торопливо порылся в многочисленных кармашках своей одежды и выудил оттуда изрядно помятую, но завернутую в яркую золотистую бумагу конфету. Видать, зачка еще с Авенду-ма.

Флини внимательно изучил ее и со скучающей рожей, будто он делал нам вселенское одолжение, изрек:

— Дрянь, конечно, но сойдет. Бросай на землю.

По-моему, он ломался, конфета ему понравилась. Флини опустил стрекозла прямо на брошенную конфету и стал привязывать ее к брюху своего ездового зверя.

— Новость. В Золотом лесу видели человека. Одет в серый плащ, лица не разглядели. Вооружен копьём. Идет быстро, почти не задерживаясь. В четырех часах полета от вас. Идет прямо сюда. Золотой лес на этой неделе будто медом намазан, все так и прут. Давно я не видал столько чужаков. Ах да! Связываться с ним не советую, древесные духи говорят, что он воин.

— Мы тоже не сапожники, — возмутился Делер.

— Когда древесные духи говорят, что человек воин, мы обычно к этому прислушиваемся, но дело ваше. Цена третьей новости — перстень вон того дылды с длинными усами, — флини кивнул на Алистана Маркауза.

— Какой? — уточнил граф.

— Ну уж точно не серебряный с твоим гербом, — съязвил маленький вымогатель. — Вы, люди, слишком щепетильны в отношении этих родовых побрякушек. Просить их — большая глупость, все равно не отдадите. Мне по нраву вон тот, с красным рубином.

Алистан без всяких возражений снял с пальца перстень и положил его на землю. Флини довольно улыбнулся, и перстень, как и конфета, оказался под брюхом стрекозла.

— Стоит ли этого твоя новость? — спросил я.

— Это уже вам решать, а не мне. Новость. Орки близко.
— Где? — Эграсса потянулся за луком.
— В развалинах города Чу. Их шестеро. Обычные разведчики. Вас не ждут. Просидят там еще дней пять.

— Откуда ты знаешь?

— Слышал, — заухмылялся флини. — Один из них попал в ловушку и пробил себе ногу, сейчас он в бреду, так что боеспособны только пятеро. Можете прикончить их, можете обойти.

— Мы примем к сведению твою информацию. Это все?

— Да, новостей больше нет, прощайте.

Стрекозел, гудя, поднялся в воздух и, касаясь брюхом ромашек, полетел к лесу. Нагружен зверек был отменно, я вообще удивляюсь, как ему удалось взлететь с таким весом.

— Флини очень любят разные перстни и кольца, — просветил меня Кли-кли.

— Учту.

— Мерзкая сволочь! — Халлас проводил улетевшего флини злым взглядом.

— Что ты хочешь от флини? — делано удивился Кли-кли. — Они зарабатывают тем, что разносят новости.

— А не продаст ли он нас тому же отряду орков? Думаю, у Первых найдется чем расплатиться за информацию о нашем местонахождении. Я не доверяю этим мелким.

— Он бы сделал это, если бы Первые стали с ним разговаривать. Но они флини ни во что не ставят, а те чересчур горды, чтобы терпеть к себе такое отношение.

— Собираемся! — Эграсса поднялся с земли. — У нас еще целый день до темноты и ночь в запасе. Сегодня мы должны пройти как можно больше.

— Что будем делать с орками?

Вопрос Мумра не праздный, где-то впереди Первые, пускай они нас и не ждут.

— Убьем. — Эграсса посмотрел на Миралиссу, и та кивнула. — Их всего пятеро. Конечно, можно обойти, но негоже оставлять у себя за спиной врагов.

— А что делать с тем парнем, что идет за нами? Давайте мы с Делером задержимся и зададим ему парочку вопросов!

— Халлас, у тебя ни ума, ни фантазии! — Карлик в разговоре с напарником не церемонился. — Тебе бы только мотыгой помахать! Флини же сказал, что тот тип опасен и от него следует держаться как можно дальше! И даже победив его, как мы потом найдем отряд, ты подумал? Или гномы с сегодняшнего утра способны бродить по лесам и не плутать?

— Это не сложнее, чем ходить по штольням,— буркнул Халлас.

— А я не хочу заблудиться в лесу и в один прекрасный день выйти к ороческому жилью,— отрезал Делер.

— Никто здесь не останется,— прервал спор гнома и карлика милорд Алистан.— Если этот человек хочет идти за нами, пусть идет. Если догонит и нападет, мы дадим ему бой. Меня больше заботит поджидающий нас возле Храд Спайна Балистан Паргайд с псами и это урочище.

— О Балистане мы позаботимся, когда доберемся до него, милорд.— Угорь уже собрал мешок.

— Урочища тоже не стоит так уж сильно опасаться.— Миралисса закинула с'каш себе за спину.— Лесные духи могли уйти из него по сотне причин. Будем надеяться на лучшее.

— И ожидать худшего,— тихонько буркнул я, но эльфийка, по-моему, все же меня услышала.

— Кли-кли,— голос Делера был очень тихим, но взгляд карлика не предвещал гоблину ничего хорошего,— что ты сделал с моей шляпой?

Гоблин счел за лучшее спрятаться за моей спиной. Всегда так — напраказничает, а отдуваться Гаррету.

Глава 2

КРАСНОЕ УРОЧИЩЕ

— Что здесь было раньше, Кли-кли?

— Сам, что ли, не видишь по развалинам? Город, конечно!

Мы с гоблином лежали, спрятавшись за грудой серых камней, изрядно поросших мхом. Рядом возвышалась высокая ребристая колонна из точно такого же камня и точно так же, как и весь город Чу, заросшая темным густым мхом.

Меж стволов златолистов и лиственниц возвышались руины древнего города. Здесь колонна, там стена, чуть дальше, возле кустов волчьей ягоды, арка с древними рунами, еще дальше — огромное здание с провалившимся куполом. И так куда глаза хватало. Развалины вырастали прямо из мягкого ковра мха, тонули в нем, задыхались в зарослях папоротника и остролиста, погибали под корнями могучих златолистов. Наверное, когда-то этот город был велик и прекрасен, но от былого величия остались лишь призраки прошлого. Сейчас это был всего лишь мертвый камень, изъеденный молью времен.

— Понимаю, что не деревня. Кто тут жил?

— А я откуда знаю? — Шут пожал плечами. — Эти руины помнят исход огров в Безлюдные земли и приход на Сиалу орков и эльфов. Не мне знать, кто жил в нем в те времена. Но поверь мне, Чу очень красив. Ну или был очень красив.

— Ты и здесь успел побывать?

— Нет, конечно. Просто Чу — не единственный заброшенный город в Заграбе. Возле того места, где живет мое племя, есть еще один, он очень похож на этот. Мы называли его город Бу. Он сохранился намного лучше Чу.

Вечерело, солнце уходило за горизонт, и уже не все лучи могли пробиться сквозь ветви деревьев. В лесу становилось сумрачно. Я подвинул миниатюрный арбалет к себе поближе и в сотый раз проверил, заряжен ли он.

К моей глубокой радости и к вящему неудовольствию Кли-кли, Алистан Маркауз оставил нас здесь, пока остальные не расправятся с орками.

Ну и правильно! Вор и шут не созданы для драк и сражений. Гоблин на этот счет был иного мнения, но после недовольного ворчания все же решил остаться со мной.

— Кра-а-а! Кра-а-а! Кур-ра-ра!

Крик птицы тоскливым призраком разнесся над развалинами, отражаясь от стен и бередя покой заброшенного места. На миг на верхушке покосившейся колонны-шпиля и на стволах деревьев блеснул голубоватый отблеск заклятия, сотворенного в двух сотнях ярдов отсюда. Блеснул и пропал, уступив место уже привычной тишине мертвого города.

— Началось, — сказал Кли-кли, приподнимаясь. — Это работа Миралиссы.

— Я ничего не слышу.

— Это к лучшему. Значит, не слышат и другие. Будем ждать.

И мы ждали. Минуты тянулись бесконечно долго.

Плотный густой ковер мха заглушал шаги, и мы услышали бегущего, только когда между нами оказалось не больше десяти ярдов. Кли-кли преобольно ущипнул меня за руку и кивнул в сторону колонны. Поначалу я принял бегущего за Эграссу. Вот только отчего у эльфа в руках не привычный с'каш, а ятаган?

Конечно же это был не эльф, а орк. Две расы слишком похожи друг на друга, чтобы в первые секунды их можно было различить. Первый бежал прочь из города, постоянно озираясь по сторонам. Мы лежали за камнями, и орк не мог нас видеть, хоть на этом спасибо Саготу.

— Чего ты ждешь? Уйдет ведь, — просипел Кли-кли, снимая с пояса пару метательных ножей.

Шут прав: если Первый скроется и избежит смерти, он предупредит своих, и тогда плакали наши головы. Расстояние до врага не ахти какое, и, чтобы промазать, надо было очень постараться.

Щелк!

Болт без труда пробил легкую кольчугу и застрял в спине орка. Тот споткнулся и рухнул лицом в мох. Никаких угрызений совести о том, что стреляю в спину убегающему, я не испытывал. Будь у него возможность и время, он бы без всяких раздумий попытался прикончить и меня и Кли-кли.

— Ты его убил? — Кли-кли испуганно жался ко мне.

— Вроде как, — неуверенно сказал я, не торопясь убирать арбалет.

— Вот в том-то и дело, что вроде как. Ему хватит ума притвориться! — Гоблин не спешил приближаться к телу.

— Кли-кли, у него в спине болт, который вошел туда чуть ли не по самое оперение. Как он может быть жив?

— Я бы все равно не стал к нему подходить, — предупредил меня тот.

Страх и сомнения всегда заразительны. Теперь и я смотрел на недвижимого орка с должной опаской. А вдруг гоблин прав и Первый всего лишь строит из себя покойника? Во всяком случае, ятаган до сих пор у него в руке.

— Хорошо, — вздохнул я. — Учти, я это делаю лишь для твоего успокоения.

Пришлось приблизиться к телу на несколько шагов и всадить в спину орка второй болт. Парень в ответ на такой неприкрытый садизм даже не дернулся.

— Ну, теперь ты убедился, что он мертвее камня?

— Почти что. — Шут осторожно подошел к телу и ткнул мертвеца носком сапога. — Слава богам, ты его прикончил.

— Не такие уж они и страшные, да и умирают не хуже людей.

— Если застать их врасплох. — Голос Эграссы заставил меня резко обернуться и вскинуть арбалет.

— Бесполезно, Гаррет. Будь на моем месте орк, ты был бы уже мертв. К тому же арбалет у тебя разряжен. Что тут у вас?

— Орк, один из тех, кого вы должны были убить. Гаррет его подстрелил, но заметил Первого я, — затараторил Кли-кли, не собираясь приписывать всю победу мне.

— Нет, Кли-кли, этот не из тех. — Эльф перевернул тело и склонился над орком, бесстрастно изучая лицо мертвеца. — Миралисса наложила на них Сеть Недвижимости, и мы смогли расправиться со всеми, они даже пикнуть не успели. Четверо возле костра, еще один рядом с раненым, итого пятеро, не считая раненого. Мы прикончили всех.

— Тогда откуда взялся этот? Или сей орк — плод моего большого воображения? — недовольно пробурчал гоблин.

— Просто ваш мерзкий флини не посчитал нужным сообщить о седьмом.

Из-за стены появился Халлас.

— Я с самого начала говорил, что не следует доверять этой летающей сволочи!

— Где был седьмой, мог быть и восьмой, — задумчиво сказал Эграсса.

— А также девятый и десятый. — Гоблин не преминул насыпать соли на рану.

— Идемте к остальным, там решим, что делать дальше.

Мы пошли за эльфом, позади сопел Халлас. Эграсса уверенно вел нас через лабиринт заросших развалин. Везде властвовала разруха и упадок, но вместе с тем это место было... пожалуй, красиво. Красиво своей непонятной, загадочной красотой тысячелетий.

Колонны высились наравне с златолистами или лежали разбитые и заросшие мхом. По стенам некогда величавых зданий вилась плоть. Статуя на постаменте, такая древняя, что нельзя было рассмотреть, кто перед тобой — человек, орк или кто-то другой, живший на Сиале еще до начала Седой эпохи.

В четверке орков, лежавших возле едва горевшего костра, стрел было наткано больше, чем требовалось, — Миралисса и Эграсса постарались на славу. Чуть поодаль, под старой лиственницей, лежали еще два мертвеца.

Эграсса кратко рассказал милорду Алистану про орка, которого я укокошил.

— Флини мог не увидеть его, если Первый сидел в секрете. — Миралисса задумчиво терла рукав темно-зеленой куртки.

— Он просто не захотел увидеть, миледи. — Халлас все еще не мог забыть пляску для маленького распространителя новостей.

— Халлас, Делер, Мумр, Угорь! Разделитесь на пары и найдите, где скрывался этот седьмой.

Угорь кивнул за всех, и Дикие скрылись меж развалин.

— Через час полностью стемнеет. — Милорд Алистан, прищурившись, посмотрел на небо. — Останемся здесь или продолжим путь?

— Все зависит от того, что найдут наши воины, — устало ответила Миралисса, — но я за то, чтобы идти. Сейчас полнолуние, света достаточно, до утра можем свободно идти, а дальше отдых — и мы у Храд Спайна.

— Я тоже считаю, что мы не должны останавливаться сейчас, кузина. Преодолеем Красное урочище, и тогда уже можно будет отдохнуть.

- Гаррет, пошли глянем на покойников,— позвал меня Кли-кли.
- Я мертвецами не интересуюсь.
- Ну и зря!

Пока гоблин бродил среди трупов, я перезарядил арбалет, уложив в него два новых болта.

— Мастерски сработано, леди Миралисса. В лучших традициях Зеленого Взвода! Я оценил,— сказал эльфийке вернувшийся Кли-кли.

— Ну раз даже ты оценил мою работу...— усмехнулась она.

— Нет, я серьезно. Кидаем Сеть Недвижимости, затем у нас пять секунд, чтобы нашипиговать их стрелами. Думаю, даже когда Сеть лопнула, оставшиеся двое так ничего и не поняли и их легко зарубили. Кто прикончил раненого?

— Делер,— ответил Алистан Маркауз.— Ты-то откуда знаешь о работе диверсионных отрядов эльфов?

— Я вообще полиглот,— ни к селу ни к городу гордо ответил Кли-кли.

— Поля апосля глотать будешь.— Делер слышал лишь последнюю фразу шута.— Убираться надо, милорд Алистан. Упустили мы одного.

— Ушел. Двое их было. Там, дальше, что-то вроде колодца. В нем они и сидели. Один, к несчастью для себя, вышел на Гаррета, другой ушел на юго-запад. Целым, милорд. Я попробовал догнать, но мох почти не сохраняет следы.— Лицо Угря было хмурым.— Да и не следопыт я. Сюда бы Кота, да пребудет он в свете...

— Что они делали в колодце? — спросил Алистан Маркауз, и Мумр молча протянул ему обрывок какой-то ткани.— Человек?

— Да, милорд, он мертв, да и лицо у него все исполосовано, но я его по одежке узнал,— кивнул Фонарщик,— этот парень был среди людей Балистана Паргайда во время поединка.

— Все ясно. Орки теперь знают, что в Золотом лесу чужаки, и этого беглеца мы уже не догоним,— огорчилась Миралисса.— Надо поскорее уходить из города, пока не подоспели Первые. Единственный шанс — добраться до спуска в Храд Спайн быстрее, чем нас нагонят.

— Вы намереваетесь укрыться от них в Костяных дворцах, миледи?

— Это не обязательно. Первые — не дураки. После того как на нижних уровнях могильников пробудилось зло, они обходят это место за лигу. Ничто, даже близость эльфов, не заставит орков совершить глупость и приблизиться к Восточным воротам Костяных дворцов.

— Тогда не будем задерживаться.— Маркауз кивнул Эграссе, чтобы он двигался вперед, указывая нам дорогу.

И отряд ушел в ночь.

Ночью в лесу темнеет быстро и в то же время очень незаметно. Только что из-под ног выбегала узкая, едва различимая тропка, а через минуту она уже скрылась во тьме.

Деревья, ветви, кустарники растворяются в обволакивающей паутине ночи, от них остаются одни воспоминания (мол, там была сосна, а вот там, где сейчас чернильный мрак, рос старенький клен), и только если поднять глаза к небу, можно увидеть силуэты переплетенных между собой ветвей, загораживающих выпавший на небе горюх звезд.

Несколько долгих и очень томительных секунд ты едва плетешься, до боли напрягаешь глаза, чтобы хоть что-то увидеть в крошечном мраке. Затем нехотя из-за пазухи богов выкатывается полная луна.

Она похожа на темно-желтый круг исилийского сыра, она толста, и ее поверхность, как и сыр, изрезана темными дырами и морщинами. Луна рождает свет, отдает его ночной земле, и столбы лунного дара заливают спящий лес, играют меж ветвей и стволов дремлющих златолистов, отражают мать-луну в сонно шепчущем ручейке, танцуют на полях зарождающегося ночного тумана, что белыми струйками поднимается изо мха и тянется вверх. С лунным светом лес становится прекрасным и волшебным, словно из детской сказки. Луна преобразила руины древнего города Чу.

Свет падал на изгрызенные зубами времени лица безымянных идолов, придавал им подобие жизни, волновал воображение.

У-у-ух-ху-ху-у-у! Уханье то ли совы, то ли еще какой птицы густыми волнами расплывается по столбам лунного света, отражается от лиственниц, златолистов и стен мертвых зданий.

Весь мир, вся Заграба сейчас дышат серебряными нитями, струящимися из веретена полной луны. Светло как днем, и лишь звезды недовольны проснувшейся луной. Они потускнели и даже отползли подальше от земли, чтобы не попасть под магию ночного светила.

Отряд шел ходко, и идолы города Чу, с укором смотрящие нам в спину, остались далеко позади. Тропка петляла, то появлялась, то вновь исчезала в придорожных зарослях кустарника. Спустя час она совсем исчезла, и нам пришлось продираться сквозь густой ельник.

Лохматые и колючие лапы норовили стегнуть по физиономии, приходилось закрываться руками и сгибаться в три погибели. Пока я лазил по этим колючим и не очень-то гостеприимным зарослям,

успел проклясть все на свете. Мумр, идущий сейчас впереди меня, ругался на чем свет стоит. Угорь слишком быстро отпустил ветку, и еловая лапа стегнула Фонарщика по лицу. Вот уж не знаю, один ли я вздохнул с облегчением, когда меж елок вновь появилась тропка.

Она пошла под уклон, еловый лес сменился лиственным. Сейчас мы топали по низким холмам, заросшим кленами и кустами цветущего красnobровника. Наверное, при солнечном свете маленькие красненькие цветочки на кустах казались капельками крови, сейчас же они, впрочем, как и весь лес, были насыщены серебром луны.

Мы прошли по берегу озера, в черной воде которого отражались луна и звезды, поднялись на очередной холм, спустились, перепрыгивая через спешащий по неотложным делам ручеек. Красnobровника здесь оказалось намного больше, чем возле озера, он рос везде, куда падал взгляд, вытесняя другие кусты и даже деревья.

— Смотри-ка, один все же остался,— пробурчал за моей спиной Кли-кли.

— Ты о чем? — полюбопытствовал я.

— Да вон, меж веток лесной дух. Видишь, глазки сияют? А флини говорил, что они ушли из Красного урочища.

— Так мы что, уже идем через Красное урочище?

— А где мы, по-твоему? На улице Искр, что ли? — ядовито отозвался Кли-кли.— Ясное дело, что в Красном урочище.

— Не больно-то оно красное, опять ты что-то путаешь, Кли-кли,— недоверчиво хмыкнул Фонарщик.

— Раскрой глаза, Мумр, сейчас же ночь! А днем, да еще в начале сентября, здесь все красно от цветов красnobровника.

— Да и на урочище это место никак не тянет,— поддержал я Фонарщика.

— Дураки! — надулся шут и перестал с нами разговаривать.

Гоблин сегодняшней ночью был не в настроении. По-моему, он слишком сильно нервничал.

Я же ничего такого не чувствовал, да и Вальдер молчал. Правда, он молчит с тех пор, как я увидел сон о тюрьме Хозяина. Может, наконец мертвый архимаг оставил меня в покое и убрался восвояси? Ха! Надежда на такой исход небольшая.

Кто такой Вальдер? Я вроде уже говорил. Вальдер — это такой волшебник, к сожалению умерший из-за Рога Радуги несколько веков тому назад, но вселившийся мне в голову. Ладно, это длинная история, может, когда-нибудь напишу мемуары, тогда и узнаете все подробности.

Тропинка шуршала под ногами, спина Фонарщика маячила впереди меня. Шаг, шаг, еще шаг. Сколько сотен шагов я сделал с тех пор, как мы покинули развалины города Чу?

Ночь давно перевалила за середину, звезды плыли по небу, а луна светила все ярче и ярче. Весь лес был захвачен красновобровником, росшим чуть ли не под каждым златолистом. Казалось, этим проклятым кустам не будет ни конца ни края. Но больше всего надоел кисловатый запах, источаемый цветущими кустами. Он настырно лез в нос, и по прошествии полутора часов от него раскалывалась голова и зверски хотелось чихать.

Чем глубже мы уходили в Красное урочище, тем напряженнее становилась тишина. Не стало слышно привычного шепота ветра, шелеста ветвей, криков ночных птиц и звуков ночных насекомых. Ни светлячка... да и лесных духов больше видно не было. Лишь звуки наших шагов тихим шуршанием плыли в ночи.

Лес, казалось, вымер, тишина давила и вызывала смутную тревогу. Даже лунный свет стал неживым, он заливал всю округу мертво-бледной дланью.

Сзади послышался тихий шелест оружия, извлекаемого из ножен. Я обернулся. Милорд Алистан шел с обнаженным мечом, лицо у графа было хмурое и встревоженным.

— Не нр-р-равит-тс-ся мне эта тишина, — растягивая слова, брякнул Кли-кли, спокойно озираясь по сторонам.

— Она еще никого не убивала.

— Не скажи, Гаррет, очень даже убивала, — ответил наш всезнайка.

В следующие полчаса мы не сказали друг другу ни слова. Все вслушивались в разлившееся молчание, надеясь уловить хоть какой-то звук, кроме шороха наших шагов.

Так всегда бывает. Никогда не обращаешь внимания на посторонние звуки. Всегда принимаешь их как само собой разумеющееся. Там птичка чирикает, там сверчок трещит, здесь листочки шелестят. Но как только привычные уху звуки исчезают, ты понимаешь, как тебе не хватает всех этих посторонних и временами ненужных треньканий и пиликаний.

— Приехали, — прошипел сквозь стиснутые зубы Халлас и крепче сжал боевую мотыгу.

Тропинка упиралась в мост, казавшийся таким же старым, как и Чу. Нисколько не удивлюсь, если его построили одни и те же мастера. Но, в отличие от города, мост оказался целым.

Каменный, тридцать ярдов в длину и два ярда в ширину. По нему вполне могли пройти сразу два человека. По бокам тянулись высокие, в пол человеческого роста, прямоугольные барьеры, заменяющие перила. Через каждые пять ярдов из перил выросли колонны и поднимались на высоту двух человеческих ростов. Наверное, раньше они были тем, что держало крышу (сейчас не существующую).

А может, никакой крыши никогда и не было и колонны создавались просто для красоты.

Мост связывал две стороны то ли оврага, то ли ущелья. Уж не знаю, как это называлось, но обрывистые берега резко уходили в темноту и в поднимающийся с невидимого сейчас дна серебристый туман.

— Вот и сердце урочища,— сообщил нам Кли-кли.

— Нам через него? Что-то он не вызывает у меня особого доверия.

— Не беспокойтесь, милорд Алистан, мост крепче скалы и простоял здесь не одно тысячелетие,— успокоила капитана гвардии Миралисса.— Не будем медлить.

— Пойдите.— Угорь поднял руку и внимательно осмотрел противоположную сторону урочища.— Леди Миралисса, Эграсса, возьмите луки, а мы с Делером перейдем на ту сторону.

— Угорь прав, если там засада, то нас всех почикают на мосту, словно жирных перепелок,— поддержал гарракаца карлик, меняя любимую шляпу на шлем.

— Хорошо,— скупое кивнул Алистан Маркауз.— Идите.

Карлик бежал впереди, лезвия его секиры грозно сверкали в лунном свете. Эграсса и Миралисса стояли с натянутыми луками. Воины перебежали мост и скрылись в кустах краснобровника.

Я стал про себя считать. Когда счет дошел до шестнадцати, появился Угорь и махнул нам рукой. Настал наш черед. На этой стороне остался только Эграсса со все так же натянутым луком и Фонарщик, прикрывающий эльфа от возможной опасности с тыла.

— Здесь глубоко? — спросил я у гоблина на середине моста.

— Я тут впервые, так же, как и ты.

— Просто ты так хорошо знаешь эти места...

— Знать места — это не значит бывать в них раньше, Гаррет. Как гномы и карлики ориентируются в своих подземных лабиринтах? Они дети гор, и им не надо каждый раз узнавать, где восток, а где запад. Гоблины, дриады, эльфы и орки — все мы дети Заграбы и никогда не заблудимся в ней. Мы всегда знаем, где находимся, независимо от того, в какой части леса оказались. Вам, людям, слишком сложно это понять.

Мы продолжили путь. Краснобровник начал редеть. Ели и лиственницы оттеснили кусты в сторону, проклятый запах цветов почти исчез, но тишина никуда не делась. Отряд все еще находился в урочище.

Мы опять шли, шли и шли. Легкий мешок потихоньку стал тянуть меня вниз, кольчуга стерла все плечи, давила на спину, ноги наливались усталостью и болью. Давно пора было сделать привал,

мы топали уже несколько часов, но Эграсса лишь увеличивал темп, стараясь как можно скорее вывести отряд из урочища.

Первым почувял неладное Кли-кли. Он споткнулся, оглянулся и втянул в себя воздух ночного леса.

— Кли-кли, не останавливайся,— попросил гоблина Халлас.

— Что-то не так,— обеспокоенно сказал гоблин.

— Что не так?

— Не знаю,— буркнул шут и заторопился дальше.

Затем остановился Эграсса и поднял руку, чтобы мы не шумели. Эльф долго вслушивался в мрачную тишину ночного леса, а затем что-то сказал Миралиссе на гортанном орочьем наречии.

Она ответила на том же языке, и Эграсса вновь повел нас вперед. Эльфы поминутно оглядывались. Я тоже не сдержался и оглянулся, но позади нас была лишь узенькая тропинка, посеребренная светом луны, и мрачные стены елей, возвышающиеся по обе стороны от нее.

— Что происходит? — спросил Алистан Маркауз.

— Пока ничего, милорд, просто не отставайте.— Эльф почти перешел на бег.

Миралисса бубнила что-то себе под нос, иногда взмахивая руками. Я с ужасом понял, что она на бегу подготавливает какое-то заклятие. Вышей меня тьма, они могут сказать, что происходит, или нет?!

Кли-кли подпрыгивал впереди меня, мешок бил его по спине, и короткономому гоблину было нелегко поддерживать тот темп, что задал нам Эграсса.

Гоблин тихонечко повизгивал. Поначалу я думал, что это он так дышит от натуги, а потом понял: Кли-кли скулит со страху. Вот тогда-то я и напугался.

Сильно.

— Кли-кли! — рявкнул я ему.— Давай сюда свой мешок, тебе будет легче идти!

Шут посмотрел на меня. Синие глаза были полны животного первобытного ужаса. Мне пришлось повторить свое предложение дважды, прежде чем он понял, чего я от него хочу. Гоблин не стал спорить и сразу же передал маленький мешок с пожитками мне.

— Что происходит?—повторил я уже прозвучавший вопрос.

— Флейта! — пискнул шут.

— Какая, во тьму, флейта?!

— Просто иди быстрее, ладно?

Вот и весь сказ.

А затем я услышал это. Услышал и в первую секунду даже не поверил, что такое возможно. Тишину разорвала чистая хрустальная

трель. Едва слышный звук. Расстояние до неизвестного флейтиста, видать спяну вздумавшего поиграть в ночном лесу, было довольно большим. Флейта настолько неожиданно разрежала покой ночи, что я остановился как вкопанный и в меня тут же врезался Делер.

— Перебирай ногами, Гаррет, коли жить охота! Не знаю, что там за нашей спиной, но чувствую, что ничего приятного мы от него не дождемся!

Эграсса перешел на бег. Вновь раздалась трель флейты, теперь намного ближе, чем в прошлый раз, и тогда-то я понял, кто приближается к нам. Лишь одно существо издавало звуки, так похожие на трель флейты. Орки прозвали это чудовище Ужасной флейтой, или Х'сан'кором.

— Спаси нас всех, Сагот! — вырвалось у меня.

— Это вряд ли! Просто беги, Гаррет!

И мы побежали. С каждым разом трели становились ближе и громче. Звуки флейты подстегивали нас не хуже, чем боевой кнут-ламия. Кем бы ни была тварь, именем которой нас пугали по ночам в далеком детстве, бегала она быстро, гораздо быстрее, чем мы.

— Я... думал... они... все... давно... вымерли... или... вообще... сказка,— сипел Фонарщик.

Мумр выбросил свой мешок, сейчас ему хватало веса одного биденхандера. Но тяжелее всех приходилось Алистану Маркаузу. Наконец капитан гвардии не выдержал, отбросил в сторону шлем, затем щит, потом настал черед малой булавы. Из оружия у графа остались только меч и кинжал.

— Как... видишь... не... все,— прохрипел Кли-кли.— Этот... вполне... жив... и голоден. Он... не... сказка...

— Почему мы... бежим? — задыхался я.— Еще три минуты такого бега, и я сдохну.

— Чтобы... не... съел... дурак! Ждем... когда... Миралисса... сотворит заклятие!

«Быстрой бы! — подумалось мне.— Сагот, если ты меня слышишь, поторопи ее!»

Деревья слились в одну темную мелькающую полосу. Мир сузился до узкой тропки, спины Кли-кли, хрипа, вырывающегося из моей груди, бормотания Миралиссы и воплей Х'сан'кора, вышедшего на охоту. Пот застилал глаза, волосы прилипли ко лбу, хотелось остановиться, упасть и умереть прямо здесь. Но все бежали, и мне не оставалось ничего другого, как бежать вместе с ними.

— Брось... мешок... оба, — скрипуче посоветовал Кли-кли.

Я с облегчением отбросил его мешок в сторону, затем скинул со спины свой, и бежать стало значительно легче. Еще бы сбросить ко-

льчугу, но для этого надо остановиться, а остановка сейчас — это прямой путь в желудок твари.

Трель флейты... и ровно через секунду ей ответила другая.

— Их двое! — взвизгнул Кли-кли.

В этот самый момент Миралисса закончила бормотать, и кусты справа от дороги раздвинулись в сторону, открывая проход.

— Туда! — выдохнула эльфийка.

Нас не надо было уговаривать дважды. Кусты, как только мы сошли с тропы, сдвинулись за нами, примятая трава волшебным образом распрямилась, как будто ее и не топтали наши ноги. Отряд оказался в ельнике, где нас окружил густой мрак. Мигнуло, и по телу забегали мелкие мурашки.

— Теперь мы невидимы, но не стоит рисковать, ложитесь! — приказала Миралисса. — Кли-кли, твой народ знает защитные заклятия, на Х'сан'кора магия эльфов практически не действует. Помогай!

— Я не умею, — заныл испуганный гоблин. — Только самую малость, что дедушка научил!

— Делай, что можешь! — яростно прошипела эльфийка, распыляя по воздуху какой-то порошок.

Кли-кли кивнул и закрутился волчком. Прошло десять долгих секунд, и гоблин рухнул на траву, а мир на краткий миг полыхнул розовым. Не знаю, что это было, но Миралисса одобритительно кивнула:

— Хорошо, а теперь не шевелитесь и даже не дышите. Сейчас для Флейты вы всего лишь корни деревьев. По крайней мере, на минуту...

Последние слова она пробормотала тихо-тихо.

Вляпались мы знатно.

О Х'сан'корах практически ничего не известно, что вполне естественно — те, кто с ними встречается, обычно ничего никому не рассказывают (по причине внезапной кончины). Так что все, что мы имеем об Ужасных флейтах, — это страшные легенды эльфов и гоблинов о таинственных чудовищах леса да несколько гравюр с изображением трупов Флейт (я лично до сих пор не представлял, как выглядит эта тварь).

Два обнаруженных тела Х'сан'коров особо храбрые трапперы, забредающие в глубину Золотого леса, продали за бешеные деньги (одно тело досталось Ордену, другое купил какой-то коллекционер). Да еще, лет триста назад, один особо храбрый и глупый барон Приграничья устроил на Х'сан'кора охоту. Половина отряда полегла, но тварь удалось захватить живьем. Пока к барону спешили пустившие слюну маги Ордена, Флейта не стал ждать, проломил клеть, куда его по глупости усадили, и перебил весь замок вместе с сосед-

ней деревушкой. А затем дождался магов и прикончил почти всех. Оказалось, что на тварь совершенно не действует боевая магия, поэтому лишились трех адептов и семи аколитов. Счастье, что среди орденов был архимаг, который и прибил чудовище, обрушив ему на голову близлежащую мельницу.

Но это дела давно минувших дней. Рядом с нами не было ни находчивого архимага, ни лишней мельницы. Сейчас мы лежали на земле, не шевелясь и едва дыша. Вновь раздалась трель флейты. Ох, как близко, тьма меня разбери! Первой флейте тут же ответила вторая.

— Я бревно, я невидим, — тихонько зашептал я. Волосы на голове со страха встали дыбом.

Кли-кли пребольно пнул меня ногой и приложил палец к губам. Я моргнул глазами, мол, понял, затыкаюсь.

Из нашего укрытия открывался великолепный вид на тропинку. Ночная тишина то и дело прерывалась трелями, и оставалось лишь молиться Саготу, чтобы нас не заметили.

— Они кого-то гонят! — прошипел Мумр и тут же заработал болезненный тычок от Угря.

То, что я увидел через мгновение, осталось в моей памяти навечно.

По тропинке бежал человек. Даже не бежал, а летел, вкладывая в бег все свои силы. Неизвестный едва касался ногами земли, он огромными скачками убегал от преследующих его чудовищ. Вот его сапог задевает землю, толчок, человек пролетает добрых три ярда, вновь касание земли и вновь длинный скачок. Могу поспорить, при сильном желании парень способен бежать наравне с лошадей. Серый плащ развевался за его спиной, как крылья ночной птицы, лицо скрыто капюшоном. В руках человек держал копьё с черным древком и очень широким листовидным наконечником.

За четыре секунды человек появился, пробежал мимо нас и исчез за деревьями.

А потом пришли они.

Вновь запела флейта, и из-за поворота выскочило существо. Оно пробежало настолько быстро, что я даже не успел разглядеть его — росчерк красно-черно-зеленого с нелепо длинными ногами и руками. Миг — и тварь уже исчезла. Х'сан'кор был слишком увлечен преследованием добычи, чтобы обратить на нас внимание, к тому же благодаря Миралиссе и Кли-кли мы на какое-то время стали невидимы для его глаз.

Опять прозвучала флейта, говоря, что она уже близко, и пробежавший мимо нас Х'сан'кор ответил ей.

Вторая тварь выскочила на тропинку, неожиданно споткнулась и остановилась прямо напротив того места, где мы прятались. Глаза, пылающие лиловым огнем, обратились в нашу сторону. Я вжался в землю. Теперь это существо можно было очень хорошо рассмотреть.

Высокая, в три человеческих роста фигура казалась нелепо худой, длиннющие ноги и руки, голова на точно такой же, как и тело, худой шее. Башка у Х'сан'кора больше всего была похожа на причудливый лягушачий череп, обтянутый кожей.

Я не увидел у твари ни шерсти, ни чешуи, вся кожа была размалевана в красно-черно-зеленую полоску. Нос — черная впадина, огромные, на полморды, глазницы лилового пламени, короткие витые рога на голове, рот... Отчего-то я думал, что в нем будет много зубов, но, когда тварь раздвинула губы и оскалилась, я с удивлением обнаружил, что в пасти у нее не больше пяти кривых желтых пеньков. Никакой брони или одежды, зато в правой когтистой лапе нечто похожее на шипастую дубину, а в левой... в левой Х'сан'кор держал брошенный мной не далее как пять минут назад мешок.

В животе зашевелились ледяные черви. Оно не может нас увидеть! Оно не должно нас увидеть!

Тварь поднесла мешок к носу, понюхала, фыркнула и отбросила его в сторону.

Где-то в отдалении прозвучала победная мелодия флейты, видно, первая тварь наконец настигла человека. Х'сан'кор, нюхавший воздух, отвлекся, склонил голову набок и стал вслушиваться в призыв товарища. Победная трель сменилась ревом боли, а затем в ночном лесу наступила оглушающая тишина.

Было слышно, как колотится сердце лежавшего рядом со мной Фонарщика. В голове бился только один вопрос: почему тварь так сильно орала? Видно, этот вопрос мучил не только меня, Х'сан'кор сделал несколько неуверенных шагов по тропинке туда, откуда донесся рев...

Вдруг мир вновь мигнул розовым, колючие мурашки, беспрестанно бегающие по телу, пропали, заклинания Миралиссы и Кли-кли исчезли, и... чудовище увидело нас. Тварь с грозным рычанием двинулась вперед, ломая кустарник.

— Рассыпаться! — Миралисса уже была на ногах.— Нападать на него со всех сторон, разом!

Ну и перепугался же я в этот момент! Эльфийка пела заклятие, воины подались назад, завлекая Х'сан'кора, а я смотрел, как к нам приближается эта похожая на ожившую смерть тварь. Лиловое пламя в глазах Флейты горело голодным огнем.

Взвизгнула стрела Эграссы, и я пришел в себя.

— Стреляй, Гаррет! — крикнули мне.

Я попал, болты угодили точнехонько в грудь лесного чудовища, и я стал перезаряжать арбалет, теперь уже ледяными болтами, потому как от обычных никакого толку не было. Тварь их даже не почувствовала, впрочем, как и стрелы эльфа. В чудовище их уже было штук шесть, но оно не испытывало от этого никаких видимых неудобств.

Перед Х'сан'кором полыхнула зеленая стена (точно такая же, как та, что сотворила Миралисса в гнезде слуг Неназываемого). Х'сан'кор остановился, взревел так, что у меня заложило уши, и грохнул дубиной по волшебной преграде. Видать, дубина твари оказалась непростой, потому как стена довольно заметно прогнулась.

— Я не удержу его долго! — закричала эльфийка. — Эграсса, Гаррет! По глазам! Выберите их ему!

К этому моменту на Х'сан'коре уже не было живого места, эльф тыкал тварь стрелами по самую макушку. Чудовище сделало шаг назад, а затем с ревом вновь атаковало стену. Эльфийка застонала от напряжения, пытаясь удержать преграду. Я разрядил арбалет в тварь, ледяные болты звонко разбились, не причинив врагу никакого ущерба.

— На него не действует боевая магия! — Кли-кли бросил первую пару метательных ножей. — Обычными! По глазам!

— У меня стрелы кончились! — крикнул Эграсса.

Вновь рев, удар, вспышка стены и сдавленный стон Миралиссы.

— Возьми мои! — Эльфийка отчаянно шептала новое заклятие.

Эграсса бросился к ней, Кли-кли расстался с еще одним ножом, Халлас колдовал над небольшим костерком. Чего он делает, тьма его заберит?!

Перезарядка, рычаг на себя, прицелиться в лиловое пламя... Похоже, Х'сан'кор прекрасно понимал человеческую речь. Он увидел, что я целюсь в его самое уязвимое место, прекратил штурмовать стену, отделяющую нас от него, и в тот момент, когда я нажал на оба спусковых крючка, закрыл глаза лапой.

Чпок! Чпок! Оба болта попали в ладонь. Тварь нехорошо глянула в мою сторону, обещая тысячелетия мучений, как только она до меня доберется, и как заведенная шархнула дубиной по стене. Та издала жалобный стон, но выдержала и на этот раз.

Треньк, треньк! Вновь запела тетива эльфийского лука. Одна стрела попала в пасть, другая застряла в голове, только каким-то чудом разминувшись с глазом. Тварь сунула лапу в рот, выдернула стрелу и вымолвила какую-то погань на корявом и совершенно непонятном языке. Очередная стрела, выпущенная Эграссой, сторела

в воздухе, так и не долетев до цели. Такая же участь постигла мой болт.

Этот гад еще и колдовать умеет?!

— Бесплезно! — Эльф убрал лук и обнажил с'каш.

Кли-кли выл и крутился волчком, творя заклятие. Миралисса закончила шаманство, и в свете луны и отблесках костерка гнома вся ближайшая трава поднялась в воздух, собралась в одном месте, сложилась в лезвие огромного ножа и ударила в грудь Флейты.

Не подействовало. Нож упал и рассыпался безобидной травой. Алистан Маркауз выругался, чудовище издало победный хохоток и обрушило дубину на едва державшуюся стену.

Бах-бах! Два выстрела из пистолетов слились в один и отвлекли Кли-кли от заклития.

Халласа окутало вонючим пороховым дымом. Левый глаз твари лопнул и погас. В реве врага смешались боль и ярость. Второе попадание пришлось несколько ниже, пуля пробила шею. Тело Х'сан'кора и так было черным от текущей из десятков ран крови, а теперь из его шеи упругими толчками выходила жизнь. Гном молодец, он вовремя сообразил, что поставленное Флейтой заклятие может действовать на стрелы и арбалетные болты, но ядра, или пули, как называет их Халлас, могут пройти магическую преграду. Так и случилось.

Бах!

Гном великолепно владел оружием, и теперь погас правый глаз чудовища. Но, вопреки моим ожиданиям, Х'сан'кор все еще твердо стоял на ногах. Слепший, да еще и воющий, как сотня поджаривающихся на сковородке грешников, он обрушился на стену.

Она вспыхнула в последний раз и лопнула, разлетевшись тысячей зеленых осколков. Я думал, от звона у меня голова взорвется. Миралисса беззвучно осела на землю. Три ели, находящиеся рядом с уничтоженной стеной, вспыхнули зеленым пламенем. Деревья горели от земли до самой верхушки, освещая лес зеленым светом.

Делер вопил и катался по земле, его куртка вспыхнула. К карлику бросился Угорь и принялся сбивать пламя с его спины. Огонь ревел и пожирал деревья, Х'сан'кор пронзительно визжал и слепо размахивал перед собой дубиной, надеясь задеть кого-нибудь из нас.

— Все назад! Валите отсюда, живо! — заорал Халлас.

Угорь помог Делеру подняться, и они побежали в глубь леса. Алистан и Эграсса подхватили лежащую Миралиссу и потащили ее подальше от чудовища. Я улепетывал следом за всеми, сейчас не было времени рассуждать, что к чему, у гнома в рукаве мог быть припрятан очередной сюрприз.

— На землю! — донесся до нас крик Халласа, и все как один послушно упали.

— Ко мне, ублюдок! Иди сюда!

Гном рядом с воющим Х'сан'кором казался мелкой букашкой.

Тварь слепо била по земле дубиной и шла на голос.

— Ну? Я здесь! Поймай меня, рогатая сволочь!

Х'сан'кор что-то прорычал, и его оружие разметало ближайшую молодую елочку на миллион щепок. Когда Флейта поравнялся с разведенным костром гнома, Халлас что-то швырнул в огонь и со всей поспешностью своих коротких ног бросился прочь.

От ослепительной вспышки, озарившей лес, я на миг перестал что-либо видеть. Затем раздался оглушительный хлопок, пламя взметнулось к самому небу, и земля ощутимо вздрогнула.

Когда яркие пятна исчезли из глаз, передо мной предстала картина разрушений, причиненных неизвестным оружием Халласа. Ели продолжали гореть, и света было предостаточно — можно разглядеть творящееся вокруг нас. Счастливчик стоял на четвереньках и отчаянно тряс головой. Лицо гнома оказалось залито кровью, борода опалена. На том месте, где совсем недавно горел костер, появилась яма. Рядом с ней лежал Х'сан'кор, взрывом ему оторвало обе ноги, несмотря на это, тварь пыталась дотянуться лапой до дубины.

— Живучая сволочь! — произнес Мумр, поудобней перехватывая рукоять меча.

— Отрубите ему голову! — крикнул откуда-то сзади Эграсса.

— Гаррет, позаботься о Халласе! — приказал Делер, поднимая секиру.

Угорь, Делер, Алистан Маркауз и Фонарщик бросились к Х'сан'кору.

— Ты в порядке? — Я помог гному подняться.

— Я ни хрена не слышу, Гаррет! — проорал гном и затряс головой. — Ни хрена! Куда ты меня тащишь?!

— Подальше!

— Чего?! Говори громче!

— Подальше отсюда!

— Я сам идти могу!

— У тебя все лицо в крови!

— Кто?! А! Задело! Царапина!

Между тем Алистан подскочил к чудовищу и изо всех сил воцпел ему в грудь меч. Тварь взревела и слепо отмахнулась рукой. Удар пришелся в нагрудник милорда Алистана и сбил графа с ног.

Мумр взмахнул биденхандером и остановил повторно опускающуюся на милорда руку. Меч перерубил Х'сан'кору запястье, и кисть повисла на лоскуте кожи. Тем временем Угорь всадил «брата»

и «сестру» в другую руку, пригвоздив ее к земле, а Делер, широко размахнувшись, вбил лунообразное лезвие секиры Х'сан'кору в лоб.

Тварь редела, выла и размахивала обрубок, из которого хлестала кровь. Мумр подлетел к обездвиженной Угрем руке и, хакнув, тремя ударами перерубил ее возле самого плеча.

— Умри! Умри! Да умри же ты, сволочь! — Карлик обрушил на голову Х'сан'кора град ударов.

Тяжелое оружие крушило плоть и ломало кости. Флейта дергался, хрипел и... жил. Кто бы ни создал эту тварь на самой заре времен, но живучестью он наделил ее отменной, любой х'варр лопнет от зависти.

В груди у Х'сан'кора клокотало, Алистан Маркауз решил не церемониться и превратил ее в решето. Из рта чудовища доносились хрипы и невнятные обрывки фраз. По-моему, оно решило осчастливить нас новым закланием. Так думал не только я.

— Да отрубите же ему башку наконец! — пронзительно взвизгнул Кли-кли.

— Гаррет, где моя мотыга? — Халлас зажимал левой рукой рассеченную бровь, а правой пытался оттолкнуть меня.

— Успокойся, они сами справятся!

— Как же, справятся! Башку долой, тупицы!

— Делер, справа! — рявкнул Мумр, раскручивая Биденхандер над головой.— Угорь, милорд! Отрубите ему культю, чтоб не дергался! Начали! И э-э-эх!

Биденхандер рухнул на шею чудовища. Затем секира. Потом снова двуручник. Карлик и человек работали, как заядлые лесорубы. Наконец Делер в третий раз опустил секиру, и Х'сан'кор замолк. Теперь уже навечно.

— Штихс фаста райк! — выругался на гномьем языке Делер и вытер рукавом пот со лба.— Запарились! Халлас, ты как?

—Что?! Жив. А твоя спина?

—Куртка сгорела,— скорчил физиономию карлик и закинул секиру на плечо.

Ели все еще продолжали гореть, но зеленое пламя уже успело смениться обычным, немагическим.

— А скажи-ка мне, друг Халлас, что это ты в огонь бросил? — задумчиво спросил у гнома Кли-кли, изучая образовавшуюся в земле яму.

— Громче говори!

— Что в костер кинул?!

— Много будешь знать — быстро помрешь,— отрезал гном.— Рог с порохом, вот что! Из-за этой страхолюдной паскуды у меня осталась заряженной только одна пистоль! Ладно... Шут с ней, с писто-

лю! Главное, что все живы. Скажу ребятам в Великане, что Х'сан'кора завалил, так они ведь не поверят!

— Это ты-то завалил? Если б мы с Фонарщиком не оттяпали ему голову, то плакала бы твоя опаленная бороденка! — Делер не соби-рался оставаться в стороне от такого подвига.

— Вы не забыли о первом чудовище, милорд? — спросил я у Али-стана Маркауза. — Где-то там, впереди, точно такое же, только, в от-личие от этого, оно живехонько!

— Думаю, о той Флейте нам не стоит больше беспокоиться, Гар-рет, — тихо вымолвил Эграсса. — Будь Х'сан'кор жив, он бы уже при-шел на шум, что мы здесь устроили.

— Неужели человек убил его? — Халлас не мог поверить в такое.

— Видимо, да.

— Значит, он еще опаснее Флейты, — заключил Угорь. — Что с леди Миралиссой?

Вопрос гарракца повис в воздухе, все смотрели на эльфа, кото-рый все это время оставался с эльфийкой.

— Теперь уже ничего, — ответил темный и убрал с'каш за спину.

Глава 3

У ВРАТ

Нам потребовался час, чтобы сложить погребальный костер. Де-ревьев вокруг было много, и секира Делера поработала на славу. Да и остальные ненамного отстали от карлика. Теперь груды дров, на которую положили Миралиссу, не уступала размерами погребаль-ному костру, который мы сложили, когда умер Элл. Рядом с эль-фийкой лежали ее с'каш и лук. Эграсса оставил себе только колчан.

Когда эльф подвел нас к Миралиссе, никто не поверил, что эль-фийка умерла. Казалось, что она просто спит или отдыхает, закрыв глаза. Никаких ран, кольчуга из голубоватой стали осталась целой. И лишь когда мы подняли девушку, чтобы отнести на костер, из ее правого уха вытекла одна-единственная капелька крови.

Миралиссу убило ее же шаманство. В тот момент, когда под на-пором Х'сан'кора лопнула и разбилась магическая стена, лопнула и разбилась нить жизни эльфийки. Принцесса дома Черной луны полностью вложила себя в магию, и сила отката заклятия не остави-ла ей никаких шансов остаться в живых.

Когда волшебное пламя костра превратилось в дикого ревущего дракона, грозившего сжечь луну и звезды, а Миралисса навсегда скрылась в рыжих языках пламени, Эграсса запел погребальную песню.

ГЛОССАРИЙ

Авендум — столица северного королевства Валиоэтра. Крупнейший и самый богатый город Северных земель.

Анналы Кроны — наиболее подробная и самая древняя историческая хроника, которую эльфы ведут с того момента, как они появились в мире Сиалы.

Батарный меч — разновидность полторного меча. Этот клинок можно удерживать как одной, так и двумя руками.

Бездушные егеря — части армии Валиоэтра, в мирное время выполняющие функции милиции. Используются в боевых действиях, участвуют в подавлении бунтов, заговоров. Вылавливают и уничтожают опасные банды и отдельных преступников.

Безлюдные земли — леса, тундры и ледяные поля на далеком севере. Они заселены различными существами. Некоторые из них пытаются проникнуть в Северные земли Сиалы, и лишь неприступные горы Отчаяния, крепость Одинокий Великан и Дикие Сердца сдерживают их вторжение в мир людей. Огры, великаны, свены, х'варры, зимние орки и десятки других рас и существ населяют эти огромные территории. Тут тоже живут люди, дикари и варвары, подчинившиеся Неназываемому. В Безлюдных землях, на полуострове Рачья Лапа, существует единственное людское государство — Рачье герцогство.

Далеко на севере Безлюдных земель, за Иглами Стужи, находится жилище Неназываемого, о котором благоговейным шепотом рассказывают плененные разведчиками Диких Сердец дикари.

Биденхандер — двуручный меч. Огромный меч, лезвие которого может достигать полутора ярдов в длину, с массивной рукоятью, тяжелым, обычно круглым, противовесом и широкой крестовиной. Иногда возле крестовины оружейники добавляли массивные клыки-отроги для остановки продвижения клинка противника вскользь.

«**Бобровые шапки**», или «**бобры**» — воины Валиоэтра, вооруженные тяжелыми двуручными мечами. Каждый воин носит звание «мастер длинного меча» и свой отличительный знак от других подразделений — бобровую шапку. Эти войска используют в качестве

ударного резерва, для спасения боя в той или иной ситуации. Также во время сражений «бобры» удостоиваются чести нести охрану знамени и короля, заменяя королевскую гвардию.

Больница Десяти мучеников — городская больница Авендума, созданная по приказу Грока на том самом месте, где прорвавшийся через оборону людской армии отряд орков остановили десять воинов из гарнизона Авендума (640 г. Э. С.).

«Брат» и «сестра» — название двух клинков особой школы фехтования, распространенной в Гарраке, обычно только среди знати. Во время боя оружие находится на разных вертикальных уровнях друг от друга. «Братом», узким обоюдоострым клинком, находящимся в правой руке, как рубят, так и колют. «Сестрой», более коротким клинком, не имеющим режущей кромки, наносят только колющие удары. Это оружие носят либо за спиной, либо в одних сдвоенных ножнах.

Вампир — существо-легенда. До сих пор неизвестно, есть ли оно или это всего лишь сказки пьяных крестьян. По легенде, вампирами могут становиться только люди и темные эльфы. Вампирам приписывают волшебные свойства, такие, как превращение в летучую мышь или в туман. Орден магов ставит существование вампиров под сомнение.

Вастарская сделка. — Вастар — король Гаррака, который в 223 г. Э. С. заключил союз с драконом, чтобы тот помог ему напасть на соседние королевства. Ничего из этого у короля не получилось, дракон не стал вступать в бой с людьми, и армия Вастара была разгромлена. Под Вастарской сделкой понимают также невыгодный договор.

Великаны — одна из рас, обитающих в Безлюдных землях.

Веселые висельники — солдаты, набираемые в армию из бывших каторжников, преступников и пиратов. При вступлении в ряды армии Валиостра им прощаются все бывшие прегрешения. Выполняют функции морской пехоты.

Война Весны — война, начавшаяся в последний год Тихих времен (640 г. Э. С.). С одной стороны в ней участвовали люди и темные эльфы, с другой — орки Заграбы. Война Позора — орочье название Войны Весны.

Волшебство — волшебники людей и светлых эльфов владеют высшей магией, основанной на ранней магии или шаманстве орков и темных эльфов.

Гаррак — королевство на юге Северных земель Сиалы. Сильное, хорошо военизированное. Гарракское дворянство считается очень вplyчивым, опасным и непредсказуемым.

Гарринч (*гном.*, букв.: хранитель сундуков) — существо, обитающее в степях Унгавы. Выдрессированный гарринч — великолепный сторож для сокровищниц.

Гвардия короля Валиоэстра — личная гвардия короля. В нее набирают только дворян. Гвардейцы носят цвета короля — серый и синий. Командует гвардией капитан.

Глаза смерти — когда после броска кости показывают одни единицы.

Гномы — как и их более крупные братья, карлики, появились в мире Сиалы сразу же за орками и эльфами. Поселившись в Горах карликов, гномы и карлики углубились в недра гор. Гномы — низкорослые бородатые существа со сварливым характером. В Горах карликов они существовали на правах младших братьев. Гномы — неважные ремесленники, и у них никогда не получалось сделать такую же красивую и искусную вещь, как у карликов. Гномы великолепно работают со сталью, добывают руду и другие богатства земли. Они хорошие строители и землекопы.

Спустя несколько тысячелетий жизни в Горах карликов гномы ушли из старого дома, навсегда рассорившись с родственниками — карликами.

Гномье племя нашло себе новое пристанище в Стальных шахтах Исилии. За проживание в шахтах они платят королевству ежегодную дань — литу, а также поставляют сталь. Гномы изобрели печатный станок, затем им стал известен секрет изготовления пороха.

Карлики говорят, что гномы украли его у их соотечественника, возвращавшегося из путешествия из-за Хребта мира. Разгоревшаяся между бывшими родственниками битва на поле Сорна (1100 г. Э. С.) закончилась ничем. Стороны понесли огромные потери и разошлись по домам.

Гномы тщательно скрывают секрет пороха и продают пушки.

Они не имеют своей магии, их последний маг погиб на поле Сорна, а книги гномов спрятаны глубоко в Горах карликов в надежном тайнике, до которого невозможно добраться из-за вражды с карликами.

Гоблины — маленькие существа, живущие в самой глубине лесов Заграбы. Шаманство гоблинов считается самым мощным после шаманства огров, но оно практически не имеет привычных атакующих заклинаний.

Горы карликов — огромная горная цепь, высотой с которой может сравниться только Хребет мира, протянувшийся через Северные земли с востока на запад, разделяя их на две части. Зам-да-Морт, или Замок смерти, — самая высокая и величественная вершина Гор карликов.

Горы Отчаяния — низкие, но неприступные скалы, разделяющие Валиостр и Безлюдные земли. В них только один перевал, на котором расположен Одинокий Великан.

Грок — 1) легендарный полководец Валиостра, сдержавший армию орков у Авендума в последний год Тихих времен (640 г. Э. С.) до прихода подмоги темных эльфов. На одной из центральных площадей города ему поставлен памятник; 2) младший брат-близнец полководца Грока, носивший такое же имя. Маг, получивший имя Неназываемый.

Гхолы — трупоеды-падальщики. Обычно этих существ можно обнаружить на полях битв или на старых кладбищах. Если по какой-то причине еда пропадает, то гхолы могут залечь в спячку на несколько лет.

Джанга — быстрый ритмичный танец, очень популярный в Загорье.

Джашла — королевство горцев возле Хребта мира.

Дикие Сердца — отряд воинов, несущих службу у Одинокого Великана.

Джок Имарго, или **Джок-принесший-зиму** — человек, которого обвинили в убийстве принца дома Черной розы. Из-за этого «убийства» началась Долгая зима.

Долгая зима — так эльфы называли отрезок времени в сто сорок лет (500 — 640 гг. Э. С.) Долгая зима произошла после нелепой гибели эльфийского принца дома Черной розы в Ранненге во время городских празднеств. Закончилась в последний год Тихих времен (640 г. Э. С.), во время Войны Весны, когда эльфы пришли на помощь Гроку и его людям в битве с армией орков. В подтверждение окончания Долгой зимы Гроку был подарен Рог Радуги.

Доралиссские лошади — лошади этой породы выведены в степях Унгавы и ценятся по всем Северным землям за красоту, стремительность и неутомимость.

Доралиссцы — раса козлолюдей, обитающая в степях Унгавы.

«**Дракон**» **Гаррака** — гвардия короля Гаррака.

Дрок — эльфийская ткань, которая не пропускает воду, запахи и не горит в огне.

Д'сан-дор (*орк.*), или **Дремлющий лес** — лес, находящийся в Безлюдных землях близ отрогов гор Отчаяния.

Загорье, или **Вольные земли** — земли у южных отрогов Гор карликов. Туда бегут все, кто недоволен властью или законами королевства. Крестьяне, младшие сыновья, опальные дворяне, авантю-

ристы и преступники. Для таких людей в Загорье всегда найдется земля и работа.

Заказ — договор, который заключают между собой мастер-вор и клиент. Вор обязуется доставить нужную вещь, а в случае неудачи вернуть задаток и процент от общей суммы сделки. Клиент обязуется расплатиться после получения интересующего его предмета. Расторгнуть Заказ можно только с обоюдного согласия обеих сторон.

Закрытая (Запретная) территория, или Пятно — район Авендудма, возникший в результате попытки с помощью Рога Радуги нейтрализовать Кронк-а-Мор в 872 г. Э. С. Закрытая территория обнесена волшебной стеной, и почти никто не решается туда проникнуть. Говорят, что там обитает зло.

Зам-да-Морт (гном.), или Замок Смерти — самая высокая и величественная вершина Гор карликов.

Защитник Рук — одна из высших должностей в иерархии жрецов Сагота.

Звено Борга — названо по имени полководца древности, создавшего построение Цепь, где каждый воин (звено) являлся незаменимым во время отражения нападения.

Зеленый лист — одна из самых страшных пыток темных эльфов, которую они применяют лишь к оркам (единственное исключение — Джек Имарго). О ней практически ничего не известно, лишь слухи, в которых говорится о нечеловеческих муках пытаемого. Пытка может продолжаться годами и без перерыва.

Иглы Стужи — ледяные горы далеко в Безлюдных землях.

Играющие с ветром — так в армии называли опытных лучников, неважно, к какому отряду они принадлежали. Играющие, несмотря на сильный ветер, мешающий полету стрелы, почти всегда попадали в цель.

Империя — после рождения в императорской семье двух сыновей-близнецов Империя распалась на два государства — Приозерную и Заозерную империи. Эти два королевства постоянно воюют друг с другом за право объединения под властью одной из династий, ведущих свою родословную от двух братьев-близнецов.

Имперская собака — порода сторожевых собак, выведенная в Империи.

Ирилла (орк.), или Туманный паук — порождение шаманства огров. До сих пор точно неизвестно, что это такое — нематериальная субстанция или живое существо.

Иселина (орк.), или Черная река — начинается в Горах карликов, протекает через восточную часть лесов Заграбы, пересекает Ва-

лиостр, разделяется на правый и левый рукав и впадает в Восточный океан.

Исилия — королевство, граничащее с Валиостром и Мирануэхом.

Исилийский мрамор добывают на южных отрогах Стальных шахт. Во время хождения по такому камню рождается оглушительное эхо. В основном используется либо против воров, либо чтобы к владельцу не подкрались убийцы, либо ради красоты, хотя и приходится терпеть неприятные звуки.

Канийскаяковка — оружие, изготовленное из стали, добытой в Стальных шахтах Исилии. Сталь обрабатывают в знаменитых кузнях столицы королевства — Кании. После специальной обработки иковки она приобретает рубиновый цвет и специфическое свойство — встречаясь со сталью другого вида, издавать мелодичный звон колокольчиков либо яростный визг, — поэтому сталь канийскойковки еще называют Поющей, Визжащей сталью или Рубиновой кровью.

Карлики — низкорослая раса, живущая в Горах карликов. Они ничем не похожи на своих братьев — гномов. Удивительно, но их сильные руки с толстыми пальцами творят изумительные и потрясающие вещи, которые ценятся во всех уголках Сиалы. Неважно, что это — оружие, инструменты или произведения искусства.

К'лиссанг (*орк.*, букв.: хранящий верность) — эльф, давший родовую клятву и поступивший телохранителем к эльфу более знатного рода сроком на девять лет. Если хранящий верность погибает за время своей службы, вся его семья переходит в род эльфа, которого охранял к'лиссанг.

Королевские песочники — тайная полиция короля, защищающая интересы государства и самодержца. Названы так за свою эмблему — песочные часы.

Кронк-а-Мор — шаманство огров.

Лабиринт — древнее сооружение орков, располагается в лесах Заграбы. В лабиринт орки запускают пленников и делают ставки, кто из несчастных дольше проживет.

Леса Заграбы — занимают огромную территорию. Местами прекрасные, местами страшные и опасные вечнозеленые леса скрывают множество загадок и таинственных существ. В лесах Заграбы живут темные эльфы, орки, гоблины, дриады.

Леса И'альяла — расположены возле Хребта мира. В них живут светлые эльфы. И'альяла — леса Северных земель Сиалы возле Хребта мира. Сюда переселились светлые эльфы из лесов Заграбы после раскола эльфийских домов.

Линг — маленький зверек, живущий в тундре Безлюдных земель. Очень похож на лохматую крысу, но с куда большими зубами и когтями.

Мастер длинного меча — звание, которое получал воин, в совершенстве владеющий тремя техниками работы с двуручным мечом (классический хват, хват за один из клыков, посоховый хват). На рукояти меча — золотое тиснение в виде дубового листа.

Миранград — столица Мирануэха, королевства, расположенного по соседству с Валиостром.

Мирануэх — королевство, граничащее с Гарраком, Исилией и Валиостром. Постоянно воюет с Валиостром из-за Спорных земель.

Моельня Рук — собрание верховных жрецов Сагота.

Мотыжники — так иногда называют гномов. Излюбленное оружие гномов, так называемая боевая мотыга. Оружие включает в себя одновременно чекан и боевой молот.

Неназываемый — имя мага Валиостра, которое ему дали после предательства в последний год Тихих времен (640 г. Э. С).

Низина — королевство возле лесов И'альяла.

Низинские мастера — мастера из Низины. Славятся на всю Сиалу изготовлением посуды из особого сиреневого фарфора.

Обур — гигантский медведь из лесов Заграбы.

Огры — раса из Безлюдных земель. Единственная старая раса Сиалы, оставшаяся в этом мире. С самого начала огры получили очень сильную и разрушительную магию — Кронк-а-Мор. Считается, что они — дальние родственники орков и эльфов. Эльфы говорят, что разум огров забрали боги. Если бы огры остались такими же умными, как раньше, то захватили бы и уничтожили весь мир Сиалы.

Одинокий Великан — крепость, которая перекрывает единственный перевал в горах Отчаяния, ведущий из Безлюдных земель в Валиостр.

Орден магов — имеется в каждом королевстве. Только Загорье и Джашла не имеют Ордена. В состав Совета каждого Ордена входят архимаги. Возглавляет Орден магистр. В Ордене существует четкое разделение по рангам, которые отмечаются на посохе. Маг Ордена — одна полоска; стихийный маг (овладевший несколькими спецификациями-школами) — две полоски; маг, допускающийся в совет, — три полоски; архимаг — четыре полоски; магистр — четыре полоски, а наверхие посоха маленький черный ворон.

Орки — первая новая раса Сиалы. Эльфов считают своими кровными врагами, хотя те являются их прямыми родственниками.

Орки говорят, что они Первые и должны править всем миром, а все остальные расы — это досадная ошибка богов. Кроме лесов Заграбы орки обитают в Безлюдных землях (снежные орки).

Пограничное королевство, или **Пограничье** — королевство рядом с северными отрогами Гор карликов и лесами Заграбы.

Поле Сорна — поле, на котором произошла битва (1100 г. Э. С.) между гномами и карликами. Пушки и боевые мотыги встретились с секирами и мечами. В этой битве победителей не было.

Пурпурные годы — промежуток времени, когда карлики с гномами вели ряд жестоких войн друг с другом, итогом которых был исход гномов из Гор карликов.

Рачье герцогство — единственное государство на территории Безлюдных земель.

Река Хрустальной Мечты — узенькая речушка в Авендуме, проходящая через Портовый город и впадающая в Холодное море.

Рог Радуги — легендарный артефакт, созданный ограми в противовес собственной магии — Кронк-а-Мору, если она выйдет из подчинения. Рог был захвачен темными эльфами, а впоследствии они передали его людям (Гроку) как подтверждение добрых намерений и заключение вечного союза между темными эльфами и Валиостром. Каждые двести — триста лет Рог нужно насыщать магией, чтобы он не потерял своих свойств. После появления Закрытой территории Рог был похоронен вместе с Гроком в Храм Спайне. Его магия сдерживает Неназываемого в Безлюдных землях.

Рука — военный вождь орков.

Рыночная площадь — известная площадь Авендума, где постоянно проходят театрализованные представления.

Сагот — один из двенадцати богов мира Сиалы. Покровитель воров, мошенников, плутов и шпионов.

Сагра — одна из двенадцати богов мира Сиалы. Богиня войны, справедливости и смерти. Покровительница воинов.

Свены, или **Поющие** — существа Безлюдных земель, похожие на лохматые летающие шары, которые появляются на просторах Безлюдных земель в самые лютые морозы. Поют Песнь, убивая все живое.

Серые камни — самая надежная и страшная тюрьма-крепость Валиостра, из которой за все время ее существования ни разу не было совершено побега.

Сиала — мир, в котором происходят события книги.

Сильна — богиня любви, красоты и природы.

С'каш (*орк.*), или крюк — изогнутый ятаганообразный клинок. Имеет заточку на внутренней, вогнутой стороне. Обычно имеет зубцы как у пилы.

Склот (*гном.*), или штопор — тяжелый военный арбалет, предназначен для пробивания тяжелых доспехов воинов, идущих в передних рядах.

Спорные земли — земли между Мирануэхом и Валиостром, возле лесов Заграбы.

Сталконы — королевская династия Валиоистра.

Стальные лбы — тяжелая пехота Диких.

Стальные шахты — горы и рудники в Исилии, где добывают лучшую породу Северных земель. Здесь живет раса гномов.

Степи Унгавы — степи на самом юге Северных земель.

С'у-дар (*огр.*), или **Ледяной перевал** — единственный путь из Безлюдных земель в цитадель Неназываемого, проходящий через Иглы Стужи.

Султанат — государство, расположенное за степями Унгавы.

Тихие времена — отрезок с 423 по 640 г. Э. С., во время которого Валиостр не вел ни одной войны. Это времена благоденствия и расцвета королевства. Они закончились, когда огромная армия орков из лесов Заграбы вторглась в Валиостр.

Треш (*орк.*) — вежливое обращение у эльфов к эльфу знатного рода. Иногда его используют другие расы во время разговора с высородными эльфами.

Филанд — королевство возле южных отрогов Гор карликов.

Х'варры, или **Снежные падальщики** — обитают в Безлюдных землях.

Холодное море — северное море Западного океана, омывающее берега Валиоистра и Безлюдных земель.

Храд Спайн (*огр.*), или **Костяные дворцы** — огромные подземные катакомбы и дворцы, где огры, орки, эльфы, а затем и люди хоронили павших воинов.

Хребет мира — цепь самых высоких гор Сиалы. Проходит с севера на юг почти через весь континент. Хребет труднопроходим, за ним располагаются почти неизведанные земли.

Х'сан'кор (*орк.*), или **Ужасная флейта** — чудовище-людоед, обитающее в лесах Заграбы.

Шаманство — изначальная магия Сиалы. Первыми ее стали использовать огры, затем орки, темные эльфы, гоблины. Именно от шаманства произошла магия людей и светлых эльфов.

Шамар — столица Пограничного королевства.

Шипы — воины, входящие в этот отряд, занимаются разведкой и рейдами в глубь территории Диких земель. О Шипах ходит слава отчаянных рубак и сорвиголов.

Штольни Ола — каменоломни в шести днях пути от Авендума. Название получили по имени их первого владельца. Здесь добывали камни для легендарных стен города. Ныне Штольни Ола заброшены.

Эльфы — вторая молодая раса Сиалы, появившаяся почти сразу за своими родственниками — орками. Через несколько тысячелетий жизни в лесах Заграбы у эльфов произошло разделение на светлых и темных.

Светлые эльфы не удовлетворились тем, что давало им шаманство. Они принялись изучать волшебство, используя как основу магию людей.

Темные эльфы в отличие от светлых, предавших память предков, продолжают использовать изначальную магию этой расы — шаманство.

Имена всех женщин темных начинаются на «м», мужчин на «э». Если эльф является выходцем из правящей семьи Темного дома, то к имени прибавляется «с-са».

Э. С. — эпоха Снов, последняя эпоха Сиалы (1123 г.). События, описанные в книге, происходят в последний год Э. С. До этого времени были: эпоха Свершений (эпоха, во время которой на Сиале появились люди, — около 7000 лет назад); Седая эпоха (эпоха, отсчет которой пошел, когда на Сиале появились орки и эльфы); Темная эпоха (неизвестно, кто, кроме огров, существовал в те далекие времена на Сиале и что тогда происходило).

Языки Сиалы — существуют три основные группы языков на Сиале. Первая группа — орочий. На нем общаются орки и эльфы. Вторая группа — гномий, на нем разговаривают гномы и карлики. Третья группа — человеческий, или всеобщий. Также существуют другие языки и диалекты. Например, язык огров или гоблинов.

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Вор и герой — понятия несовместимые?

Геннадий Гладков, известный композитор, в одном интервью вспоминал: «Солженицын говорит, что жил при трех поколениях. Первое — дореволюционное, когда люди жили «за Бога и царя» и понимали, для чего живут. Послевоенное поколение было уверено, что социализм, путь к коммунизму — это и есть та единственная правда жизни, ради которой стоит рвать пуп. И третье поколение — постсоветское. Оно оказалось самым страшным. Ничего святого! Никаких нравственных устоев!»

Трилогия писателя Алексея Пехова о похождениях вора Гаррета-тени показывает нам целый мир. Что же это за мир, где воры становятся героями?

Три книги: «Крадущийся в тени», «Джанга с тенями» и «Вьюга теней» — это увлекательно написанное эпическое полотно по сюжету, масштабности событий и грандиозности задач, которые приходится решать героям, очень напоминающее роман Толкиена «Властелин Колец».

Судьба королевства в руках вора! Звучит парадоксально, но это правда. Поэтому стремление помочь Гаррету в выполнении его миссии и лежит в основе поступков тех, кто сопровождает его в нелегком походе.

«Ушел с поколением хиппи Чужак с чужой земли, ушли коммунистические идеалы «Полдня», сошла на нет консервативно-утопическая Ордусь, но читатель остался. Народилось целое поколение, которое не жило при социализме, для которого ужасы 1984-го — пустой звук, которое запросто отменяет христианские и буржуазные ценности, желая построить новый мир на развалинах старого» — так писал Сергей Красиков в своей статье «Эскапизм со взломом». Алексей Пехов — в определенной степени выразитель этого нового поколения. Не имеющего нравственных устоев, как выразился Гладков. Сиала — тот самый мир, где, в отличие от Средиземья, нет Зла, против которого, рискуя жизнью, шли бы сражаться герои. В руках мастера-вора — спасение королевства, а не мира. Спасение от кого? Кто враг? Неназываемый, именем которого пугают детишек — кто он? «Зло и тьма», — говорит Гаррет. Впрочем, смотря как это понимать. «Он ведь... просто очень сильный волшеб-

ник...» — считает король. «Что есть зло, вор?! Что есть добро?! Кто сможет определить, что есть первое и что есть второе?! Где та неуловимая грань между добром и злом?!» — спрашивает Посланник. Вот, оказывается, как все непросто. И вору приходится своими поступками отвечать на эти вопросы.

Мир Сиалы антропоцентричен. Несмотря на то что он заселен множеством рас, человек оказывается сильнее всех. Не потому, что он действительно сильнее, но потому, что стремится к этому. Человек на протяжении всей истории своей считает себя царем природы. И всегда борется за это место. Вспомните «Легенду о мягком золоте»:

Тогда улыбнулся солдат-человек,
С усмешкой он эльфу сказал:
«Не надо платы. Мы все возьмем.
Золото — мягкий металл».

Человек находится в центре мира Сиалы. И можно понять возмущение орка по имени Олаг, который кричит Гаррету: «Вы появились самыми последними, даже доралиссцы, это отродье козжих матерей, появились раньше вас!.. Пока мы воевали с эльфами и пытались выковырять из проклятых гор карликов и гномов, вы разбежались по всему миру и стало поздно... Но вы даже хуже чумы! Вы хуже тараканов! Вы плодитесь со скоростью эльфийской стрелы и отличаетесь безумием бешеного волка! Вы можете только убивать и уничтожать все прекрасное, что есть в нашем мире! ...Вы не остановитесь до тех пор, пока не разорвете Сиалу на тысячу кусков...»

Во все времена человек — как особь и как вид — озабочен выживанием, пусть даже за счет других. «Жить захочется, так и не на такое пойдешь». Поэтому Злом оказывается Война. Не та война, которую всегда ведут люди друг с другом за какие-нибудь Спорные земли, а Война, суть которой — месть и утоление ненависти. Потому что приход Неназываемого закончится смертью для всего королевства, а не потерей клочка болотистых земель.

Главной ценностью оказывается жизнь. «Зло становится добром, а добро — злом, стоит лишь посмотреть на них с разных берегов реки Жизни!» Нет жизни — нет всего остального. Какие тут могут быть нравственные устои? В такой ситуации и вор становится героем, ибо вор — некое средоточие человеческого эгоизма: чтобы жить, он ворует, нарушая одну из заповедей, может и убить, вор живет для себя, не считаясь с окружающими, у него нет друзей, близких людей. Вот он, герой нашего времени, — «хитрый и извортливый человек», индивидуалист, для которого «нет ничего святого».

«Я принимаю Заказ», — ответил Гаррет королю. И вот небольшой отряд тронулся в далекий и опасный путь, конечная цель которого — спасение королевства. Так, по крайней мере, воспринимают путе-

шествование его предводители — Алистан Маркауз и Миралисса. Но отношение Гаррета к спасению всех ироничное, он идет не поэтому. Он принял Заказ, и теперь его ведет профессиональная этика. Честность — странное для вора качество, однако оно — одна из основ его ремесла, ведь он мастер-вор. Выходит, есть еще ценности помимо жизни? Есть, и это — дело. Отряд, сопровождающий Гаррета, сильно поредел за время похода к Храд Спайну, и люди без слов отдавали жизнь за Дело. Чье-то дело было поменьше — обычное солдатское, чье-то побольше — спасение королевства, дома... Но любое дело должно быть выполнено с честью, воровское ли, солдатское ли, королевское ли... Как пел Щербаков, «всё победят только лишь честь и свобода». Честь и честность — слова одного корня. Честность перед делом, перед совестью, перед собой. Однако еще кое-что выносит Гаррет из своего похода, и это — понятие дружбы и доверия. Никому не доверять было своеобразным кредо мастера-вора до путешествия в Костяные дворцы — «когда был только ты и ночь, когда ты полагался только на себя и не держал за пазухой десяток друзей, обязательств и правил», — напоминает Гаррету его отражение.

Нет Тьмы, нет Зла, хотя нет и Добра. Но это не значит, что исчезли нравственные устои, они просто стали другими, изменились. «Куда-то делись незыблемые Социалистические Ценности. Их пытались было заменить на столь же незыблемые Православные, однако в результате естественного отбора победило: «Контракт подписан, не выпить ли нам чаю «Липтон»?» (С. Красиков). Да, современные ценности во многом функциональны, потому что находить их приходится долгим опытным путем и собственной шкурой: надо пройти полмира, чтобы понять кое-что. Но от этого они не перестают быть абсолютными, то есть — выше жизни. Чтобы спасти друзей, королевство, дело, милорд Крыса повел за собой орков, зная, что умрет. И Смерть немного задержалась, оценив стремление Алистана Маркауза умереть воином и героем.

Спаси мир Гаррету все же приходится — мир Хаоса, Изначальный. «Спасаем мир и занимаемся другой бесполезной и совершенно дурацкой ерундой» — так он сам иронично отзывается о своих подвигах. Интересно, однако, что делает это вор потому, что таким образом оплачивает личный долг перед тремя тенями, живущими в Изначальном мире: они спасли ему жизнь. Однако своим путешествием Гаррет спасает и собственный мир: он участвует в Игре, а «игрой и борьбой мир проходит проверку на жизнь».

В фантастике основной темой всегда было определение человеком своего места в мире. Литература фэнтези больше ориентирована на решение «вечных» и нравственных вопросов, потому что лишена злободневной, бытовой окраски, налета преходящих, внешних проблем, позволяя делать акцент на глубинных процессах отношений человека и мира, хотя постановка и решение вопроса остаются современными и своевременными. Мир, перманентно находящийся в состоянии войны. Парадокс всего человеческого существования: «Хочешь мира — готовь-

ся к войне». Однако в современном нам мире война становится опасной для всех, и Третья мировая, которая висит над миром как дамоклов меч, может стать последней войной в истории человечества, ибо после нее, возможно, писать историю станет некому. «Хроники Сиалы» довольно точно передают настроение, дух нашей эпохи: переоценка «всего святого» в преддверии великой резни. Чем так опасен Неназываемый? Против его армии найдется у Валиостра своя армия. Но он обладает силой, человеку почти неподвластной, неизвестной, непостижимой. Поэтому так необходим древний артефакт — весь ход Войны, существование мира зависят от одной небольшой вещицы, своеобразной «красной кнопки». И разные силы вступили в схватку за обладание ею.

Гаррет-тьень. Тень — не свет, не тьма, а их смешение. Герой отказывается от выбора, он живет в тени, в буквальном и переносном смысле. Он просто человек, который хочет жить, то есть есть и пить и... Тень — лейтмотив всей эпопеи: мир создавался из тени, главный герой — тень, она же его подруга, любовница, напарница. Тень «является убежищем для всех: для мирных горожан, в страхе прячущихся в ней от опасных людей; для грабителей, которые сидят в тени, скрывая ножи под плащами, ожидая добропорядочных граждан; для существ, которые живут в тени и охотятся по ночам на тех и других». Почему именно она? Потому ли, что она не свет и не тьма? Потому ли, что скрывает от других — людей и нелюдей? Однако не было бы тени, если бы не было света и тьмы. Значит, все же есть из чего выбирать?

Но мир — всего лишь тень, а значит, вопроса выбора просто нет — живи и делай свое дело. Вот закончилась война, победа за нами, и что дальше? А дальше жизнь продолжается — «весна как-никак!» — и каждый занимает в ней свое место. Остатки отряда Диких уходят к Одинокому Великану продолжать нести охранную службу, гоблинша, задержавшись в Авендуме, «пока нужна», возвращается в леса Заграбы шаманить.

Герой ли Гаррет? «Я уже начинал ловить на себе вопрошающие взгляды. Наверное, некоторые из присутствующих здесь предположили, что, раз я путешествую с такими отчаянными и уважаемыми личностями, как Халлас и Делер, значит, и я легендарный герой и по меньшей мере голыми руками скрутил шею Неназываемому». Однако героичность Гаррета остается такой же предположительной и условной, как и спасение им мира, которое он совершал в снах. Он видел сны, и нельзя достоверно утверждать, что то, что ему снилось, было на самом деле, что бы ни твердили гоблинские шаманы. Гаррет не герой, он персонаж. Если он и совершил подвиг, то это был подвиг верности себе, честности перед собой и людьми, собой — человеком, обычным — ни большим, ни маленьким — человеком, который во все времена остается в тени истории.

Ольга ЖАКОВА

СОДЕРЖАНИЕ

КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ	7
ДЖАНГА С ТЕНЯМИ	387
ВЬЮГА ТЕНЕЙ	687
<i>Глоссарий</i>	1135
Примечания	1145
<i>Ольга Жакова. Герой нашего времени</i>	1147